

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

ISSN 0321-5075 (Print)
ISSN 2782-2389 (Online)

НАУКА
— 1727 —

ASIA & AFRICA today

2024 № 6

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2024 № 6

Ежемесячный научный журнал

Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. – «Современный Восток»).

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт
всеобщей истории РАН, Москва, Россия), А.В. Денисов (Москва, Россия),
Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия), С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия),
В.А. Мельянцев (Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия),
Д.В. Мосяков, (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР),
М. Наср аль-Гибали (Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), О.И. Тетерин (Москва, Россия), Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения
РАН, Москва, Россия), В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2024 № 6

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title
“Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision
of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute
of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic
Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages,
Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams
University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), W. Reno
(Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow),
V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia), O.I. Teterin (Moscow, Russia),
H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Криволапов О.О. Противоракетная оборона США и их союзников в Северо-Восточной Азии и региональная безопасность	5
Хайруллин Т.Р. Палестино-израильский конфликт 2023 года: реакция глобальных и региональных игроков	15
Рогожина Н.Г. Политический выбор Таиланда	25
Кузнецов А.А. Шиитские вооруженные формирования «Аль-Хашд аш-Шааби» в иракской и региональной политике	34
Колгушкина И.А. Влияние гендерного неравенства на энергетический сектор Индии	42
Калиниченко Л.Н., Новикова З.С. Алюминиевая промышленность Африки: структура, проблемы, потенциал	50

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Кавина А. (Танзания), Олюинка О. (Нигерия). Психологические последствия <i>COVID-19</i> в Субсахарской Африке (на примере Танзании и Нигерии)	60
--	-----------

Трибуна соискателя

Лемутов В.А. Автоматизация обрабатывающей промышленности КНР: перспективы и риски	70
--	-----------

РЕЦЕНЗИИ

Сидорова Г.М. Страница истории Анголы	79
--	-----------

© Российская академия наук, 2024
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2024

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой
зрения редакции.

**Журнал включен в РИНЦ, входит в список ВАК,
ядро РИНЦ и в базу RSCI.**

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
Тел.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

POLITICS, ECONOMICS

Krivolapov O.O. Missile Defense of the U.S. and Their Allies in Northeast Asia and Regional Security	5
Khayrullin T.R. The Palestinian-Israeli Conflict of 2023: The Response of Global and Regional Actors	15
Rogozhina N.G. Thailand's Political Choice	25
Kuznetsov A.A. The Shi'a Paramilitary Units "Al Hashd al Shaabi" in Iraqi and Regional Policy	34
Kolgushkina I.A. The Impact of Gender Inequality on the Energy Sector in India	42
Kalinichenko L.N., Novikova Z.S. African Aluminium Industry: Structure, Problems, Potential	50

SCIENTIFIC LIFE

Burkova V., Butovskaya M., Kavina A. (Tanzania), Ojedokun O. (Nigeria). Psychological Consequences of COVID-19 in Sub-Saharan Africa (on example of Tanzania and Nigeria)	60
--	-----------

POST-GRADUATE TRIBUNE

Lemutov V.A. Automation of the Manufacturing Industry in China: Prospects and Risks	70
--	-----------

BOOK REVIEW

Sidorova G.M. A Page of Angolan History	79
--	-----------

© Russian Academy of Sciences, 2024
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2024

The authors opinions may not coincide with position
of the Editorial.

Included in RSCI (Russian Science Citation Index).

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

Противоракетная оборона США и их союзников в Северо-Восточной Азии и региональная безопасность

© Криволапов О.О.^a, 2024

^a ИСКРАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-9658-2671; o.krivolapov@iskran.ru

Резюме. Ситуация вокруг Корейского полуострова сочетает в себе такие факторы, как ядерное оружие, системы противоракетной обороны (ПРО) и огромные группировки обычных вооруженных сил, сосредоточенные в Северо-Восточной Азии.

Администрация США утверждает, что задача ПРО состоит в том, чтобы парировать угрозу от северокорейских ракет для американских и союзных им войск Южной Кореи и Японии. Поэтому именно линия противостояния США с КНДР выбрана автором для анализа в данной работе. Значительная часть экспертов считают, что региональная ПРО (ПРО театра военных действий – ПРО ТВД) только стабилизирует обстановку.

Цель статьи – определить возможное влияние усиленной архитектуры ПРО ТВД войск США, Южной Кореи и Японии на обстановку в сфере безопасности в рассматриваемом регионе. Автором проанализированы сценарии, которые наиболее часто обсуждаются экспертами, учеными, военными и политиками. Показана роль доктринальных установок КНДР, Южной Кореи и США в обострении ситуации в случае усиления американской и союзной им региональной ПРО в Северо-Восточной Азии в условиях политико-военного кризиса.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, региональная ПРО, ПРО ТВД, сдерживание, политико-военный кризис, ядерное оружие, упреждающий удар

Для цитирования: Криволапов О.О. Противоракетная оборона США и их союзников в Северо-Восточной Азии и региональная безопасность. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 6. С. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750031033-8

Missile Defense of the U.S. and Their Allies in Northeast Asia and Regional Security

© Oleg O. Krivolapov^a, 2024

^a ISKRAN, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9658-2671; o.krivolapov@iskran.ru

Abstract. The situation around the Korean Peninsula combines such factors as nuclear weapons, missile defense systems, and huge groups of conventional armed forces concentrated in Northeast Asia. The U.S. administration argues that missile defense's mission is to counter the threat from North Korean missiles to American and allied troops in South Korea and Japan. Hence, this line of confrontation between the U.S. and DPRK is at the focus of the article. A significant number of experts believe that regional missile defense (theater missile defense, TMD) will only stabilize the situation.

The purpose of this article is to determine a possible impact of strengthened TMD architecture of the U.S., South Korean and Japanese forces for the security situation in the region under consideration. The author analyzes scenarios, which are most often discussed by experts, scientists, military, and politicians. The role of the doctrinal guidelines of the DPRK, South Korea and the United States in aggravating the situation in the event of strengthening of the American and allied regional missile defense system in Northeast Asia in the context of a political-military crisis is shown.

Keywords: Northeast Asia, regional missile defense, theater missile defense, deterrence, political-military crisis, nuclear weapons, preemptive strike

For citation: Krivolapov O.O. Missile Defense of the U.S. and Their Allies in Northeast Asia and Regional Security. *Asia and Africa today*. 2024. № 6. Pp. 5–14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750031033-8

ВВЕДЕНИЕ

По мнению ряда экспертов, опасность ядерной войны между США и Северной Кореей в Северо-Восточной Азии (СВА) сохраняется. В этой ситуации ракетные и противоракетные системы могут быть одними из самых значимых факторов подобного кризиса. США считают региональную противоракетную оборону (ПРО театра военных действий, ПРО ТВД) одним из важнейших инструментов регионального сдерживания Северной Кореи. В этой связи важно рассмотреть роль данных систем, предназначенных для перехвата баллистических ракет (БР) дальностью до 5500 км и крылатых ракет различной дальности.

Цель статьи – определить потенциальное влияние усиленной архитектуры ПРО ТВД войск США, Южной Кореи и Японии на региональную безопасность. Вашингтон акцентирует внимание именно на северокорейской ракетной угрозе. Поэтому именно этот сегмент темы ПРО был выбран, чтобы показать неоднозначное влияние этих систем на региональную стабильность.

Группа экспертов, например Б.Робертс (директор Центра исследований по глобальной безопасности в Национальной лаборатории Лоренц-Ливермор) [1], Арие Коити (офицер Отдела исследований по безопасности, Силы самообороны Японии) и Наохиро Ямагути (генеральный инспектор, штабы Северо-Восточных армий Сил самообороны Японии) [2], коллектив авторов совместного труда американской Корпорации *RAND* и южнокорейского Института политических исследований «Асан» [3], а также авторы коллективного доклада Хадсоновского Института [4] придерживаются мнения, что ПРО ТВД будет так или иначе стабилизировать ситуацию в любом регионе.

Но есть эксперты, которые не исключают потенциально дестабилизирующее влияние ПРО, например Т.Постол (профессор Массачусетского технологического института), Дж.Льюис (профессор Корнеллского университета) [5], Наоко Аоки (эксперт Центра международных исследований Мэрилендского университета) [6] А.Панда (специалист Фонда Карнеги), В.Наранг (профессор Массачусетского технологического института) [7], Ф.Койл и Дж.Маккеон (эксперты Центра по контролю над вооружениями и нераспространению) [8], В.З.Дворкин (генерал-майор в отс., главный научный сотрудник ИМЭМО РАН) [9].

При этом обе стороны в своей аргументации не учитывают, на наш взгляд, ряд обстоятельств¹.

Среди множества работ о военных аспектах отношений между США и КНДР значительная часть посвящена моделированию возможной войны на Корейском полуострове (см., например, [11]). Отдельные статьи о моделировании посвящены перехватам запущенных ракет, но рассматривались лишь сценарии с одиночными пусками и без учета средств преодоления ПРО [12]. Существует целый ряд исследований на тему ядерного арсенала Северной Кореи (см., например, [13]). Специалистами изучена ядерная доктрина [14; 15; 16], система боевого управления ядерными силами и процесс принятия решений в Пхеньяне [17].

При изучении темы вероятного кризиса на Корейском полуострове важно принимать во внимание труды о военных стратегиях и доктринах Южной Кореи [18] и США относительно рассматриваемого региона [1; 7]. В массиве работ об американо-южнокорейских и американо-японских отношениях наибольший интерес для изучаемой темы представляют работы, связанные с ПРО [2; 3]. При этом остается малоизученной проблема влияния усиленной ПРО ТВД американских и союзных им войск на региональную безопасность в СВА.

Наша работа является частью более широкого исследования влияния региональной ПРО на региональную безопасность. Вне предмета данной статьи остаются такие вопросы, как связь между потенциальным кризисом на Корейском полуострове и отношениями между Вашингтоном и Пекином или Москвой при стягивании в рассматриваемый регион дополнительных сил и средств США.

Естественно, системы ПРО в СВА могут быть применены против, например, китайских ракет. Этот сегмент темы ПРО требует отдельного рассмотрения вне этой статьи, о чём автор детально высказался ранее (подробнее об этом см. [19]). В нашей статье речь пойдет о вероятном противостоянии между Северной Кореей, с одной стороны, и США и их союзниками – с другой. В связи с этим мы использовали основные заявления руководства КНДР относительно ПРО США и вопросов применения ядерного оружия Пхеньяном; учитывается также восприятие этих заявлений Вашингтоном.

¹ Подробнее о данной дискуссии см. [10].

ОЦЕНКИ ЦЕЛЕЙ СТОРОН, ИХ АРСЕНАЛОВ И ДОКТРИН ПРИМЕНЕНИЯ ВООРУЖЕНИЙ

Ряд аналитиков считают, что целью КНДР может стать вытеснение войск США с Корейского полуострова [1; 3; 20]. По их мнению, Северной Корее невыгодно применять ядерное оружие (ЯО) против США и их союзников, в связи с чем Пхеньян попытается шантажировать Вашингтон. Например, Б.Робертс утверждает: «С помощью серии провокаций и угроз [Северная Корея] вынудит США изменить свои стратегические расчеты так, чтобы Вашингтон согласился с урегулированием на полуострове на условиях, которые соответствуют интересам Пхеньяна» [1, р. 243]. Суть шантажа – угроза ракетного (или даже ракетно-ядерного) удара по войскам США и их базам в Южной Корее и Японии. В частности, Б.Робертс считает, что Пхеньян даже пойдет на сигнальное применение ЯО в форме одиночного демонстрационного пуска ядерной БР, не приводящего к потерям со стороны США или Южной Кореи [1, р. 247].

Северокорейские ракеты официально указаны среди угроз для американских и союзных им войск с 1990-х гг. В настоящее время Вашингтон исходит из внушительной численности ракет на вооружении Корейской народной армии (КНА). Порядка 200 мобильных пусковых установок различных модификаций под разные ракеты². Еще в 2007 г. западные аналитики оценивали арсенал ракет КНДР с дальностью 500–5500 км примерно в 1000 различных БР с уверенностью, что производство продолжается, и численность ракет и пусковых установок будет расти [22, pp. 113–114, 117; 23, р. 3]. Предполагается, что ракеты могут быть либо на некоторых из выявленных 43 ракетных баз в КНДР, либо на всех этих базах одновременно [23, р. 11]. При этом на 2022 г. западные эксперты оценивали численность ядерных боеголовок КНДР в 20–30 единиц (см., например [13, р. 273]).

Среди вероятных целей ракетной атаки – корабли и наиболее важные военные объекты США и их союзников в Южной Корее, Японии и на о. Гуам³. Защита именно таких средств может быть усилена дополнительными системами ПРО ТВД [4, pp. 9, 50]. Кроме того, до 2022 г. считалось, что цели для ядерных вооружений КНА расположены исключительно вне Корейского полуострова. С 2022 г. территория Южной Кореи официально указана среди целей ядерного удара КНДР [16; 24].

Согласно Закону о политике КНДР в отношении ядерных вооруженных сил от 2022 г., ядерное оружие может быть применено Пхеньяном в следующих обстоятельствах:

«(1) В случае совершения или суждения о приближении атаки с помощью ЯО или других видов оружия массового уничтожения против КНДР.

(2) В случае совершения или суждения о приближении ядерной и неядерной атаки враждебных сил против руководства государства и структуры командования государственными ядерными вооруженными силами.

(3) В случае совершения или суждения о приближении критической военной атаки на важные стратегические объекты государства.

(4) В случае необходимости предотвращения расширения и затягивания войны, проведения операций по взятию инициативы в войне.

(5) В неизбежном случае, когда можно реагировать только ядерным оружием на возникновение других обстоятельств, вызывающих катастрофический кризис для существования страны и безопасности народной жизни»⁴.

Администрация США уверена, ПРО ТВД перехватит неядерные и ядерные ракеты, что значительно усиливает и региональное ядерное сдерживание⁵. Эти системы, по мысли администрации США и некоторых экспертов, должны вселить сомнения в руководство КНДР насчет успеха ракетной атаки или ракетного шантажа. Вашингтон рассчитывает, что ПРО ТВД даст ему свободу перемещения сил и средств в регионе, а также дополнительное время и варианты для ответа на ракетный удар, помимо применения наступательных вооружений.

² North Korea Military Power. Defense Intelligence Agency, 2021. Pp. 24, 41. Подробнее о нынешнем ракетном арсенале КНДР см., например, [21, pp. 26–31].

³ North Korean Tactics. U.S. Department of the Army, 2020. Pp. 911, G-3.

⁴ См.: Закон о политике КНДР в отношении ядерных вооруженных сил от 9 сентября 2022 г. http://www.redstartv.org/news/utverzhdjena_novaja_jadernaja_doktrina_kndr/2022-09-09-3028 (accessed 10.12.2023)

⁵ 2019 Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. P. 27.

В случае же неудачи такого сдерживания, как полагают в Пентагоне, региональная ПРО должна защитить войска США и их союзников либо сократить ущерб⁶. Поднимая порог применения ракет, ПРО ТВД заставит Северную Корею создать больше ракетных комплексов или отказаться от агрессии. По логике администрации США и ряда экспертов, если не дать Пхеньяну применить рассматриваемые ракетные системы, можно сорвать любые его захватнические планы и тем предотвратить войну на Корейском полуострове.

К региональной ПРО Южной Кореи, Японии и США в Северо-Восточной Азии относятся более 264 систем наземного базирования (*Patriot* и *THAAD*) и порядка 36 кораблей с системами *Aegis*⁷. При этом вопрос об эффективности этих систем ПРО ТВД, особенно в присутствии средств преодоления ПРО (в случае с северокорейскими ракетами – это ложные цели, маневрирующие боеголовки) и при наиболее вероятных множественных пусках⁸, остается дискуссионным⁹.

Рассматривая проблему региональной стабильности нужно, по нашему мнению, принять во внимание доктринальные положения США в сфере применения наступательных вооружений.

Общая стратегия ПРО США основана на концепции уничтожения ракет (*missile defeat*), часть которой – меры «до пуска» (*left-of-launch*), они же – «наступательные операции интегрированной ПВО/ПРО»¹⁰. Их суть сводится к упреждающим ударам по пусковым установкам изготовившегося к атаке противника, особенно если у него большой ракетный арсенал.

Среди основных средств названы неядерные высокоточные вооружения морского и воздушного базирования¹¹. Применение таких средств возможно и после начала вооруженного конфликта, и до его начала¹². Использование Вашингтоном своего ЯО само по себе маловероятно в контексте мер «до пуска» в отношении КНДР¹³. Но теоретическая возможность подобного шага в случае регионального кризиса, скорее, будет лишним стимулом для упреждающего удара со стороны Северной Кореи из-за дилеммы «используй или потеряешь», что может только подорвать стабильность.

Южная Корея – непосредственный оппонент Пхеньяна в вероятном кризисе или конфликте на полуострове и прямой союзник США. Сеул исходит из того, что КНДР может попытаться провести быструю операцию, начав с применения множественных пусков различных ракет¹⁴. В рамках «трехосной» оборонной системы наряду с усиленной ПВО/ПРО и концепцией массированного возмездия Сеул имеет и концепцию упреждающего удара, в которой в качестве одного из главных средств предусмотрены высокоточные наступательные ракеты¹⁵.

В свою очередь, руководство Северной Кореи считает развертывание противоракетной обороны одной из мер общей враждебной политики США и Южной Кореи в свой адрес¹⁶. Представители Пхеньяна в ряде заявлений подчеркивали, что ПРО – это мера обеспечения безнаказанного упреждающего удара со стороны США¹⁷, которая требует ответа в форме дальнейшего совершенствования ракетного арсенала КНДР¹⁸.

⁶ 2019 Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. Pp. 2, 29, 46; 2022 Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. Pp. 1, 5, 8, 11.

⁷ The Military Balance. 2023. London: International Institute for Strategic Studies. Pp. 48, 259, 260, 261, 266, 268, 269.

⁸ North Korean Tactics. U.S. Department of the Army, 2020. P. 114.

⁹ О потенциально низкой эффективности систем ПРО ТВД в целом против ракет из КНДР см.: North Korea's Nuclear Weapons and Missile Programs. Congressional Research Service, December 19, 2023. P. 2; а также [3, p. 55; 5; 25].

¹⁰ 2022 Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. P. 8.

¹¹ 2019 Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. P. 60.

¹² Unclassified Report to Congress, Declaratory Policy, Concept of Operations, and Employment Guidelines for Left-of-Launch Capability. U.S. Department of Defense, Joint Chiefs of Staff, May 10, 2017. P. 1.

¹³ Согласно руководству по ядерным операциям Комитета начальников штабов США от 2019 г., ЯО может быть применено на ТВД только после начала конфликта, а не до начала. Подробнее см.: Nuclear Operations. Joint Publication 3-72. 2019, June 11. P. V-3.

¹⁴ 2022 Defense White Paper. Ministry of National Defense, Republic of Korea. Pp. 25, 59.

¹⁵ Подробнее см.: 2022 Defense White Paper. Ministry of National Defense, Republic of Korea. Pp. 57–58, а также [18].

¹⁶ Artillery Bureau of General Staff of KPA Strongly warns against U.S. and S. Korea's Decision to Deploy THAAD. Korean Central News Agency. July 11, 2016; DPRK Foreign Ministry Spokesman Warns U.S. of Its Moves for Nuclear War. Korean Central News Agency. July 11, 2016; Traitorous Act of Toeing U.S. Strategy of Hegemony. *Rodong Sinmun*. July 22, 2016. Подробнее см. [6, p. 63–64].

¹⁷ U.S. Moves to Deploy Interceptor Missiles under Fire. Korean Central News Agency. July 11, 2006; U.S. Moves to Build Missile Shield in Asia-Pacific. Korean Central News Agency. July 20, 2013. Подробнее см. [6, p. 63–64].

¹⁸ U.S. Moves to Plug S. Korea into MD System under Fire. *Rodong Sinmun*. May 2, 2015. Подробнее см. [6, p. 63–64].

Специфические меры в области качественного развития арсенала ракет с дальностью до 5500 км говорят о подготовке к противодействию системам региональной ПРО войск США и их союзников¹⁹. Руководство КНДР не исключает, что США и Южная Корея нападут с целью свергнуть режим в Пхеньяне, нанеся обезглавливающий и обезоруживающий удары. Повышая выживаемость своего ракетно-ядерного арсенала и угрожая ответным ядерным ударом, руководство Северной Кореи не чувствует себя в безопасности, считая, что противостоит коалиции сильных противников, которые ждут удобного момента или повода для атаки. Вероятно, именно появление южнокорейской концепции упреждающего удара привело к тому, что Пхеньян официально указал упреждающий удар как вариант применения ЯО (в частности, это отметил в своем исследовании упоминавшийся выше А.Панда, эксперт Фонда Карнеги; подробнее см. [26]).

В отношениях на Корейском полуострове есть стабилизатор – линии экстренной связи, которые хорошо работают, когда отношения на полуострове улучшаются. Но во время ухудшения отношений и тем более во время кризиса Пхеньян не доверяет линиям экстренной связи, считая, что в случае реального нападения со стороны Сеула эти линии будут использованы для обмана [21, р. 74].

ВКЛАД РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРО В СДЕРЖИВАНИЕ

Анализируя роль региональной ПРО в рамках сдерживания применения Пхеньяном ядерных ракет с дальностью менее 5500 км надо принимать во внимание два обстоятельства:

(1) В вышеуказанном документе КНДР о применении ЯО описываются ситуации, чрезвычайно опасные для существования данного государства и его руководства. Это означает, что наличие или отсутствие ПРО у войск США и их союзников в регионе, скорее всего, никак не повлияет на решение о применении ядерных ракет против них.

(2) Даже если предположить, что руководство КНДР решит применить ядерные ракеты с дальностью менее 5500 км в ситуации, когда нет угрозы его существованию, нужно учитывать, что эффективность региональной ПРО против именно ядерных ракет не была подтверждена на полигонных испытаниях, в т.ч. с участием средств преодоления противоракетной обороны. Очень серьезные последствия для обороняющей стороны могут быть даже из-за одной ядерной боеголовки, прошедшей сквозь ПРО (см. [27; 28, р. 497]). Учитывая это, Пхеньян может исходить из высокой вероятности преодоления ПРО ТВД. Следовательно, применение ядерных ракет вряд ли может быть предотвращено или сдержано присутствием региональной ПРО. Можно согласиться с тем, что при наличии ядерного оружия у сторон регионального противостояния противоракетная оборона будет способствовать только гонке вооружений, но не региональной стабильности [9, с. 10].

Менее ясна ситуация со сдерживанием применения неядерных ракет со стороны КНДР.

Так, исходя из логики американских экспертов, допустим даже невероятный для специфики региона сценарий – захватнических намерений в рассматриваемом регионе нет ни у кого, кроме Пхеньяна, который рассчитывает применить свои неядерные ракеты для временного выведения из строя ключевых военных объектов и подразделений южнокорейских войск, а также сил США на полуострове, в Японии и на о. Гуам, и, воспользовавшись их временным замешательством, начать занимать территорию полуострова к югу от 38-й параллели с одновременными угрозами первого применения ЯО в случае любых ответных ударов по территории КНДР²⁰.

Видимо, в данном случае ПРО ТВД если не защитит, то хотя бы сократит ущерб войскам и союзникам США. Вопрос в том, в какой степени?

Учитывая величину северокорейского ракетного арсенала, задачей региональной ПРО войск США, Южной Кореи и Японии в случае множественных пусков со стороны Корейской народной армии будет не перехват всех ракет, летящих на цели, а лишь сокращение ущерба от этих ракет до уровня, при котором подразделения американских и союзных им войск выполнят свои задачи.

¹⁹ В частности, создание гиперзвуковых вооружений, маневрирующих боеголовок, а также крылатых ракет (подробнее см. [21, р. 31]).

²⁰ Этот и связанные с ним сценарии упомянуты в: Military and Security Developments Involving the Democratic People's Republic of Korea. Office of Secretary of Defense, 2017. Pp. 1, 4, 5; North Korea Military Power. Defense Intelligence Agency, 2021. P. 1, а также [3, р. 46; 20].

Согласно концепции уничтожения ракет, силы США и их союзников будут выводить из строя северокорейские наземные пусковые установки, катера и подводные лодки, запускающие ракеты²¹. Но Пхеньян, продолжая наращивать свой ракетный арсенал качественно (со средствами преодоления ПРО) и количественно, повышая живучесть ракетных сил и ключевых объектов, может исходить из высокой вероятности нанесения заданного ущерба американским и союзным им войскам при допустимом уровне потерь со своей стороны.

Логика данного сценария такова, что руководство КНДР заинтересовано в быстром проведении подобной наступательной операции [3, р. 49]. Если Пхеньян считает, что имеющихся сил недостаточно для быстрой операции, то может временно отложить её начало и продолжить подготовку, в т.ч. дальнейшее развитие ракетного арсенала и мер по его защите от ударов США и их союзников. Продолжение обеими сторонами «ответных шагов на действия оппонента» (стягивание всё новых сил и средств в район), скорее всего, отрицательно повлияет на региональную стабильность.

Таким образом, ПРО ТВД успешно поможет сдерживать такую агрессию, но лишь временно. ПРО ТВД вряд ли поможет стабилизировать ситуацию, если у оппонента есть мотивация.

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРО НА РЕГИОНАЛЬНУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ

Теперь разберем сценарий, когда у руководства Северной Кореи нет захватнических намерений и у КНА – строго оборонительные задачи.

В такой ситуации укрепит ли стабильность в регионе дополнительное развертывание систем ПРО ТВД?

При ответе на этот вопрос нужно учитывать специфику такого явления, как политико-военный кризис. На наш взгляд, в подобной ситуации вероятна неправильная оценка (обеими сторонами) намерений оппонента, что может отразиться на принимаемых решениях. Нападение противника превращается в самосбывающееся пророчество по мере того, как он рассматривает меры сдерживания в отношении себя именно как меры давления. Ситуация воспринимается им как безвыходная, что ведет к условной «агрессии» с его стороны²².

Обе стороны продолжают «ответные шаги на действия оппонента», стягивая новые силы и средства, в числе которых и ПРО ТВД. Два наиболее вероятных варианта развития событий:

а) руководство Северной Кореи уверено в способности своих ракетных сил нанести агрессорам в регионе неприемлемый ущерб даже при наличии у них усиленной ПРО ТВД. Тогда риск эскалации снижается из-за отсутствия стимула у Пхеньяна далее наращивать свой ракетный арсенал.

б) Пхеньян считает, что у него недостаточно ракет, чтобы нанести потенциальным агрессорам неприемлемый для них ущерб. Тогда Пхеньян качественно и количественно нарастит свой ракетный арсенал, даже если не имеет никаких захватнических намерений в отношении Южной Кореи.

Соответственно, если США и их союзники уверены в возможностях своей архитектуры ПРО ТВД, у них нет мотивации развертывать новые противоракетные комплексы. И у КНДР нет стимула развертывать новые ракеты. Тогда вероятность эскалации низкая. Но если Соединенные Штаты и их союзники не уверены в способности своей ПРО ТВД снизить ущерб от ракетных атак в достаточной степени, они решат усилить свою архитектуру региональной ПРО. Как следствие, Пхеньян наверняка ответит наращиванием ракетного арсенала. Тогда вероятность эскалации повысится.

Одна из существенных черт политико-военного кризиса вообще – это страх внезапной атаки хотя бы у одной из сторон противостояния. И КНДР, и США с Южной Кореей могут обнаружить себя в ситуации, когда, ошибаясь или точно оценивая ситуацию, какая-либо из сторон начинает считать, что оппонент готовится нанести упреждающий удар, способный (пусть даже на краткое время) парализовать управление войсками в регионе и вывести из строя часть ракетного арсенала до его применения, создав условия для начала своего наступления. Дилемма «используй или потеряешь» появляется здесь, как минимум, у одной из сторон (если не у обеих). Выше упоминалось, что Пхеньян может воспринять

²¹ Challenges for the Biden Administration: Addressing the Evolving Air and Missile Threat. Webinar of The Brookings Institution, January 21, 2021. Р. 17. Также о применении ПВО/ПРО о. Гуам при множественных пусках см. [4, pp. 14, 15–18, 34, 40].

²² О специфике восприятия ситуации во время политико-военного кризиса см. [29, р. 13; 30, р. 225]. О специфике принятия решений в таких условиях см. [29, pp. 21–30; 30, pp. 95–101].

усиление американской региональной ПРО как обеспечение прикрытия американских и южнокорейских сил наступления. Как итог, вероятность крупномасштабного военного столкновения растет, а ПРО ТВД – один из факторов, обостряющих ситуацию.

При этом не менее сложна ситуация, при которой США и их союзники в условиях кризиса всерьез рассматривают вариант обезглавливающего и обезоруживающего удара по Северной Корее как наименее затратный вариант в сравнении с последствиями предполагаемой ими агрессии со стороны Пхеньяна²³.

В таком контексте ПРО ТВД (с учетом дискуссионной эффективности её систем и в присутствии средств преодоления ПРО) дает ложное ощущение защиты, основываясь на котором Вашингтон может усилить давление на Пхеньян, пойдя по пути фактической эскалации [7; 8]. Это отрицательно повлияет на региональную стабильность.

Обе стороны способны принять решение об ударах по военным объектам потенциального противника, скорее всего, только в ситуации, которая будет восприниматься как безвыходная. В таком случае системы ПРО вряд ли сдержат ракетную атаку, а само усиление ПРО, скорее всего, дестабилизирует ситуацию.

ПРО В УСЛОВИЯХ СИГНАЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Считаю возможным высказать свое мнение относительно выдвигаемого американскими экспертами сценария одиночного демонстрационного пуска ядерной БР и роли систем ПРО в такой ситуации.

Подобное развитие событий само по себе в какой-то степени означает провал регионального сдерживания с участием ПРО, т.к. пуск ракеты в присутствии противоракетных систем в данном сценарии уже произошел. Вопрос в том, может ли ПРО помочь в сдерживании оппонента и стабилизации обстановки, чтобы избежать перехода к массированным ракетным ударам? Допустим, американцы и их союзники, чтобы разубедить руководство КНДР в эффективности ракетного шантажа, могут попытаться перехватить эту одиночную ракету, даже если, определив её траекторию, поймут, что она не несет угрозы их войскам.

1. Успешный перехват

Нет гарантий того, что данный успех региональной ПРО докажет Пхеньяну неэффективность массированного ракетно-ядерного удара или безуспешность следующей попытки одиночного пуска. Следовательно, в этом случае ПРО вряд ли поможет разубедить Пхеньян, и он вполне может продолжать шантажировать применением ядерных ракет – кризис продолжится. Либо, будучи неуверенным в своих силах, руководство КНДР продолжит развертывание новых ракетных комплексов, что также продолжит кризис.

Здесь возникает вопрос: разве не может Пхеньян после перехвата его одиночной ракеты просто перестать шантажировать?

Скорее всего, нет, т.к. Пхеньян воспримет произошедшее как преимущество для США и захочет это компенсировать, исходя из того, что иначе Вашингтон и Сеул усилят давление в любом случае. КНДР развернет новые ракеты, делая акцент на том, что массированный ракетный удар преодолеет любую ПРО. Кроме того, исходя из логики сценария, предложенного американскими экспертами, Пхеньян изначально имеет агрессивные намерения и после подобной акции лишь временно отложит следующий такой ракетный пуск до достижения нового уровня развития своих ракетных технологий, в т.ч. средств преодоления ПРО.

От успеха в перехвате одиночной ракеты у США и их союзников может сложиться впечатление, что ПРО ТВД обеспечит защиту или хотя бы в достаточной степени сократит ущерб их силам.

Далее возможны два варианта:

а) Выше упоминалась ситуация, при которой администрации США и Южной Кореи начинают считать нанесение обезглавливающего и обезоруживающего удара по КНДР менее затратным вариантом в

²³ Сам факт многолетней дискуссии о вероятной эффективности упреждающего удара по Северной Корее [22; 31] уже говорит о рассмотрении такого сценария среди прочих. Подробнее о следствиях самой подготовки упреждающего удара по КНДР для развития кризиса см. [22, pp. 129, 130–131].

сравнении с последствиями предполагаемой ими агрессии со стороны Пхеньяна. Иллюзия защищенности может стать предпосылкой более опрометчивых шагов со стороны Вашингтона и Сеула.

б) Если у Вашингтона и Сеула нет намерения нанести обезглавливающий и обезоруживающий удар по КНДР, то у США не будет и стимула стягивать в регион новые комплексы ПРО ТВД. Но, как указано выше, Пхеньян в данном сценарии будет иметь стимулы к наращиванию своих ракетных сил, чтобы компенсировать неудачу, а значит, и у США в итоге будет стимул к усилению региональной ПРО.

2. Неудачная попытка перехвата

США и их союзники, скорее всего, отреагируют на неудачу своих систем ПРО ТВД, исходя из того, что иначе Пхеньян усилит давление.

Возможны один или оба следующих варианта одновременно:

а) В условиях развивающегося кризиса США и их союзники усилят свою архитектуру ПРО ТВД. Это приведет к дополнительному развертыванию ракет со стороны КНДР, что лишь продолжит цикл «действие-противодействие» в сфере наращивания вооружений в регионе. Обе стороны будут отвечать, ожидая остановки оппонента, как единственного основания для остановки наращивания своих сил и средств. Но каждая из сторон в данных условиях, скорее, мотивирована отвечать на действия потенциального противника. В итоге, вероятно, что подобные шаги объективно будут подрывать стабильность и обострять кризис.

б) США и их союзники в сфере сдерживания КНДР перенесут акцент на усиление наступательных вооружений и, учитывая величину северокорейского ракетного арсенала, будут обдумывать варианты упреждающего удара в соответствии с их вышеуказанными концепциями. Если руководство КНДР уверено в маскировке и выживаемости своего ракетно-ядерного арсенала, то оно, возможно, будет ждать первого удара со стороны США и Южной Кореи. Но это не согласуется с опубликованной ядерной доктриной Северной Кореи. Если КНДР опасается обезглавливающего удара или потери какой-либо части своего не-большого ядерного арсенала в результате упреждающего удара противника, то, скорее всего, будет обдумывать удар на опережение. Такое развитие событий может обострить региональный кризис.

Таким образом, вполне вероятно, что одиночный пуск ядерной БР будет иметь эскалационные последствия при любом результате работы ПРО в случае конфликта с мотивированным противником, каким американские эксперты, политики и военные представляют себе руководство КНДР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По нашему мнению, региональная ПРО вряд ли поможет сдержать применение Северной Кореей ядерных ракет с дальностью менее 5550 км, но региональная ПРО может помочь в сдерживании нападения со стороны Пхеньяна с применением им неядерных ракет. Вместе с тем в последнем случае речь пойдет о продолжении количественного и качественного наращивания ракетного арсенала КНДР, что продолжит гонку вооружений в регионе и отрицательно повлияет на региональную стабильность. В выдвинутом американскими экспертами сценарии сигнального применения ЯО без потерь для США или их союзников участие региональной ПРО вряд ли сможет стабилизировать нарастающий конфликт с мотивированным оппонентом.

Будет ли ПРО ТВД разрушать региональную стабильность в любом случае? На наш взгляд, с учетом вышеописанных сценариев ПРО ТВД могло бы укрепить региональную стабильность между КНДР, с одной стороны, и США с их союзниками – с другой только при соблюдении определенных условий.

Полный список этих условий пока не выявлен, но предварительно можно указать следующие:

(1) КНДР полностью уверена в том, что её ракетные силы выполняют свои задачи даже в присутствии американских и союзных им систем ПРО ТВД. Следовательно, у Пхеньяна стимул для наращивания ракетного арсенала будет объективно меньше.

(2) США и их союзники полностью уверены в том, что их архитектура ПРО ТВД снизит ущерб от северокорейских ракетных атак до степени, при которой американские и союзные им силы выполнят все свои задачи. Соответственно, стимул к усилению региональной ПРО объективно снизится.

ПРО ТВД не провоцирует конфликт в большей степени, чем наращивание наступательных вооружений в условном регионе. В то же время наше исследование показало, что региональная ПРО не может считаться фактором, который только стабилизирует обстановку. Обе стороны условного противостоя-

ния, как правило, имеют сложившиеся представления о потенциалах – своем и своего оппонента, целях и «красных линиях» потенциального противника. Все эти представления – корректные или ошибочные – играют ключевую роль на этапе острого кризиса или непосредственно перед вооруженным конфликтом.

Оборонительные системы являются составной частью общего баланса сил сторон и, если речь идет о достижении региональной стабильности, их нельзя выводить за скобки только лишь на основании того, что они не используются для нанесения ущерба объектам противника.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Roberts B. 2015. Strategic dead end or game changer? *Regional missile defense from a global perspective*. Eds: C.M.Kelleher, P.Dombrowski. Stanford: Stanford University Press. Pp. 241–263.
2. Arie K., Yamaguchi N. 2018. U.S. Initiative for Integrated Air and Missile Defense. *NIDS Journal of Defense and Security*. Iss. 19. Pp. 17–36.
3. Bennett B. et al. 2021. Countering the Risks of North Korean Nuclear Weapons. Santa Monica: RAND Corporation, The Asan Institute for Policy Studies.
4. Heinrichs R. et al. 2022. Defending Guam. Washington, DC: Hudson Institute.
5. Postol T., Lewis G. 2016. The Illusion of Missile Defense. Why THAAD Will Not Protect South Korea. *Global Asia*. Vol. 11. Iss. 3. Pp. 80–85.
6. Aoki N. 2017. Seeing missile defense as U.S. hostility, North Korea aims at more and better weapons. *Missile defense, extended deterrence, and nonproliferation in the 21st century*. Ed. C.M.Kelleher. College Park: CISSM. Pp. 61–70.
7. Panda A., Narang V. Deadly Overconfidence: Trump Thinks Missile Defenses Work Against North Korea, and That Should Scare You. *War on the Rocks*, 17.10.2017.
8. Coyle P., McKeon J. A False Sense of Security. *U.S. News & World Report*. 27.04.2018.
9. Дворкин В.З. Влияние систем ПРО на стратегическую стабильность и перспективы ядерного разоружения. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 8, 5–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-5-12
Dvorkin V.Z. 2019 Impact of missile defense systems on strategic stability and prospects for nuclear disarmament. *World Economy and International Relations*. Iss. 8. Pp. 5–12. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-5-12
10. Криволапов О.О. Дискуссии о роли систем ПРО театра военных действий в региональном сдерживании Северной Кореи и Ирана. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2022. № 1, 33–63. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-1-33-63
Krivolapov O.O. 2022. Debates on the role of the U.S. theater missile defense in the regional deterrence of North Korea and Iran. *Moscow University Bulletin of World Politics*. № 1. Pp. 33–63. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-1-33-63
11. Поленова А.Л., Лобов Р.Н. Совместный ситуационный анализ ИДВ РАН и ИСАА МГУ. *Проблемы Дальнего Востока*. 2017. № 5, с. 168–177.
Polenova A.L., Lobov R.N. 2017. Situation analysis by the Institute of Far Eastern studies RAS and MSU Institute of Asian and African Countries. *Far Eastern Studies*. № 5. Pp. 168–177. Moscow. (In Russ.)
12. Sankaran J. 2020. Missile defenses and strategic stability in Asia – evidence from simulations. *Journal of East Asian Studies*. Vol. 20. Iss. 3. Pp. 485–508. DOI: <https://doi.org/10.1017/jea.2020.10>
13. Kristensen H., Korda M. 2022. Nuclear Notebook: How many nuclear weapons does North Korea have in 2022? *Bulletin of Atomic Scientists*. Vol. 78. Iss. 5. Pp. 273–294. DOI: 10.1080/00963402.2022.210934
14. Воронцов А.В. Как воспринимать Закон о политике КНДР в отношении ядерных вооруженных сил? *Российский совет по международным делам*. 16.09.2022.
Vorontsov A.V. How to see the DPRK's Act on Policy towards Nuclear Armed Forces? *Russian International Affairs Council*. 16.09.2022.
15. Асмолов К.В. КНДР представляет новую ядерную доктрину. *Российский совет по международным делам*. 14.09.2022.
Asmolov K.V. DPRK presents new nuclear doctrine. *Russian International Affairs Council*. 14.09.2022.
16. Kurata H. North Korea's Supreme People's Assembly Adopts Nuclear Use Law. *The Japan Institute of International Affairs*. 13.01.2023.
17. Ilbo Hwang. 2021. North Korea's Nuclear Command and Control Estimate. *The Korean Journal of Defense Analysis*. Vol. 33. Iss. 4. Pp. 617–638. DOI: <https://doi.org/10.22883/kjda.2021.33.4.004>
18. Bowers I., Hiim H.S. 2021. Conventional Counterforce Dilemmas. South Korea's Deterrence Strategy and Stability on the Korean Peninsula. *International Security*. Vol. 45. Iss. 3. Pp. 7–39. DOI: https://doi.org/10.1162/isec_a_00399

19. Криволапов О.О. Региональная ПРО США и их партнеров в западной части Тихого океана: влияние на региональную безопасность. *Общественные науки и современность*. 2023. № 3. С. 39–53. DOI: 10.31857/S0869049923030036
Krivolapov O.O. 2023. Regional missile defense architecture of the U.S. and their partners in the Western Pacific: Impact on regional security. *Social Sciences and Contemporary World*. Iss. 3. Pp. 39–53. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0869049923030036
20. Bennett B. Deterrence of North Korean Limited Nuclear Attack. *RAND Corporation*. 27.11.2023.
21. Panda A. 2023. Indo-Pacific Missile Arsenals. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.
22. Scobell A., Sanford J. 2007. North Korea's Military Threat: Pyongyang's Conventional Forces, Weapons of Mass Destruction, and Ballistic Missiles. Carlisle: U.S. Army Strategic Studies Institute.
23. Cordesman A. 2016. Korean Missile Forces. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies.
24. Ланьков А.Н. Северная Корея окончательно стала ядерной державой: что дальше? *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. 28.04.2022.
Lankov A.N. North Korea finally became a nuclear power: What next? *Valdai Discussion Club*. 28.04.2022.
25. Coyle P. US builds missile defense system for South Korea, causing more tension. *The Hill*. 18.03.2017.
26. Panda A. South Korea's "Decapitation" Strategy against North Korea has more Risks than Benefits. *Carnegie Endowment for International Peace*. 15.08.2022.
27. Золотарев П.С. Ядерные аспекты военной политики и российско-американские отношения. *Россия и Америка в XXI веке*. 2019. Вып. 1. DOI: 10.18254/S207054760004694-0. <https://rusus.jes.su/s207054760004694-0-1/> (accessed 12.06.2020).
Zolotarev P.S. 2019. Nuclear Aspects of Military Policy and Russian-American Relations. *Russia and America in the 21st Century*. Iss. 1. (In Russ.). DOI: 10.18254/S207054760004694-0. <https://rusus.jes.su/s207054760004694-0-1/> (accessed 12.06.2020)
28. Weitz R. 2020. Strengthening Multi-Domain Deterrence and Defense in the Asia-Pacific Region. *The Korean Journal of Defense Analysis*. Vol. 32. Iss. 4. Pp. 495–516. DOI: <https://doi.org/10.22883/kjda.2020.32.4.001>
29. Jervis R. 1982. Deterrence and Perception. *International Security*. Vol. 7. Iss. 3. Pp. 3–30.
30. Schelling T. 2008. Arms and Influence. New Haven: Yale University Press.
31. Lieber K., Press D. 2017. The New Era of Counterforce. *International Security*. Vol. 41. Iss. 4. Pp. 9–49. DOI: 10.1162/ISEC_a_00273

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Криволапов Олег Олегович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Отдел военно-политических исследований, Института США и Канады им. акад. Г.А.Арбатова РАН, Москва, Россия.

Oleg O. Krivolapov, PhD (Political Science), Senior Researcher, Department of Military-Political Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 19.02.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.04.2024

Принята к публикации
(Accepted) 16.05.2024

DOI: 10.31857/S032150750031034-9

Палестино-израильский конфликт 2023 года: реакция глобальных и региональных игроков

© Хайруллин Т.Р.^{a,b,c}, 2024

^a Институт Африки РАН

^b Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

^c СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

^a ORCID: 0000-0001-5418-2792; jumglaw16@yandex.ru

Резюме. В статье анализируется реакция стран арабского региона, а также мировых держав на очередной палестино-израильский конфликт, вспыхнувший 7 октября 2023 г.

Возникновение конфликтной ситуации произвело колоссальный информационный эффект, приведший к неоднозначной оценке событий со стороны официальных властей разных стран.

В региональном отношении большинство стран выступило с единой позицией – возложением ответственности за нападения на Израиль. Лишь малая часть стран региона осудила любое насилие и призвала конфликтующие стороны начать мирные переговоры. Жесткая риторика наблюдалась со стороны одного из неарабских игроков региона – Турции, которая открыто объявила о поддержке ХАМАС и осудила действия Израиля. Эскалационный тон содержался и в официальных заявлениях Ирана.

Глобальные игроки в лице США и его союзников по Европейскому Союзу выступили на стороне Израиля, заявив о праве израильтян на самооборону. Позиция России и Китая заключалась в скорейшем прекращении огня, а также в необходимости реализации решения о сосуществовании двух государств и создании независимого палестинского государства.

Ключевые слова: Палестина, ХАМАС, арабский мир, Израиль, Катар, Турция, сектор Газа

Благодарность. Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 116471555.

Для цитирования: Хайруллин Т.Р. Палестино-израильский конфликт 2023 года: реакция глобальных и региональных игроков. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 6. С. 15–24. DOI: 10.31857/S032150750031034-9

The Palestinian-Israeli Conflict of 2023: The Response of Global and Regional Actors

© Timur R. Khayrullin^{a,b,c}, 2024

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

^b Financial University under the Government of the Russian Federation,

Moscow, Russia;

Saint-Petersburg State University, Russia;

^a ORCID: 0000-0001-5418-2792; jumglaw16@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the reaction of the countries of the Arab region as well as the world powers to the next Palestinian-Israeli conflict that broke out on October 7, 2023.

Regionally, most countries have taken a unified position – attributing responsibility for the attacks on Israel. Only a small number of countries in the region condemned all violence and called on the parties to the conflict to engage in peace talks. Harsh rhetoric was observed from one of the non-Arab actors in the region, Turkey, which openly declared its support for Hamas and condemned Israel's actions. The escalating tone was also reflected in Iran's official statements.

The United States and its allies sided with Israel, declaring the right of Israelis to defend themselves. The position of Russia and China was to end the conflict as soon as possible, as well as the need to implement the two-state solution and the creation of an independent Palestinian state.

Keywords: Palestine, Hamas, Arab world, Israel, Qatar, Turkey, Gaza Strip

For citation: Khayrullin T.R. The Palestinian-Israeli Conflict of 2023: The Response of Global and Regional Actors. *Asia and Africa today*. 2024. № 6. Pp. 15–24. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750031034-9

ВВЕДЕНИЕ

Очередной палестино-израильский конфликт, возникший после внезапного для мирового сообщества нападения палестинского вооруженного движения ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г., серьезнейшим образом обострил ситуацию в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Агрессия со стороны палестинского движения началась с массированного ракетного удара по южным и центральным районам Израиля. Параллельно с ракетными обстрелами на израильскую территорию проникли боевые формирования ХАМАС.

Глава боевого крыла ХАМАС Мухаммед Дейф заявил о начале операции «Наводнение Аль-Акса», конечной целью которой является создание палестинского государства¹. В результате атаки ХАМАС погибло более 1000 израильтян и около 3 тыс. получили ранения. Более 75 подтвержденных погибших в Израиле – иностранные граждане, в т.ч. 22 из США, 17 из Великобритании, 18 из Таиланда, 10 из Непала, 10 из Франции, 7 из Аргентины и др. Израильские СМИ сообщали, что ХАМАС удерживает в Газе около 150 заложников, включая американцев и других иностранных граждан².

В свою очередь, министр обороны Израиля Йоав Галант объявил о массовом призыве резервистов и ввел режим чрезвычайной ситуации в радиусе 80 км от сектора Газа [1]. Израильская армия (ЦАХАЛ) объявила о начале контртеррористической операции «Железные мечи», целью которой станет полное уничтожение ХАМАС. В первые дни в ходе ожесточенных обоюдных ракетных обстрелов погибло несколько сотен военных и мирных граждан с обеих сторон. После первых дней конфликта Министерство здравоохранения Газы, контролируемое ХАМАС, сообщило, что в результате израильских авиаударов 1100 палестинцев были убиты и более 5340 ранены³.

Начавшийся палестино-израильский конфликт привел к замешательству многих региональных и глобальных игроков из-за невозможности объективно оценить сложившуюся ситуацию. Несмотря на внезапность, уже в первые дни после начала конфликта было известно о большом количестве жертв у каждой из сторон.

Обсуждение ситуации было вынесено на обсуждение в Совет Безопасности ООН, однако резолюцию, призывающую немедленно прекратить огонь в зоне конфликта, принять не удалось. Большую роль в формировании тех или иных образов сыграли мировые СМИ. В деле отстаивания палестинской позиции несомненными лидерами стали саудовский телеканал *Al-Arabiya* и катарский телеканал *Al-Jazeera*.

Отметим, что катарский телеканал имеет колоссальный опыт освещения такого рода событий. К примеру, в период «арабской весны» демонстрация телеканалом протестных выступлений в странах БВСА, усилившая революционный накал, получила неофициальное название «аль-джазирова революция» [2]. Правоту израильских действий поддерживали ведущие западные СМИ, в основном из числа американских газет и телеканалов.

Несмотря на противоречивость оценок происходящего конфликта, особую обеспокоенность выразили непосредственные соседи Палестины – Египет, Иордания и Ливан.

РЕАКЦИЯ И ПОЗИЦИЯ СОСЕДЕЙ: ЕГИПЕТ, ИОРДАНИЯ, ЛИВАН

Египет традиционно выступал в качестве посредника в палестино-израильских переговорах. Однако в данном конфликте египетские власти столкнулись с серьезной дилеммой. С одной стороны, собственное население требует безоговорочной поддержки палестинского населения, выражающейся в т.ч. в военной помощи ХАМАС.

В ходе нараставшей волны народных демонстраций в Каире и других крупных городах их участники призывали к принятию скорейших и решительных мер. К тому же на территории Египта находятся спящие ячейки радикально настроенной оппозиции, которая, воспользовавшись бездействием властей, может способствовать дестабилизации внутренней обстановки. С другой стороны, Египет де-юре находится в дружеских отношениях с Израилем, скрепленных мирным договором, заключенным в 1979 г. [3].

¹ <https://aljazeera.com/news/2023/10/7/palestinian-group-hamas-launches-surprise-attack-on-israel-what-to-know> (accessed 10.11.2023)

² <https://timesofisrael.com/foreigners-from-across-the-globe-killed-missing-or-abducted-in-hamas-massacre/> (accessed 10.11.2023)

³ <https://aa.com.tr/en/middle-east/death-toll-hit-1-100-in-gaza-strip-from-israeli-airstrikes-health-ministry/3016041> (accessed 10.11.2023)

Военное вмешательство в конфликт на стороне ХАМАС приведет к автоматическому разрыву отношений с Израилем, а вместе с ним – к ухудшению отношений с главным покровителем израильского государства – США. Представляется, что ухудшение отношений с США, которые оказывают финансовую поддержку Каиру, в т.ч. через такие глобальные финансово-экономические институты, как МВФ, для египетских властей является крайне невыгодным сценарием.

Это связано с тем, что египетская экономика сегодня находится в очень неустойчивом состоянии. По росту ВВП страна относительно недавно вышла на темпы развития, наблюдавшиеся до пандемии *COVID-19* [4]. Ситуация усугубляется затянувшимся мировым финансово-экономическим и продовольственным кризисами. Более того, египетские власти опасаются, что воздушные бомбардировки и дальнейшая наземная операция израильского ЦАХАЛ на территории сектора Газа приведут к вынужденной миграции мирного палестинского населения в сопредельные государства, в первую очередь в Египет. Так называемый кризис беженцев, численность которых может превысить 1 млн человек, нанесет серьезный удар и без того ослабленной египетской экономике [5].

Поэтому, чтобы не вызвать социальный гнев внутри государства, египетские власти попытались максимально продемонстрировать, что они прикладывают все усилия для разрешения палестино-израильского конфликта. С этой целью Египет выступил в качестве одного из главных посредников в переговорах по освобождению израильтян, взятых в плен боевыми формированиями ХАМАС. Кроме того, опасаясь кризиса беженцев, Египет в первые дни конфликта не давал разрешения использовать контрольно-пропускной пункт (КПП) Рафах – единственный пограничный переход из сектора Газа в Египет для иностранцев и лиц с двойным гражданством, выступая за пропуск только гуманитарных грузов в Газу.

По прошествии недели с начала острой фазы конфликта египетским властям стало ясно, что ситуация рискует обернуться гуманитарной катастрофой, которая косвенно затронет и соседствующие с Палестиной государства. Египетский и иорданский лидеры выступили с инициативой проведения мирных переговоров совместно с представителями США и Палестинской автономии. Переговоры должны были пройти в столице Иордании – Аммане, однако из-за неготовности палестинской администрации вести переговоры встреча была отменена [6].

Срыв переговоров не снизил активности со стороны Египта, который организовал «Саммит мира» в Каире 21 октября 2023 г. В саммите приняли участие представители глобальных и региональных держав, а также международных организаций, кроме представителей Израиля. По окончании мирных переговоров в Каире участникам не удалось принять единого согласованного документа, однако все делегаты сошлись во мнении относительно 3 концептуальных положений: прекращение огня с обеих сторон; недопустимость расширения конфликта и вовлечения в него других игроков, а также организация гуманитарной миссии в сектор Газа [7].

Проведенный саммит положил начало сложному переговорному процессу, а также укрепил позиции Египта в деле урегулирования палестино-израильского конфликта.

Египет играл важную роль в переговорном процессе по вопросу освобождения заложников, захваченных бойцами ХАМАС. Так, 23 октября 2023 г. при посредничестве Египта и Катара ХАМАС освободил двух заложниц. Забегая вперед, отметим, что Египет и Катар продолжили оказывать содействие в вопросах освобождения заложников и установления кратковременного перемирия. В целом переговорный процесс проходит очень трудно для всех акторов, пытающихся выступить в качестве посредников в деле освобождения заложников и урегулирования конфликта.

ИОРДАНИЯ

Перед лицом обостряющегося кризиса в секторе Газа Иордания выступила в роли решительного сторонника мира. По мере усиления израильских бомбардировок по всей стране проходили марши и демонстрации иорданцев, день и ночь протестовавших против израильских нападений.

С целью недопущения эскалации ситуации внутри государства иорданские власти вскоре запретили пропалестинские протесты в долине реки Иордан и приграничных районах. Министру внутренних дел Мазену аль-Фарайе даже пришлось встретиться с лидерами Фронта исламского действия – иорданского отделения «Братьев-мусульман», которое активно призывало правительство начать мобилизацию иорданского народа и подготовиться к противостоянию с ЦАХАЛ [8].

Иордания имеет дружеские отношения с Израилем, закрепленные мирным договором от 1994 г. Более того, Иордания остается опорой Соединенных Штатов на Ближнем Востоке благодаря двустороннему партнерству в области безопасности и умеренному политическому курсу королевства. В 2022 г. США и Иордания подписали соглашение о ежегодной помощи в размере \$1,45 млрд, рассчитанное на рекордные 7 лет, что делает Амман 2-м по величине получателем американской помощи (в основном экономической) после Израиля [9]. Поэтому прямая конфронтация с израильским государством, а также серьезное ухудшение отношений с США являются крайне невыгодным сценарием для иорданского королевства. При этом, как и соседний Египет, Иордания демонстрировала высокую активность в деле урегулирования конфликта. 12 октября король Иордании Абдалла II провел встречу с лидером Палестинской автономии Махмудом Аббасом, на которой призвал к открытию гуманитарных коридоров, чтобы обеспечить поступление срочной медицинской и чрезвычайной помощи в Газу, а также обеспечение водой и электричеством [9].

Активная поддержка Иорданией палестинского населения вынудила её отказаться от выгодных экономических отношений с Израилем. Всего за две недели до начала конфликта министр энергетики Израиля провел заключительную встречу по планированию с базирующейся в ОАЭ компанией, которая будет финансировать сделку по поставке иорданской солнечной электроэнергии в Израиль в обмен на опресненную воду. Эта сделка должна была быть подписана на конференции ООН по изменению климата в ОАЭ, проведение которой намечалось с 30 ноября по 12 декабря 2023 г. [9]. Однако уже 16 ноября министр иностранных дел Айман Хусейн Абдалла ас-Сафади в интервью телеканалу «Аль-Джазира» заявил, что Иордания не подпишет соглашение о поставках электроэнергии Израилю в обмен на воду⁴. В дополнение Иордания отозвала своего посла в Израиле в ответ на военные действия в Газе.

ЛИВАН

Отношение Ливана к происходящему в секторе Газа выражалось преимущественно позицией одной из ведущих политических сил страны – «Хезболлой», которая пользуется дипломатической, экономической и военной поддержкой Ирана. «Хезболла» однозначно выступила на стороне палестинского ХАМАС, поскольку имеет с ней многолетний опыт сотрудничества начиная как минимум с Интифады Аль-Акса 2000 г. [10].

Однако если позиция «Хезболлы» отличалась откровенной воинственностью, то отношение других политических сил в стране к происходящему в секторе Газа было более сдержанным, поскольку сохранялась память о войне между Израилем и «Хезболлой» 2006 г. Тогда около 50 тыс. ливанцев переместились на территорию Сирии. В случае начала новой агрессии со стороны Израиля Сирия не сможет позволить себе принимать беженцев и обеспечить им безопасность, поскольку сама довольно часто подвергается израильским ударам. Новое противостояние может с высокой долей вероятности оказаться более разрушительным для Ливана, о чем неоднократно предупреждали израильские власти [11]. «Официальный Ливан не хочет войны... но мы осознаем, что фронт всегда может взорваться в любой момент», – заявил министр информации Зияд Макари [11].

Пока что перестрелки между израильской и ливанской сторонами ограничиваются приграничным районом. Вовлечение Ливана в военный конфликт, вероятно, подорвет возможность заключения сделки между Ливаном и Израилем о проведении спорной морской границы при посредничестве США для разведки нефти и газа на морском шельфе, предварительные переговоры по которому состоялись в 2022 г. [12].

МОНАРХИИ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Реакция монархий Персидского залива во главе с Саудовской Аравией была довольно однозначной – вся ответственность за нападения была возложена на Израиль. В частности, власти Саудовской Аравии заявили, что «они внимательно следят за развитием беспрецедентной ситуации, сложившейся между рядом палестинских группировок и израильскими оккупационными силами, которая привела к высокому уровню насилия на нескольких фронтах. Королевство призывает к немедленному прекраще-

⁴ <https://aljazeera.com/news/2023/11/16/jordan-says-it-will-not-sign-energy-and-water-exchange-deal-with-israel> (accessed 11.12.2023)

нию эскалации между двумя сторонами, защите гражданского населения и сдержанности. Королевство напоминает о своих неоднократных предупреждениях об опасности обострения ситуации в результате продолжения оккупации, лишения палестинского народа его законных прав и повторения систематических провокаций против его святынь»⁵. Такая позиция Саудовской Аравии говорит о срыве налаживания саудовско-израильских отношений, намечавшегося в недалекой перспективе.

Отметим, что и до конфликта 7 октября у Эр-Рияда были серьезные претензии к главному союзнику – администрации Дж.Байдена – по поводу гарантий безопасности и получения партии современного вооружения в обмен на нормализацию отношений с Израилем [13]. Процесс затягивался из-за сложностей в выстраивании доверительных отношений между королевской семьей и администрацией Дж.Байдена.

Похожее коммюнике выпустил МИД Кувейта, выразивший обеспокоенность по поводу эскалации ситуации в секторе Газа из-за действий оккупационных израильских властей⁶. В заявлении МИД говорилось, что Израиль несет единоличную ответственность за продолжающуюся эскалацию из-за постоянных нарушений прав палестинского народа. Министерство подтвердило свою непоколебимую позицию в отношении справедливости палестинского дела и законных прав палестинского народа, включая создание их независимого государства в границах 1967 г. со столицей в Восточном Иерусалиме⁷.

В отличие от остальных монархий Залива во главе с Саудовской Аравией, Катар традиционно поддерживал палестинскую ХАМАС как идеологически родственную египетским «Братьям-мусульманам» организацию [14]. Говоря о поддержке Катаром ХАМАС, в ходе визита в Палестину в 2015 г. катарский чиновник Мохаммад аль-Эмади заявил, что Катар использует эти деньги для помощи не ХАМАС, а палестинскому народу в целом. Однако он признавал, что предоставление помощи палестинскому народу означает использование ХАМАС в качестве местного контакта [15]. Кроме того, катарские дипломаты стали играть важную роль в переговорном процессе относительно освобождения захваченных ХАМАС заложников и скорейшего прекращения боевых действий. Осуждающая риторика наблюдалась и в заявлениях официальных властей Омана⁸.

Однако несколько монархий Залива изменяли свои первоначальные заявления по мере того, как раскрывались подробности нападения. В частности, Бахрейн и ОАЭ скорректировали свои формулировки, включив в них осуждение убийств и похищений израильтян бойцами ХАМАС. К примеру, изначально официальные власти Бахрейна заявили, что они «внимательно следят за событиями, происходящими между палестинскими группировками и израильскими силами, приводящими к росту насилия и вооруженных нападений, которые унесли жизни ряда людей и привели к ранениям других. МИД предупреждает, что продолжение насилия будет препятствовать усилиям, направленным на достижение справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, и призывает международное сообщество сыграть свою роль в прекращении вооруженного конфликта и защите гражданского населения в соответствии с международным гуманитарным правом...». Однако уже 9 октября вышло обновленное заявление: «Министерство иностранных дел подчеркивает необходимость немедленного прекращения продолжающихся боевых действий между палестинским движением ХАМАС и израильскими силами и предупреждает, что атаки, предпринятые ХАМАС, представляют собой опасную эскалацию, которая угрожает жизням гражданских лиц... Бахрейн осуждает похищение гражданских лиц из их домов в качестве заложников и призывает положить конец эскалации и избежать насилия, которое угрожает региональной безопасности и стабильности и предвещает тяжелые последствия для региона...». Отметим, что похожая смена реакции наблюдалась в официальных заявлениях ОАЭ⁹.

Напомним, что Бахрейн и ОАЭ в 2020 г. в рамках «соглашений Авраама» заключили с Израилем серию договоров о нормализации отношений. Это подразумевало признание суверенитета Израиля и установления с ним полноценных дипломатических отношений. Однако после событий 7 октября власти Бахрейна и ОАЭ повели себя по-разному.

⁵ См.: <https://www.spa.gov.sa/en/e1d84d3f40u> (accessed 11.12.2023)

⁶ <https://www.arabnews.com/node/2400526/middle-east> (accessed 11.12.2023)

⁷ <https://www.middleeastmonitor.com/20231007-qatar-holds-israel-responsible-for-escalation-in-gaza/> (accessed 11.12.2023)

⁸ <https://fm.gov.om/التوقيف-باجتصاب-تتابع-الخارجية-وزارة/?lang=ar> (accessed 11.12.2023)

⁹ <https://wam.ac/en/details/1395303206611>; См.: <https://mofa.gov.ae/mediahub/news/2023/10/8-10-2023-uae-population> (accessed 11.12.2023)

Если Бахрейн, несмотря на смягчение риторики, уверенно солидаризировался с «арабской улицей», отозвав своего посла в Израиле и прекратив экономические связи, то Абу-Даби не поспешил разрывать отношения с Израилем. Председатель Комитета по обороне, внутренним и иностранным делам Федерального национального совета ОАЭ Али Аль Нуайми заявил: «Соглашения – это наше будущее. Это не соглашение между двумя правительствами, а платформа, которая, по нашему мнению, должна преобразовать регион, где все будут наслаждаться безопасностью, стабильностью и процветанием» [16]. Вероятно, власти ОАЭ считали, что экономические выгоды и выгоды в плане безопасности от «соглашений Авраама», в т.ч. те, которые предоставляет близкий союзник Израиля в Вашингтоне, выдержат нынешний кризис. Отметим, что до начала конфликта ОАЭ и США вели переговоры о получении Абу-Даби новейшей американской военной техники: истребителей F-35, беспилотных летательных аппаратов, высокоточных управляемых ракет, в обмен на нормализацию отношений с Израилем [13].

ИРАН

Первоначальной реакцией Ирана на событие 7 октября стало поздравление палестинского движения и оценка их акции как операции против оккупантов, вторгнувшихся на их территорию. Официальный представитель МИД Ирана Насер Канаани заявил, что «операция “Наводнение Аль-Аксы” была спонтанным шагом групп сопротивления и угнетенного палестинского народа в защиту своих неотъемлемых и неоспоримых прав... Иран подтверждает законное право палестинцев на самооборону в связи с преступлениями узурпаторов Палестины, которые продолжаются уже 75 лет... Иран также возлагает на сионистских оккупантов и их сторонников ответственность за продолжение и эскалацию насилия и зверств против палестинцев... Иран призывает мусульманские страны поддержать... права палестинского народа»¹⁰.

Безоговорочная поддержка палестинского движения полноценно вписывается в политику Ирана, который со времен Исламской революции 1979 г. официально заявляет о своей борьбе против «сионистского образования» – Израиля. Несмотря на свой нешиитский характер, исламистский ХАМАС, бесспорно, является частью иранской «оси сопротивления» и в разные периоды начиная с 1990-х гг. и с разной интенсивностью пользовался поддержкой Ирана через ливанскую «Хезболлу» [10].

Более того, действия, связанные с запусками ракет на израильскую территорию после 7 октября со стороны «Хезболлы» и хуситов Йемена, считающихся иранскими прокси, вызвало большие опасения США. Тегеран получил предостережения от Вашингтона о недопустимости вмешательства в конфликт, а также о том, что США направили ударную группу авианосцев поближе к Израилю в качестве «сигнала сдерживания», чтобы остановить расширение конфликта [17].

Забегая вперед, отметим, что конфронтационный фон в отношениях между Тегераном и Иерусалимом усилился после того, как 1 апреля 2024 г. Израиль нанес авиаудар по иранскому консульству в Дамаске. В результате удара погибли не менее 13 человек, в т.ч. два высокопоставленных генерала КСИР. Спустя две недели Иран нанес ответный удар баллистическими ракетами и беспилотниками по территории Израиля, беспрецедентный по своему масштабу. Большинство угроз Израиль отразил с помощью системы ПВО, а затем нанес ограниченный удар по территории Ирана¹¹.

ТУРЦИЯ

Будучи двумя неарабскими государствами в арабском регионе, Турция и Израиль в течение продолжительного времени поддерживали тесные отношения. Однако коренные изменения в отношениях стали происходить после прихода к власти ПСР во главе с Р.Т.Эрдоганом. Одним из факторов стала поддержка Турцией транснациональной организации «Братья-мусульмане» и аффилированных с ней движений, в т.ч. ХАМАС [14]. Дальнейшие разногласия из-за блокады Газы в 2010 г.¹² и последующие события «арабской весны» ухудшили отношения между странами.

¹⁰ <https://en.mfa.ir/portal/newsview/730903> (accessed 11.12.2023)

¹¹ <https://www.rbc.ru/politics/19/04/2024/6621cda79a79474ee4392301> (accessed 11.12.2023)

¹² В 2010 г. турецкая флотилия с гуманитарной помощью попыталась прорвать блокаду Газы, что привело к смертоносному рейду Израиля и годам холодного мира между двумя странами (прим. авт.).

Хотя Турция и Израиль нормализовали связи в 2022 г., отношения резко пошли на спад после нападения ХАМАС 7 октября и военных операций Израиля в Газе. МИД Турции выпустил заявление: «Мы глубоко обеспокоены насилием и напряженностью, которые имели место в Израиле и Палестине сегодня (7 октября). Мы придаем большое значение скорейшему восстановлению спокойствия в регионе и решительно осуждаем гибель гражданского населения... Подчеркиваем, что акты насилия и связанная с ними эскалация никому не принесут пользы, и призываем стороны действовать сдержанно и избегать импульсивных шагов... Эти события могут быть взяты под контроль до того, как они разрастутся еще больше и распространятся на более обширную территорию. В связи с этим мы продолжаем наши интенсивные контакты с соответствующими сторонами. Эти печальные события еще раз показывают важность концепции сосуществования двух государств...»¹³.

Эрдоган открыто заявил о поддержке ХАМАС, политические представители которого, как сообщается, находились в Турции во время нападения [18]. Страна заняла очень жесткую позицию в отношении Израиля, оба государства отзывали своих послов. Турецкие официальные лица периодически выступают с жесткими заявлениями в адрес израильского руководства с целью принудить их остановить боевые действия в Газе.

РЕАКЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ИГРОКОВ

Являясь традиционным союзником Израиля, США недвусмысленно заявили о праве израильтян на самооборону. Первой реакцией Белого дома было заявление американского лидера 7 октября: «Сегодня утром я говорил с премьер-министром Б.Нетаньяху об ужасающих и продолжающихся нападениях в Израиле. США безоговорочно осуждают это нападение террористов ХАМАС на Израиль... Терроризму никогда не бывает оправдания. Израиль имеет право защищать себя и свой народ. Соединенные Штаты предостерегают от того, чтобы любая другая сторона, враждебно настроенная к Израилю, искала выгоду в этой ситуации. Поддержка безопасности Израиля моей администрацией является твердой, как скала, и непоколебимой...»¹⁴.

Спустя 2 дня после инцидента США и ведущие страны ЕС выпустили совместное заявление: «Сегодня мы – президент Франции Э.Макрон, канцлер Германии О.Шольц, премьер-министр Италии Дж.Мелони, премьер-министр Соединенного Королевства Р.Сунак и президент Соединенных Штатов Дж.Байден – выражаем нашу твердую и сплоченную поддержку государству Израиль и наше недвусмысленное осуждение ХАМАС и его ужасающих террористических актов... Наши страны поддержат Израиль в его усилиях защитить себя и свой народ от подобных зверств...»¹⁵.

Позиция западных стран, и особенно США, в арабском мире вызвала бурю негодования, поскольку, во-первых, отсутствовало сочувствие к палестинцам, во-вторых, американцы поддержали агрессивные действия Израиля, начавшего бомбить мирные районы сектора Газа [19]. Многие высокопоставленные представители Палестины и других арабских стран заявляли в интервью, «что риторика, исходящая от высокопоставленных израильских и американских официальных лиц, бесчеловечна и разжигает войну» [20]. Госсекретарь Э.Блинкен во время своего ближневосточного турне в октябре 2023 г. дал понять, что администрация Байдена будет проявлять высокую терпимость ко всему, что станет результатом военного ответа Израиля на нападения ХАМАС [21].

КИТАЙ

Официальная реакция КНР на эскалацию конфликта 7 октября была следующей: «Китай глубоко обеспокоен нынешней эскалацией напряженности и насилия между Палестиной и Израилем. Мы призываем соответствующие стороны сохранять спокойствие, проявлять сдержанность и немедленно прекратить боевые действия, чтобы защитить гражданское население и избежать дальнейшего ухудшения ситуации... Фундаментальный выход из конфликта заключается в реализации решения о сосуществовании двух государств... Международному сообществу необходимо действовать более безот-

¹³ https://www.mfa.gov.tr/no_-247_-israil-filistin-baglaminda-yasanan-son-gelismeler-hk.en.mfa (accessed 11.12.2023)

¹⁴ <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/10/07/statement-from-president-joe-biden-condemning-terrorist-attacks-in-israel/> (accessed 11.12.2023)

¹⁵ См.: <https://whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/10/09/joint-statement-on-israel/> (accessed 11.12.2023)

лагательно, активизировать вклад в решение палестинского вопроса, способствовать скорейшему возобновлению мирных переговоров между Палестиной и Израилем и найти способ обеспечить прочный мир. Китай будет продолжать неустанно сотрудничать с международным сообществом в достижении этой цели»¹⁶.

Как мы видим, Китай, в отличие от европейских держав и США, открыто не осудил действия ХАМАС, вызвав недовольство руководства Израиля. 15 октября министр иностранных дел Ван И во время телефонных разговоров с коллегами из Саудовской Аравии, Ирана и Турции подчеркнул, что действия Израиля выходят за рамки самообороны и что осуществление права на самооборону должно соответствовать международному праву и международному гуманитарному праву [22]. Более того, Пекин выступил за создание независимого палестинского государства на основе соответствующих документов ООН и урегулирование палестино-израильского конфликта путем мирных переговоров.

В последние годы отношения Китая с ведущими странами Ближнего Востока продолжают углубляться, и его влияние в регионе постепенно растет. Поэтому многие глобальные и региональные игроки придают большое значение взглядам Китая на конфликт между Газой и Израилем.

РОССИЯ

Позиция Москвы в отношении конфликта 7 октября была одной из наиболее взвешенных и содержательных, поскольку именно Россия/СССР на протяжении десятилетий после 1948 г. выступала в поддержку палестинцев в их праве на создание независимого государства: «В Москве выражают самую серьезную озабоченность резким обострением ситуации в зоне палестино-израильского конфликта, – заявила М.В. Захарова, официальный представитель российского МИД. – В этой связи подтверждаем нашу принципиальную и последовательную позицию о том, что этот конфликт, который тянется уже 75 лет, не имеет силового решения и может быть урегулирован исключительно политико-дипломатическими средствами, через налаживание полноформатного переговорного процесса на известной международно-правовой основе, предусматривающей создание палестинского независимого государства в границах 1967 года со столицей в Восточном Иерусалиме, живущего в мире и безопасности с Израилем. Нынешнюю масштабную эскалацию обстановки расцениваем как очередное крайне опасное проявление замкнутого круга насилия, являющееся прямым следствием хронического невыполнения соответствующих резолюций ООН и её Совета Безопасности и фактического блокирования Западом работы ближневосточного “квартета” международных посредников в составе России, США, ЕС и ООН. Призываем палестинскую и израильскую стороны к немедленному прекращению огня...»¹⁷.

Более того, Россия обеспокоилась тем, что в числе заложников, захваченных бойцами ХАМАС, оказались лица с российским гражданством. Поэтому освобождение заложников и прекращение конфликта в целом стали главными темами переговоров в ходе визита в Москву руководящего состава ХАМАС 26 октября 2023 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эскалация палестино-израильского конфликта 7 октября 2023 г., без сомнения, произвела для мирового сообщества эффект разорвавшейся бомбы. Одна часть стран категорически осудила действия ХАМАС и признала право Израиля на самооборону, другая – обвинила во всем Израиль, считая, что «ползучая израильская оккупация» палестинских земель вынудила ХАМАС прибегнуть к вооруженному нападению, третья – заняла относительно нейтральную позицию, основанную на осуждении любого рода насилия и признании необходимости, чтобы каждая из сторон имела собственное независимое государство. Особую обеспокоенность конфликтом выразили непосредственные соседи Палестины – Египет, Иордания и Ливан, которые не без основания опасались тяжелых экономических, гуманитарных и политических издержек и последствий. Несмотря на то, что данная ситуация не вызвала однозначной реакции, практически все страны выступили за скорейшее завершение конфликта и отправку гуманитарной миссии в зону конфликта.

¹⁶ https://fmprc.gov.cn/eng/xwfw_665399/s2510_665401/2535_665405/202310/t20231008_11157299.html (accessed 11.12.2023)

¹⁷ См.: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1907962/?lang=ru (accessed 11.12.2023)

Масштабность военной операции, проводимой Израилем в Газе, привела к гуманитарной катастрофе. Продолжающиеся военные действия лишь усугубляют ситуацию. При этом очевидно, что нынешний состав израильского правительства, несмотря на репутационные издержки, пытается всерьез и надолго решить проблему с демилитаризацией и дерадикализацией анклава. В одном из своих интервью Б.Нетаньяху отмечал, что «силы ЦАХАЛ сохраняют контроль над сектором Газа и не отдадут его международным силам»¹⁸. В свою очередь, глава политбюро ХАМАС Исмаил Хания заявил «о недопустимости того, чтобы оккупанты или кто-либо еще регулировали ситуацию в Палестине, в секторе Газа, на Западном берегу или на обеих этих территориях»¹⁹. В этой связи глубокие расхождения мнений противоборствующих сторон вносят неопределенность в вопрос относительно будущего сектора Газа.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Fabian E. Gallant approves widescale call-up of IDF reservists amid ongoing Hamas attack. 07.10.2023. https://www.timesofisrael.com/liveblog_entry/gallant-approves-widescale-call-up-of-idf-reservists-amid-ongoing-hamas-attack/ (accessed 10.11.2023)
2. Васильев А.М., Исаев Л.М., Коротаев А.В., Кожанов Н.А., Захаров А.А., Мардасов А.Г., Семенов К.В., Хайруллин Т.Р. Схватка за Ближний Восток: региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта. М.: Ленанд, 2019. 256 с. ISBN 978-5-9710-6798-6
Vasiliev A.M., Issaev L.M., Korotayev A.V., Kozhanov N.A., Mardasov A.G., Semenov K.V., Khairullin T.R. 2019. Struggle for the Middle East. Regional actors in the context of the reconfiguration of the Middle East conflict. Moscow. 256 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9710-6798-6
3. Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018. 670 с. ISBN 978-5-227-07511-6
Vasiliev A.M. 2018. From Lenin to Putin. Russian Middle East Policy. Moscow. (In Russ.). ISBN 978-5-227-07511-6
4. Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Влияние пандемии COVID-19 на экономическое развитие стран Северной Африки. Предварительный анализ. *Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение*. 2023. Т. 67. № 4. С. 175–188. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-4-12
Khairullin T.R., Korotayev A.V. 2023. The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Economic Development of North African Countries. Preliminary Analysis. *Lomonosov Moscow State University. Vestnik. Series: 13. Oriental Studies*. Vol. 67. № 4. Pp. 175–188. (In Russ.) DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-67-4-12
5. Lewis A. U.N. chief pleads for Gaza lifeline at Egypt border crossing. Reuters. 20.10.2023. <https://www.reuters.com/world/un-chief-pushes-get-aid-into-gaza-process-is-slow-2023-10-20/> (accessed 10.11.2023)
6. Al-Khalidi S. Jordan cancels summit with Biden, Sisi and Abbas in Amman. 17.10.2023. <https://www.reuters.com/world/middle-east/jordan-cancels-summit-with-biden-egyptian-leader-amman-2023-10-17/> (accessed 10.11.2023)
7. Yee V., Stevis-Gridneff M. Peace Summit in Egypt Shows a Shift in Rhetoric but no Consensus. 21.10.2023. <https://www.nytimes.com/2023/10/21/world/middleeast/peace-summit-gaza-egypt.html> (accessed 12.11.2023)
8. Al-Rawashdeh M.Kh. Jordan's King Rejects 'Collective Punishment' for Gaza Residents. 13.10.2023. <https://english.aawsat.com/arab-world/4602486-jordan-s-king-rejects-collective-punishment-gaza-residents> (accessed 11.12.2023)
9. Fishman B. Jordan Still Has a Vital Role to Play in the Gaza Crisis. 19.10.2023. <https://washingtoninstitute.org/policy-analysis/jordan-still-has-vital-role-play-gaza-crisis> (accessed 10.12.2023)
10. Хайруллин Т.Р. Иран: укрепление позиций в Ливане и временное сближение с ХАМАС. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 2. С. 23–29. DOI: 10.31857/S032150750003731-6
Khayrullin T.R. 2019. Iran: Strengthening positions in Lebanon and a temporary rapprochement with Hamas. *Asia and Africa today*. № 2. Pp. 23–29. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750003731-6
11. Dadouch S. Lebanon's Hezbollah weighs dueling appeals: Ease attacks or escalate. 29.10.2023. <https://washingtonpost.com/world/2023/10/29/lebanon-israel-hezbollah-gaza-war/> (accessed 10.12.2023)
12. Perry T. Lebanon's Hezbollah on war footing but moves carefully as conflict widens. 11.10.2023. <https://reuters.com/world/middle-east/lebanons-hezbollah-war-footing-moves-carefully-conflict-widens-2023-10-11/> (accessed 10.12.2023)
13. Rumley G. Israel Normalization Negotiations and the U.S.-Saudi Defense Relationship. 25.09.2023. <https://washingtoninstitute.org/policy-analysis/israel-normalization-negotiations-and-us-saudi-defense-relationship> (accessed 10.12.2023)

¹⁸ https://www.timesofisrael.com/liveblog-november-10-2023/?utm_source=article_hpsidebar&utm_medium=desktop_site (accessed 11.12.2023)

¹⁹ <https://aa.com.tr/ru/мир/лидер-хамас-сша-обеспечивают-политическую-поддержку-резне-палестинцев/3197969> (accessed 11.12.2023)

14. Васильев А.М., Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 10. С. 2–9. DOI 10.31857/S032150750006519-2
Vasiliev A.M., Khayrullin T.R., Korotayev A.V. 2019. New Alliance in the struggle for leadership in the Arab region. *Asia and Africa today*. № 10. Pp. 2–9. (In Russ.). DOI 10.31857/S032150750006519-2
15. Harris E. Why Israel Lets Qatar Give Millions To Hamas. 18.06.2015. <https://www.npr.org/sections/parallels/2015/06/18/414693807/why-israel-lets-qatar-give-millions-to-hamas> (accessed 17.11.2023)
16. Helou A. As tensions rise over Israel's fight in Gaza, why a UAE official says Abraham Accords will endure. 02.11.2023. <https://breakingdefense.com/2023/11/as-tensions-rise-over-israels-fight-in-gaza-why-a-uac-official-says-abraham-accords-will-endure/> (accessed 10.12.2023)
17. Liebermann O., Bertrand N., Lendon B. US sending second carrier strike group, fighter jets to region as Israel prepares to expand Gaza operations. 15.10.2023. <https://edition.cnn.com/2023/10/14/middleeast/us-aircraft-carrier-eisenhower-israel-gaza-intl-hnk-ml/index.html> (accessed 10.12.2023)
18. Aydıntaşbaş A., Huggard K. Understanding Turkey's response to the Israel-Gaza crisis. 07.12.2023. <https://brookings.edu/articles/understanding-turkeys-response-to-the-israel-gaza-crisis/#:~:text=Although%20Turkey%20and%20Israel%20normalized,ambassadors%20—%20though%20trade%20relations%20continue> (accessed 10.12.2023)
19. Nereim V., Rubin A., Ward E. U.S. Response to Israel-Hamas War Draws Fury in Middle East. 17.10.2023. <https://nytimes.com/2023/10/17/world/middleeast/biden-israel-gaza-anger.html> (accessed 10.12.2023)
20. Ahmed A. Stunning State Department Memo Warns Diplomats: No Gaza 'De-Escalation' Talk. 13.10.2023. https://www.huffpost.com/entry/state-department-internal-emails-gaza-israel_n_65296395e4b0a304ff6ff95d (accessed 10.12.2023)
21. Wong E., Crowley M. U.S. Tells World to Back Israel's Gaza Strikes as Civilian Toll Rises. 13.10.2023. <https://nytimes.com/2023/10/13/us/politics/blinden-israel-gaza-war.html#:~:text=Even%20so%2C%20Mr.%20Blinken%20signaled,results%20from%20Israel's%20military%20response> (accessed 10.12.2023)
22. Fan H. China's Attitude Toward the Israel-Gaza War. 17.10.2023. <https://thediplomat.com/2023/10/chinas-attitude-toward-the-israel-gaza-war/> (accessed 10.12.2023)
23. Harris E. Why Israel Lets Qatar Give Millions To Hamas. 18.06.2015. <https://www.npr.org/sections/parallels/2015/06/18/414693807/why-israel-lets-qatar-give-millions-to-hamas> (accessed 17.11.2023)
24. Helou A. As tensions rise over Israel's fight in Gaza... (accessed 10.12.2023)
25. Liebermann O., Bertrand N., Lendon B. US sending second carrier strike group, fighter... 15.10.2023. <https://edition.cnn.com/2023/10/14/middleeast/us-aircraft-carrier-eisenhower-israel-gaza-intl-hnk-ml/index.html> (accessed 10.12.2023)
26. Aydıntaşbaş A., Huggard K. Understanding Turkey's response to the Israel-Gaza crisis. 07.12.2023. <https://brookings.edu/articles/understanding-turkeys-response-to-the-israel-gaza-crisis/#:~:text=Although%20Turkey%20and%20Israel%20normalized,ambassadors%20—%20though%20trade%20relations%20continue> (accessed 10.12.2023)
27. Nereim V., Rubin A., Ward E. U.S. Response to Israel-Hamas War Draws Fury in Middle East. 17.10.2023. <https://www.nytimes.com/2023/10/17/world/middleeast/biden-israel-gaza-anger.html> (accessed 10.12.2023)
28. Ahmed A. Stunning State Department Memo Warns Diplomats... (accessed 10.12.2023)
29. Wong E., Crowley M. U.S. Tells World to Back Israel's Gaza Strikes... (accessed 10.12.2023)
30. Fan H. China's Attitude Toward the Israel-Gaza War... (accessed 10.12.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хайруллин Тимур Радикович кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН; старший преподаватель кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва; старший научный сотрудник СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия.

Timur R. Khayrullin, PhD (Political Science), Senior Researcher, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Senior lecturer, Department of Political Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Senior Researcher, Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 21.02.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 17.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 17.05.2024

DOI: 10.31857/S032150750031021-5

Политический выбор Таиланда

© Рогожина Н.Г.^а, 2024

^а ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9924-2493; ngrogzhina@mail.ru

Резюме. В статье анализируется специфика текущего этапа политического развития Таиланда с учетом расстановки политических сил после парламентских выборов, прошедших в мае 2023 г.

Несмотря на победу демократической партии «Движение вперед», демократического транзита власти в стране не произошло. Традиционный политический истеблишмент, придерживающийся идеологии «демократии по-тайски», использовал сохраняющиеся в его распоряжении институты для защиты своих интересов и предотвращения усиления влияния продемократически настроенных сил на политику.

Автор рассматривает факторы роста популярности партии «Движение вперед», политическая платформа которой отвечает социальному запросу молодых избирателей, выступающих за политические реформы в стране, в т.ч. за реформу института монархии. Невозможность их проведения сегодня объясняется противодействием властных структур, в состав которых, наряду с традиционной элитой и военными, вошла и ранее считавшаяся лоббистом представительной демократии партия «Пхэа Таи». Однако политические позиции как нового премьер-министра Сретта Тависина, представителя партии «Пхэа Таи», так и самой партии зависят от проводимой политики по повышению доверия населения, что и объясняет популизм их экономической программы, не меняющей, по мнению автора, содержание режима конкурентной автократии.

Ключевые слова: Таиланд, «демократия по-тайски», парламентская демократия, авторитаризм, политические партии

Для цитирования: Рогожина Н.Г. Политический выбор Таиланда. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 6. С. 25–33.
DOI: 10.31857/S032150750031021-5

Thailand's Political Choice

© Natalia G. Rogozhina^а, 2024

^а IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9924-2493; ngrogzhina@mail.ru

Abstract. The article analyzes the specifics of the current stage of Thailand's political development, taking into account the configuration of political forces after the parliamentary elections held in May 2023. Despite the victory of the Move Forward party there was no movement forward in the democratic transit of power in the country.

The traditional political establishment, adhering to the ideology of “Thai-style democracy”, based on the concept of hierarchical subordination of society headed by the king, used the institutions remaining at its disposal to protect its interests and prevent the strengthening of the influence of pro-democratic forces on politics. The article examines the factors of the growing popularity of the party Move Forward, whose political platform meets the social demand of young voters who advocate political reforms in the country, including the reform of the institution of the monarchy.

The impossibility of holding them today is explained by the opposition of governing political forces including the previously considered lobbyist for representative democracy, the Pheua Thai Party. However, the political positions of both the new Prime Minister, Sretta Tavisin, a representative of the Pheua Thai Party, and the party itself depend on the policy being pursued to increase public confidence, which explains the populism of their economic program, which, according to the author, does not change the content of the competitive autocracy regime.

Keywords: Thailand, “Thai-style democracy”, parliamentary democracy, authoritarianism, political parties

For citation: Rogozhina N.G. Thailand's Political Choice. *Asia and Africa today*. 2024. № 6. Pp. 25–33. (In Russ.).
DOI: 10.31857/S032150750031021-5

ВВЕДЕНИЕ

Политическое развитие Таиланда, 2-й экономики в Юго-Восточной Азии (после Индонезии по номинальному ВВП) с населением 71 млн человек, в течение последних 20 с лишним лет идет по порочному кругу – периоды парламентской формы правления сменялись установлением власти военных, приходящих к руководству страны в результате военных переворотов, авторитаризм уступал место режимам квазидемократии.

С 2006 г. в стране произошло 3 военных переворота, принято 3 конституции, проведено 5 выборов в парламент, сменилось 9 премьер-министров. Нестабильность политической ситуации отражает возникновение идейно-политического раскола общества на сторонников и противников представительной демократии, проявившегося с очевидностью в начале XXI в.

Возникает вопрос, возможна ли в Таиланде демократия и в какой форме она может существовать?

Несмотря на наличие внешних её атрибутов – конституции, политических партий, парламентских выборов, в политической системе страны преобладают те институты, которые обеспечивают сохранение власти за консервативными силами, поддерживающими авторитарные формы правления, – монархия, всесильная бюрократия, армия. Они связаны между собой тесными межличностными отношениями в рамках системы патрон-клиент, что и обеспечивают устойчивость авторитарных тенденций в развитии Таиланда. Такую систему власти называют сетевой монархией [1].

Авторитаризм заложен и в политической культуре общества, основанной на религиозных представлениях о моральном праве «достойных» людей, накопивших религиозные заслуги, управлять страной в рамках системы иерархического соподчинения общества в соответствии с принципом обмена услугами – лояльность и преданность народа власти в обмен на её покровительство и защиту.

Насколько жизнеспособна демократическая форма правления в Таиланде при сохранении иерархической системы построения социально-политических связей?

«ДЕМОКРАТИЯ ПО-ТАЙСКИ»

В последней конституции 2017 г., написанной военными, говорится, что Таиланд имеет демократическую форму правления с королем в качестве главы государства. Получается, что монархия и демократия зависят друг от друга, образуя единое целое, в котором первое немыслимо без второго¹. Таиландский политолог Касьян Теджапир считает, что «это ключевое положение всегда оставляло без ответа вопрос о том, кто представляет суверенную власть в Таиланде: народ или король» [2]. По мнению американского журналиста П.М.Хэндли, автора биографии короля Пумипона Адульядета², «демократия рассматривается как королевский дар, преподнесенный тайскому народу королями из нынешней династии Чакри» [3, р. 114].

Подобные представления об иерархии власти во главе с королем обусловили живучесть идеологии «демократии по-тайски», впервые атрибутированной военным диктатором фельдмаршалом Саритом Танаратом³. Суть её сводится к тому, что демократия западного образца не подходит для Таиланда. Она была преждевременно интегрирована в общество, не подготовленное к подобной форме правления. А тайской культуре и обществу соответствует деспотический патернализм, поскольку страна нуждается в сильном руководстве, выполняющем роль отца нации и способном её объединить [4].

Идеология «демократии по-тайски» подчеркивает необходимость поощрять ценности, которые считаются неотъемлемой частью тайской культуры, такие как единство и порядок, способствует политической легитимизации института монархии, ставя его на вершину иерархической социальной лестницы, и, что не менее важно, используется для оправдания военных переворотов. Одним словом, идеология «демократии по-тайски» служит обоснованием существования авторитарного режима и становится его основанной ценностной ориентацией.

При этом «демократии по-тайски» не противоречит наличие фасадных демократических институтов, таких как, например, политические партии и парламентские выборы, которые используются конкурирующими между собой военно-бюрократическими патерналистскими группами для борьбы за

¹ В Разделе 3 Конституции 2017 г. отмечается, что суверенная власть принадлежит тайскому народу. Король как глава государства осуществляет такую власть через Национальную ассамблею, Совет министров и суды в соответствии с положениями настоящей Конституции (*прим. авт.*).

² Находился на троне с 1946 по 2016 г. (*прим. авт.*).

³ Премьер-министр Таиланда с 1959 по 1963 г. (*прим. авт.*).

власть. Попытки подорвать идеологически и институционально оформленную систему «демократии по-тайски» встречают резкое противодействие со стороны её апологетов, представляющих монархически настроенные консервативные слои тайского истеблишмента.

Неудивительно поэтому, что, когда в начале 2000-х гг. в стране возникли предпосылки для развития парламентской формы правления, идеология «демократии по-тайски» оказалась вновь востребованной консервативной частью общества, оппозирующей силам, выступающим за представительную демократию и сплотившимся вокруг фигуры премьер-министра Таксина Чинавата (2001–2006).

Аффилированные с ним партии выигрывали все парламентские выборы в стране вплоть до 2014 г. Их социальную опору составил так называемый нижний средний класс периферийных районов севера и северо-востока страны, окрепший в результате проводившейся Таксином Чинаватом политики по улучшению социально-экономического положения местного населения. Именно эти социальные группы, организованные в движение «красных рубашек», выступили под лозунгом укрепления в стране представительной демократии, которая дает им право участвовать в процессе принятия решений.

Это стало представлять угрозу для власти традиционного политического истеблишмента, твердо уверенного в своем моральном праве управлять страной и не желающего подчиняться «толпе, не знающей, что есть истинная демократия». В представлении консервативной элиты, сельские жители легко поддаются коррупции, следовательно, недостойны того, чтобы к их политическим взглядам относились серьезно.

К тому же политические действия Таксина Чинавата, прежде всего, перестановки в бюрократическом аппарате и в армии, направленные на укрепление его влияния на тайскую политику, посягнули на «сетевую монархию», включая «притязания монархии на то, чтобы быть единственным средоточием политической лояльности» [5, р. 89]. Это послужило основанием для обвинения его в антимонархических взглядах. В реальности его политика не была направлена на подрыв института монархии. Проблема заключалась в другом: Таксин конкурировал с королем за «сердца и умы масс».

Слишком большой перевес сил у партий, связанных с Таксином Чинаватом, лишил оппозиционные силы, оказавшиеся на периферии политического процесса, возможности прийти к власти через выборы, поэтому перегруппировка политических сил и пошла по линии создания широкого антитаксиновского фронта в поддержку сохранения статус-кво в политике [6, с. 104.]. Углубляющийся идеологический раскол в обществе, который проявился в наличии различных взглядов на характер политического устройства страны, привел Таиланд в состояние политического хаоса, исходом чего и стал военный переворот в 2014 г. и установление в стране авторитарного режима во главе с военной хунтой, отменившей все политические свободы и запретившей политическую деятельность.

По мнению Праю Чан-Оча, руководителя военного переворота в 2014 г., свергнувшего демократически избранное правительство, «наша страна пережила так много проблем, потому что у нас было слишком много демократии, в отличие от других стран, где правительство имеет больше полномочий по ограничению свобод» [7]. Идеология «демократии по-тайски» была вновь востребована и послужила основанием не только для совершения военного переворота, но и для удержания военными власти в течение пяти лет.

Это был самый длительный период пребывания военных у власти в стране за последние 50 лет, что нарушало сложившуюся в Таиланде политическую систему, основанную на свободной конкуренции политических элит. Проведенные в 2019 г. выборы в парламент способствовали поддержанию её стабильности при сохранении за военными ключевых постов в правительстве, которое возглавил Прают Чан-Оча, опиравшийся на коалицию консервативных партий. Подобный расклад политических сил был обусловлен несколькими факторами: принятием военными в 2017 г. новой конституции, позволившей им оставаться во властных структурах; созданием новой избирательной системы, облегчившей победу на парламентских выборах провоенных партий; ослаблением демократической оппозиции.

Несмотря на то, что аффилированная с фигурой Таксина Чинавата, находящегося в изгнании, партия «Пхэа Тай» по итогам выборов заняла 2-е место, опасность для традиционного политического истеблишмента представляла не она, а новая политическая сила – партия «Вперед в будущее» (*Future Forward*), за которую проголосовали 18% избирателей. Она заняла 3-е место по числу набранных депутатских мандатов по избирательным округам. Её политическая платформа контрастировала с традиционными представлениями о государственном управлении в рамках «демократии по-тайски».

Она выступала за проведение реформы вооруженных сил и установление над ними контроля, исключая возможность их участия в политике, за внесение поправок в конституцию, придающих ей «демократическое содержание», пересмотр роли института монархии, образцом для которого должна послужить японская или английская модель [8, с. 338]. Её социальную базу составляла в основном молодежь,

выступающая в защиту демократических изменений. Массовая поддержка партии «Вперед в будущее» представляла угрозу для поддержания стабильности власти традиционного политического истеблишмента, что предопределило его дальнейшие действия по ослаблению демократической оппозиции.

Прайк Конгкрати, профессор Таммасатского университета в Бангкоке, считает, что партия «Вперед в будущее» стала объектом преследования потому, что заявила о себе как о силе, «меняющей правила игры»⁴. Партия была распущена, а её руководящему составу запрещено заниматься политикой в течение 10 лет. Политическому истеблишменту удалось сохранить за собой власть в результате парламентских выборов, установив в стране режим якобы «фальшивой демократии» [9], прошедший испытание временем, несмотря на то, что итоги парламентских выборов в мае 2023 г. вселили надежду на возможность мирного демократического транзита власти.

ВЫБОРЫ В ПАРЛАМЕНТ В 2023 г.

На парламентских выборах в мае 2023 г. партия «Движение вперед» (*Move Forward Party*), наследница распущенной партии «Вперед в будущее»⁵, оставив позади себя партию «Пхэа Таи», аффилированную с фигурой Таксина Чинавата, победила в 112 избирательных округах из 350, завоевала 1-е место по числу набранных голосов (14,4 млн человек) и получила 151 место в парламенте, став его крупнейшей партией. За «Пхэа Таи» проголосовали 10,9 млн избирателей, что обеспечило ей 141 депутатский мандат [10]. Этот неожиданный итог выборов, отмеченных беспрецедентными по масштабу студенческими выступлениями с требованием проведения демократических реформ и отставки Прают Чан-Оча, продемонстрировал готовность значительной части общества к переменам, что стало очевидно еще в 2020–2021 гг.

Победа партии «Движение вперед» стала возможной в первую очередь благодаря поддержке молодежи, поскольку политическая платформа партии отвечала её запросам. Лозунги партии были четко сформулированы: покончить с властью военных; отменить обязательную военную службу; сократить число генералов вдвое; сделать закупки оружия прозрачными; ограничить власть крупных монополий. Партия также выступает за децентрализацию бюрократической системы и проведение прямых выборов губернаторов провинций, реформу образования, равенство в браке и сокращение социального и экономического неравенства.

Но самый радикальный её лозунг – внести поправки в ст. 112 Уголовного кодекса, запрещающую любую критику короля и в целом института монархии, наказание за нарушение которой предполагает до 15 лет тюремного заключения. По данным правозащитной группы *Thai Lawyers for Human Rights*, с июля 2020 г. по ноябрь 2023 г. власти предъявили обвинения в нарушении Закона *lèse majesté* (об оскорблении института монархии) 262 лицам⁶.

Требование внесения поправок в этот закон отражало как стремление части общества положить конец политическим репрессиям, так и изменения, происходящие в политической культуре молодежи, воспринимающей традиционные политические ценности как устаревшие и поддерживающие незыблемость традиционных институтов власти, к которым относится и институт монархии.

Такие перемены в общественном сознании стали возможны не только потому, что молодежь устала от правления военных и не видела для себя перспектив, но и потому, что король Маха Вачиралонгкорн (Рама X), вступивший на трон после смерти своего отца в 2016 г., олицетворявшего собой «отца нации», в отличие от него не пользовался таким же почитанием в обществе. Стремление Рамы X укрепить свою власть в стране, наоборот, вызвало обратную реакцию. Он потребовал внесения поправок в конституцию, чтобы расширить свои полномочия, установил свой прямой контроль над двумя военными полками, стал единолично управлять всеми своими активами. Таиландский политолог Павин Чачавалпонпун считает, что Маха Вачиралонгкорн сейчас обладает большей формальной властью, чем любой тайский король с момента отмены абсолютной монархии в 1932 г. [11, p. 44].

⁴ Military targets party taking on junta. *The Star*. <https://www.thestar.com.my/news/regional/2019/04/08/military-targets-party-taking-on-junta> (accessed 10.01.2024)

⁵ 50 парламентариев из состава распущенной партии «Вперед в будущее» воспользовались предоставленным правом создать новую партию – «Движение вперед», которая была намерена обеспечить транзит к демократии мирным путем в парламенте (прим. авт.).

⁶ В 2023 г. мужчина был приговорен к 2 годам за продажу сатирических календарей с изображением мультяшных резиновых уток, которые, по мнению суда, порочили короля. В 2024 г. мужчину приговорили к 50 годам тюремного заключения за критику монархии – это самый длительный приговор, вынесенный за это преступление, по данным организации *Thai Lawyers for Human Rights* (прим. авт.).

И если лозунг партии о внесении поправок в ст. 112 Уголовного кодекса был широко поддержан молодежью, то социальная программа партии обеспечила ей поддержку населения северо-востока и юга страны. Подобный результат был достигнут благодаря эффективно проведенной избирательной кампании при использовании Интернета, социальных сетей⁷, личных контактов с избирателями. «Эти выборы стали пощечиной старшему поколению, старому мышлению, старым убеждениям и старой политике – статус-кво был разрушен», – заявила одна из лидеров молодежных протестов 2020 г. [13].

Вдохновленная своей победой на выборах, партия «Движение вперед» рассчитывала на то, что, добившись соглашения с другими продемократическими партиями, в первую очередь с «Пхэа Таи», сможет выдвинуть своего кандидата на пост премьер-министра страны и сформировать правительство, способное провести структурные преобразования в политике. Коалиция из 8 партий, которая имела 313 мест в нижней палате парламента (500 депутатов), поддержала выдвижение лидера партии «Движение вперед» Пита Лимьяроенрата на пост премьер-министра.

Но было бы наивно предполагать, что консервативные силы сдадутся без боя и позволят этой демократической силе прийти к власти. Поражение на выборах провоенных партий – «Паланг Прачарат» и «Объединенная тайская нация»⁸, которые суммарно набрали всего 80 депутатских мандатов, лишало их возможности сформировать правительство большинства⁹. Но у традиционного политического истеблишмента в руках находились другие рычаги влияния на расстановку политических сил в стране. Под его контролем находились Избирательная комиссия, Конституционный суд и, самое главное, Сенат, верхняя палата парламента, состоящая из 250 назначенных еще военной хунтой представителей традиционной политической элиты.

Согласно конституции 2017 г., избрание премьер-министра происходит на совместном заседании нижней и верхней палат парламента и кандидату на этот пост необходимо суммарно набрать 376 голосов. Это фактически дает Сенату право вето в отношении любого кандидата на пост премьер-министра, что и было применено в отношении Пита Лимьяроенрата.

На 1-м туре голосования он не набрал нужного количества голосов, на 2-м ему было отказано в праве баллотироваться на пост премьер-министра. Пит обвинялся в нарушении Конституции: он якобы владел акциями медиакомпаний во время баллотирования на должность. Из-за этих юридических проблем он был отстранен от членства в парламенте.

Это послужило причиной для распада продемократической коалиции, из которой вышла партия «Пхэа Таи», чтобы сформировать собственную из 11 партий без участия в ней партии «Движение вперед».

Чтобы вновь занять лидирующие позиции в политике, «Пхэа Таи» не только отказалась от союза с партией «Движение вперед», но и пошла на прямое сотрудничество с провоенными партиями, хотя ранее позиционировала себя в качестве продемократической партии, оппонирующей традиционному политическому истеблишменту. Объединение с умеренно консервативной партией «Бхумджаитан» и двумя провоенными партиями – «Паланг Прачарат» и партией «Объединенная тайская нация» – обеспечило ей возможность продвинуть своего кандидата Сретту Тависина, крупного бизнесмена в сфере элитной недвижимости, на пост премьер-министра.

Возвращение из 15-летнего изгнания Таксина Чинавата, который бежал из страны в 2008 г., чтобы избежать 8 лет тюремного заключения по обвинению в коррупции и злоупотреблении властью, накануне выборов премьер-министра вызвало много спекуляций на тему готовившейся заранее сделки «Пхэа Таи» с консервативными силами.

РАСКЛАД ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ

Консервативному политическому истеблишменту удалось предотвратить приход к власти демократических сил в лице партии «Движение вперед». Сретта Тависин также гарантировал сохранение неизменным закона об оскорблении монархии. По мнению эксперта по политике Таиланда Поля Чамберса,

⁷ На Facebook 56% самых популярных постов с хэштегом #выборы23 были посвящены партии «Движение вперед». Эти посты собрали более 10 млн просмотров, в 6 раз больше, чем у «Пхэа Таи». Спустя 2 месяца после начала избирательной кампании поддержка партии в Facebook выросла более чем на 200%, а посты её лидера Пита Лимьяроенрата привлекли почти на 300% больше внимания, чем посты всех остальных партийных лидеров вместе взятых (см. [12]).

⁸ «Паланг Прачарат» возглавлял Правит Вонгсуваном, бывший министром внутренних дел и ближайшим соратником Прают Чан-Оча; а лидером партии «Объединенная тайская нация» был Прают Чан-Оча (прим. авт.).

⁹ Их неудача на выборах связана с ростом общественного недовольства жесткими репрессивными методами управления страной, а также потерей доверия населения к военному руководству, не обеспечившему развития экономики, что сопровождалось увеличением задолженности населения и обострением социального неравенства (прим. авт.).

в стране установился режим «дефективной демократии» [14], который, несмотря на демократический фасад, сохраняет многие традиционные институты власти, а поэтому окажется непрочным, раздираемый внутренними противоречиями.

Перед правительством Сретты Тависина стоит много проблем. Главная из них – как завоевать доверие общества и избежать его раскола, отражающего различия в общественном восприятии политического будущего страны. Согласно опросу общественного мнения, популярность партии «Движение вперед» выросла с 30,2% в мае 2023 г. до 49,04% в августе, в то время как этот показатель для «Пхэа Таи» снизился с 28,2% до 10,65% [15], что отражало негативную реакцию её сторонников на сотрудничество с провоенными силами.

Поэтому для Сретты первоочередной задачей является завоевание доверия и поддержки населения, чтобы укрепить свои позиции в коалиции из 314 депутатов, где у «Пхэа Таи» только 141 голос. Это определяет его преимущественную ориентацию на принятие популистских экономических мер без проведения структурных реформ. На вопрос, каким премьер-министром он хочет быть, Сретта ответил: «народным» [15].

Поэтому на своем первом заседании кабинета министров 13 сентября 2023 г. Сретта добился принятия быстрых решений о снижении цен на электроэнергию и дизельное топливо; введении моратория на погашения долгов фермеров, малых и средних предприятий на три года; предоставлении большому числу иностранных туристов безвизового въезда в страну. Планируется повышение минимальной заработной платы. Еще одним важным приоритетом для Сретты Тависина является внедрение цифрового кошелька: примерно 50 млн жителей Таиланда старше 16 лет с ежемесячной зарплатой менее 70 тыс. бат (примерно \$2 тыс.) и сбережениями менее 500 тыс. бат (\$14 тыс.) получают цифровые деньги на сумму 10 тыс. бат (\$280). По мнению премьер-министра, реализация этого проекта направлена на увеличение внутреннего спроса и выведет экономику Таиланда из «сонного» состояния¹⁰. Сретта поставил перед правительством цель увеличить темпы роста ВВП до 5% (вместо 2,8% в 2023 г.). Что касается внешней политики, премьер-министр начал активную кампанию по превращению Таиланда в инвестиционный центр.

Таиланд стал первой страной в ЮВА, юридически признавшей однополые браки. Предлагается проведение поэтапной отмены призыва на военную службу начиная с апреля 2024 г., сокращение числа генералов и повышение эффективности вооруженных сил. Однако точные цифры этих изменений пока не называются¹¹.

Насколько реализуемы эти проекты, остается не только вопросом времени, но и скоординированности действий самого правительства, состоящего из представителей разных политических течений. Напон Ятусрипитак из сингапурского Института по изучению стран Юго-Восточной Азии (*ISEAS – Yusof Ishak Institute*) считает, что «некоторые из мер, которые призваны оздоровить экономику в краткосрочной перспективе, не являются устойчивыми в долгосрочной перспективе. Это сродни наложению повязки на необработанную рану» [16].

Большие вопросы возникают в связи с раздачей цифровых денег. До сих пор неясно, как будет финансироваться этот проект, оцениваемый в 500 млрд бат (\$14 млрд), что послужило аргументом для его критики со стороны ряда политиков. Предвыборное обещание партии «Пхэа Таи» о значительном повышении минимальной заработной платы встретило сопротивление со стороны бизнес-групп. Эксперты предупреждают, что политика Сретты, которая не сопровождается долгосрочной экономической стратегией, мало что сделает для решения глубоко укоренившихся социально-экономических проблем Таиланда. По их мнению, экономические предложения Сретты Тависина сильно напоминают тот же популизм в стиле Таксина, который ставит политическую выгоду выше экономической устойчивости [16]. Но чем больше Сретта опирается на такие популистские меры, тем больше напряженность в отношениях с консерваторами, обеспокоенными разбазариванием государственных средств, что в 2006 г. и 2014 г. стало предлогом для военных переворотов.

Что касается военной сферы, то, хотя на этот пост назначено гражданское лицо, Сутин Клангсенг, член партии «Пхэа Таи», Сретта в интересах поддержания баланса интересов в коалиции вряд ли пойдет на реформирование вооруженных сил, сохраняя за ними важную роль в политике. К тому же Праюту Чан-Оче удалось еще до избрания нового премьер-министра поставить на руководящие посты в армии

¹⁰ Государственный долг вырос более чем до 60% ВВП Таиланда в 2023 г., в то время как долг домашних хозяйств увеличился более чем до 90% ВВП (прим. авт.).

¹¹ The military policy of Srettha and the civilian defence minister is closely watched. *Khaosod English*. <https://khaosodenglish.com/news/2023/09/04/the-military-policy-of-srettha-and-the-civilian-defence-minister-is-closely-watched/> (accessed 05.02.2024)

своих людей, что лишило его преемника какого-либо влияния на армию. Несмотря на то, что «Пхэа Таи» совместно с партией «Движение вперед» выступала за отмену обязательной воинской службы, самые последние планы, объявленные министерством обороны, сводятся лишь к сокращению квоты призыва с целью в конечном итоге перейти к добровольной военной службе.

Отвечая на общественный запрос¹², «Пхэа Таи» не отказывается от своего предвыборного обещания внести поправки в Конституцию 2017 г., вызывающую недовольство демократически настроенной общественности. Около 78,7% опрошенных граждан Таиланда поддерживают идею создания «народной конституции», однако 58% сомневаются в способности «Пхэа Таи» добиться этого [10]. Вопрос не только в том, что рассмотрение поправок к конституции займет 4 года. Неизвестно, насколько радикальными могут быть изменения, учитывая сохраняющееся влияние на политику консервативных сил.

Сохранит ли Сретта свой пост, остается также под вопросом. По самым оптимистическим прогнозам, он удержится у власти 2 года – половину от полного четырехлетнего срока. Однако наиболее скептически настроенные эксперты говорят, что он будет вынужден уйти в отставку к середине 2024 г., если его политика экономического стимулирования потерпит неудачу. Существует вероятность того, что Таксин Чинават, сохраняющий контроль над «Пхэа Таи», захочет поставить на этот пост свою дочь Пастонгтан, которой ему будет проще манипулировать [14]. Однако судьба самого Таксина Чинавата пока неясна.

Хотя король сократил срок пребывания его под стражей до 1 года, а в феврале 2024 г. он вышел по условному освобождению, тем не менее над ним нависла новая угроза уголовного преследования – в феврале 2024 г. государственная прокуратура Таиланда заявила, что возобновила расследование относительно того, нарушил ли Таксин Чинават почти 9 лет назад закон о клевете на монарха (имеется в виду его комментарии, сделанные в Сеуле в 2015 г.) [17].

Подобное действие прокуратуры можно расценить как попытку консерваторов-роялистов уменьшить влияние Таксина на политику и продемонстрировать партии «Пхэа Таи», связанной с ним, её зависимость от традиционного политического истеблишмента, сохраняющего за собой рычаги политического управления страной, опираясь на судебные инстанции, находящиеся под её контролем. Таким образом, свобода политических действий партии «Пхэа Таи», которая в общественном мнении позиционируется как продемократическая сила, крайне урезана. В конечном счете «Пхэа Таи» превращается в правоцентристскую партию, обещая небольшие реформы внутри системы, возглавляемой мощной монархией и вооруженными силами.

Однако сохранению статус-кво в политике, несмотря на то, что «Пхэа Таи» «вписывается» в традиционную систему власти, обеспечивающую незыблемость её традиционных институтов, мешает наличие сильной оппозиции в лице партии «Движение вперед».

Традиционная политическая элита, напуганная популярностью партии «Движение вперед», способной повлиять на расклад политических сил в стране, пошла на ужесточение мер контроля над ней, блокируя тем самым возможность её прихода к власти на будущих парламентских выборах в 2027 г. или в случае вотума недоверия Сретту Тависину. Опрос, проведенный в декабре 2023 г. Национальным институтом управления развитием (NIDA), показал, что «Движение вперед» остается преимущественно предпочтительной партией, набрав 44% голосов респондентов, «Пхэа Таи» заняла 2-е место – 24%. «Демократическую партию» поддержали 3,6%, а все остальные партии, включая две провоенные, набрали в совокупности только 1,85% [18].

Пита Лимьяроенрат даже обошел премьер-министра Сретту Тависина в номинации «наиболее предпочтительный кандидат на пост премьер-министра»¹³. Оценивая эту неблагоприятную для себя перспективу и учитывая тот факт, что в мае 2024 г. истекает срок полномочий старого состава Сената, который больше не будет участвовать в избрании премьер-министра, консерваторы-роялисты, действуя через Конституционный суд, дали понять партии «Движение вперед», что она находится под угрозой роспуска.

31 января 2024 г. Конституционный суд Таиланда постановил, что обещание оппозиционной партии реформировать закон страны об оскорблении института монархии является незаконным и что она должна прекратить подобные усилия. Суд обязал партию «Движение вперед» и её лидера Питу Лимья-

¹² Движение гражданского общества 30 августа 2023 г. представило в Избирательную комиссию список из 212 139 подписей под призывом к принятию новой конституции (*прим. авт.*).

¹³ Pita and Move Forward still the most popular in year-end Thailand's Nida Poll survey. *The Star*. 24.12.2023. <https://www.thestar.com.my/aseanplus/aseanplus-news/2023/12/24/pita-and-move-forward-still-the-most-popular-in-year-end-thailand-039s-nida-poll-survey> (accessed 15.01.2024)

роенрата «прекратить выражать мнения, выступать, писать, печататься, размещать рекламу и общаться любыми другими средствами в попытке изменить закон». Конституционный суд постановил, что подобные действия партии представляют собой попытку свергнуть конституционную монархию [19]. Сторонники партии «Движение вперед» опасаются, что решения суда могут стать предлогом для властей, чтобы попытаться распустить партию и запретить её руководителям заниматься политикой в соответствии со ст. 92 Закона о политических партиях. По мнению экспертов, разрушительным последствием решения Конституционного суда является его потенциальное воздействие на оппозиционные политические партии – важнейший механизм сдержек и противовесов в парламенте [20].

Чтобы еще больше ослабить влияние Пита на политику, окружной суд Бангкока приговорил его и еще 7 других политических деятелей к 4 месяцам тюремного заключения с отсрочкой исполнения приговора на два года за проведение незаконного митинга в 2019 г.¹⁴ Законодательство Таиланда не позволяет людям, осужденным по этой статье, занимать места в парламенте.

Перед партией «Движение вперед» стоит дилемма: стоит ли продолжать выступать за внесение поправок в закон о диффамации или же полностью избегать этого вопроса и сосредоточиться на других программах реформ. Партия сейчас сталкивается с явными ограничениями в реализации демократических требований своих избирателей. В ответ на предъявленные ему обвинения Пита заявил, что его партия не намерена свергать монархию. Однако отказ партии «Движение вперед» от отмены ст. 112 Уголовного кодекса может ослабить её социальную базу среди молодого поколения, продемонстрировавшего свой социальный запрос на демократические изменения в обществе. В случае запрета партии страна столкнется с новым витком студенческих протестов, подавление которых потребует ужесточение режима. Общество по-прежнему расколото из-за различных взглядов на тайскую демократию и конституционную монархию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выборы в парламент в мае 2023 г., несмотря на победу демократических сил в лице партии «Движение вперед», не привели к мирному транзиту власти и утверждению в стране режима парламентской демократии.

Власть традиционного политического истеблишмента сохраняется. И он активно использует находящиеся под его контролем институты для подавления оппозиции путем как кооптации, как произошло с партией «Пхэа Таи», так и угроз и судебного преследования. При этом защита института монархии принимает для традиционной политической элиты символическое значение, отражающее саму суть тайской идентичности. В стране, по мнению политолога Пуна Сингхатирая, установился режим конкурентной автократии, скрывающийся под маской демократии [21].

Однако, независимо от типа режима в Таиланде, выборы 2023 г. показали, что поддержка продемократических изменений в обществе возрастает.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. McCargo D. (2005). Network monarchy and legitimacy crises in Thailand. *The Pacific Review*. Vol. 18, pp. 499–519.
2. Tejapira K. (2010). The Irony of Democratization and the Decline of Royal Hegemony in Thailand. *Southeast Asian Studies*. Vol. 5, Iss. 2, pp. 219–237.
3. Handley P.M. (2006). *The King Never Smiles: A Biography of Thailand's Bhumibol Adulyadej*. Yale University Press.
4. Lohatepanont M.K. The Story of Thai Democracy: Strongman Sarit. <https://kenlwrites.com/2017/07/04/the-story-of-thai-democracy-strongman-sarit/comment-page-1/> (accessed 25.12.2023)
5. Phongpaichit P. and Baker C. (2015). *Thailand in Trouble: Revolt of the Downtrodden or Conflict among Elites*. Published online by Cambridge University Press. 21.10.2015. <https://www.cambridge.org/core/books/abs/bangkok-may-2010/thailand-in-trouble-revolt-of-the-downtrodden-or-conflict-among-elites/5BC601F5922F6491B0FFAA041D917A47> (accessed 04.01.2024)
6. Рогожина Н.Г. Возможна ли демократия в Таиланде? *Мировая экономика и международные отношения*. 2015, № 4, с. 101–110.

¹⁴ Thailand's former PM candidate Pita Limjaroenrat handed suspended sentence in latest legal blow. *The Guardian*. 04.02.2024. <https://theguardian.com/world/2024/feb/06/thailand-pita-limjaroenrat-suspended-sentence-former-pm-candidate-unlawful> (accessed 12.02.2024)

- Rogozhina N.G. 2015. Is democracy possible in Thailand? *MEMO Journal*. № 4, pp. 101–110. (In Russ.)
7. Elinoff E. (2019). Subjects of politics: Between democracy and dictatorship in Thailand. *Anthropological Theory*. Vol. 19(1). Pp. 143–169.
 8. Рогожина Н.Г. Что ожидает демократическую оппозицию в Таиланде? *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2020. Т. I, № 1 (46). С. 336–344. DOI:10.31696/2072-8271-2020-1-1-46-
Rogozhina N.G. What awaits the Democratic opposition in Thailand? *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. 2020. Vol. I. № 1 (46), pp. 336–344. (In Russ.)
 9. Pravitt Rojanaphruk. The Illusion of Choice Under Thailand's Fake Democracy. *Khaosod English*. <https://khaosodenglish.com/opinion/2019/08/04/opinion-the-illusion-of-choice-under-thailands-fake-democracy> (accessed 10.01.2024)
 10. Termsak Chalermpanupap. Collaboration Between Pheu Thai and Move Forward Parties on Their Core Issues Will Determine Thailand's Future. *Fulcrum*. 22.12.2023. <https://fulcrum.sg/collaboration-between-pheu-thai-and-move-forward-parties-on-their-core-issues-will-determine-thailands-future> (accessed 05.02.2024)
 11. Pavin Chachavalpongpun (2023). When Foe Becomes Friend: What Lies Behind the New Government in Thailand. *Global Asia*. Vol. 18, № 3.
 12. Sinpeng Aim. Thailand moves forward in social media election. *East Asia Forum*. <https://www.eastasiaforum.org/2023/07/28/thailand-moves-forward-in-social-media-election> (accessed 05.02.2024)
 13. Рогожина Н.Г. Итоги парламентских выборов в Таиланде. 22.05.2023. <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/the-results-of-the-parliamentary-elections-in-thailand> (accessed 05.02.2024)
Rogozhina N.G. Results of the parliamentary elections in Thailand. 22.05.2023. <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/the-results-of-the-parliamentary-elections-in-thailand> (accessed 05.02.2024)
 14. Chambers P. Defective democracy defines Thailand's political future. *East Asia Forum*. <https://www.eastasiaforum.org/2024/01/02/defective-democracy-defines-thailands-political> (accessed 05.02.2024)
 15. Chalermpanupap T. (2023). New Thai PM Faces a Crisis of Confidence. *ISEAS Perspective*. 27 September.
 16. Koh Ewe. After Awkward Ascension, Thailand's New Prime Minister Tries Old-Fashioned Populism. *Time*. <https://time.com/6320754/thailand-srettha-populism/> (accessed 10.02.2024)
 17. Saksornchai J. Thai prosecutors say former Prime Minister Thaksin is being investigated for royal defamation. *AP News*. <https://apnews.com/article/33hailan-royal-defamation-attorney-general-f7506979da28616e0b9512c0ae24082f> (accessed 10.02.2024)
 18. Abuza Z. (2023). Thai royalists are waging war of judicial attrition against Move Forward Party. *BenarNews*. 27.12.2023. <https://www.benarnews.org/english/commentaries/thai-royalists-war-move-forward-party-12272023102627.html> (accessed 10.02.2024)
 19. Ratcliffe R. Thai court rules Move Forward party must end bid to reform lese-majesty law. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/world/2024/jan/31/thai-court-rules-move-forward-party-must-end-bid-reform-lese-majesty-law> (accessed 15.02.2024)
 20. Cogan M. Thai Constitutional Court Decision on Move Forward is Judicial Overreach. *Fulcrum*. <https://fulcrum.sg/thai-constitutional-court-decision-on-move-forward-is-judicial-overreach> (accessed 15.01.2024)
 21. Singhatiraj P. Is Thailand a Democracy? Its 2023 Election Suggest Not. <https://www.democratic-erosion.com/2023/11/21/is-thailand-a-democracy-its-2023-election-suggest-not/> (accessed 10.02.2024)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Рогожина Наталия Григорьевна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации ИММО им. Е.М.Примакова РАН. Москва, Россия.

Natalia G. Rogozhina, Dr.Sc. (Political Science), Chief Researcher, Department of Development and Modernization Problems. IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 19.01.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 20.04.2024

DOI: 10.31857/S032150750031035-0

Шиитские вооруженные формирования «Аль-Хашд аш-Шааби» в иракской и региональной политике

© Кузнецов А.А.^a, 2024

^a НИУ ВШЭ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8073-401 X; samarkand4@yandex.ru

Резюме. В военно-политических процессах, происходящих в настоящее время на Ближнем Востоке, значительную роль играют негосударственные акторы, такие как движение «Хезболла» в Ливане, «Ансар Аллах» в Йемене, шиитские партии и группировки в Ираке.

Рассматривается деятельность иракских Отрядов народной мобилизации («Аль-Хашд аш-Шааби»). Автор исследует генезис этого движения и причины его появления: политизацию шиитов Ирака в начале XXI в., распад государства и его институтов в Ираке после американской оккупации, шиитско-суннитский конфликт, борьбу с терроризмом в 2014–2017 гг.

В статье изучаются военная структура Отрядов народной мобилизации, их руководящие кадры и экономические возможности. Делается вывод о тесной связи руководства данной организации с Ираном. Анализируются политическая деятельность «Аль-Хашд аш-Шааби» и причины их успехов, а также деятельность этой группировки в региональном масштабе, её содействие в реализации иранских внешнеполитических интересов.

Ключевые слова: Ирак, Иран, «Аль-Хашд аш-Шааби», шиитско-суннитские противоречия, борьба с терроризмом, американское военное присутствие, «ось сопротивления»

Для цитирования: Кузнецов А.А. Шиитские вооруженные формирования «Аль-Хашд аш-Шааби» в иракской и региональной политике. *Азия и Африка сегодня*. № 6. С. 34–41. DOI: 10.31857/S032150750031035-0

The Shi'a Paramilitary Units "Al Hashd al Shaabi" in Iraqi and Regional Policy

Alexander A. Kuznetsov^a, 2024

^a HSE University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8073-401 X; samarkand4@yandex.ru

Abstract. The non-state actors such as the Hizbullah movement in Lebanon, Ansarullah in Yemen or the Iraqi Shi'a groups play important role in current political processes in the Middle East. This article considers activity of the Popular Mobilization Units of Iraq ("al Hashd al Shaabi"). The author touches upon genesis and reasons of their appearance: politicization of the Shi'a community of Iraq in the beginning of XXI century, Sunni-Shi'a conflict, the struggle against terrorism in 2014–2017. This article touches upon military capabilities of the PMU, their leadership and economic opportunities. The conclusion is made about strong connection of this organization with Iran. The author also analyses political activity of the PMU and their success. The author also makes outlook of the activity of this group in regional scope concluding that it strongly helps in achieving Iranian external political interests: especially struggle against American military presence in the Middle East.

Keywords: Iraq, Iran, Shi'a-Sunni contradictions, struggle against terrorism, American military presence, Axis of Resistance.

For citation: Kuznetsov A.A. The Shi'a Paramilitary Units "Al Hashd al Shaabi" in Iraqi and Regional Policy. *Asia and Africa today*. 2024. № 6. Pp. 34–41. DOI: 10.31857/S032150750031035-0

ВВЕДЕНИЕ

В военно-политических конфликтах и кризисах, происходящих в последнее двадцатилетие на Ближнем Востоке, значительную роль играет шиитский фактор. Он связан как с политическим и военным

усилением Исламской Республики Иран, так и с внутренними процессами в Ливане, Ираке и ряде других государств Ближнего Востока, получившими название «шиитского возрождения» [1, р. 36].

Причинами для политического пробуждения шиитов на Ближнем Востоке послужили американская агрессия в Ираке в 2003 г., которая привела не только к падению режима Саддама Хусейна, но и к распаду всех государственных институтов этой страны, и события «арабской весны» 2011–2017 гг., приведшие к дестабилизации многих государств региона.

Со временем такие негосударственные акторы, как «Хезболла» в Ливане, «Аль-Хашд аш-Шааби» в Ираке, «Ансар Аллах» в Йемене превратились во влиятельных военно-политических игроков, игнорирующих либо слабо принимающих во внимание правительства тех стран, в которых они оперируют.

Вопрос о шиитских вооруженных формированиях в регионе имеет не только теоретическое, но и практическое значение, непосредственно связанное с национальными интересами Российской Федерации.

Представители «Аль-Хашд аш-Шааби» во время гражданской войны в Сирии в 2012–2017 гг. воевали на стороне законного правительства Сирии. С ними и их иранскими инструкторами взаимодействовал российский военный контингент, находящийся на территории этой страны. В ходе происходящей в настоящее время конфронтации между Ираном и Израилем «Аль-Хашд аш-Шааби» выступают на стороне Ирана. Таким образом, понимание структуры этой организации, её главных действующих лиц и мотивов поведения необходимо для правильной ориентации в региональной политике и прогнозирования её развития.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ ШИИТСКИХ ДВИЖЕНИЙ И ВООРУЖЕННЫХ ГРУППИРОВОК В ИРАКЕ

Со времени вхождения Ирака в состав Османской империи в XVI в. шииты, составлявшие большинство населения страны, находились в этой стране на вторых ролях. Политическая элита Ирака состояла в основном из суннитов. Такая ситуация продолжалась в эпоху монархии Хашимитов (1920–1958), после республиканской революции в 1958–1968 гг. и в период правления партии Баас в 1968–2003 гг. [2, р. 43]. В течение этого периода, по мнению американского исследователя Резы Вали Насра, сунниты «управляли Ираком, будучи меньшинством с психологией большинства, в то же время шииты, будучи большинством, вели себя в своей стране как меньшинство» [1, р. 73].

Тем не менее политический исламизм не был доминирующим течением в шиитской общине Ирака в 1950-е – 1970-е гг. Многие представители шиитской уммы к середине XX в. стали сторонниками модернизации и секуляризма. Однако последующее развитие событий разочаровало шиитов. Реза Вали Наср пишет в своей книге «Шиитское возрождение»: «Шиитские кровь, слезы и богатство, отдаваемые во имя общеарабского дела, приветствовались, но равные права при этом не были предоставлены даже в оплату за жертвенность» [1, р. 185].

Политизация шиитов Ирака была тесно связана с деятельностью аятоллы Мухаммеда Бакира ас-Садра.

Необходимо отметить, что Ирак исторически является средоточием высшего шиитского духовенства и религиозных образовательных центров. На его территории расположены шиитские святыни Неджеф и Кербела, являющиеся также резиденциями высокопоставленных клерикалов. К середине XX в. ведущее положение в высшем шиитском духовенстве заняли семьи Садров и Хакимов [3, р. 50]. В конце 1970-х гг. происходит радикализация шиитов Ирака. На это повлияла главным образом исламская революция 1979 г. в соседнем Иране [4, с. 256].

В сентябре 1980 г. руководство Ирака начало войну против Ирана. Этому шагу предшествовали репрессии против шиитских исламистов. Многие активисты шиитского движения эмигрировали в Иран, что позднее, когда они пришли к власти в Багдаде, стало причиной усиления иранского влияния в Ираке.

Например, в Тегеране оказался единственный выживший представитель клана Хакимов – аятолла Абдель Азиз аль-Хаким, создавший здесь собственное политическое движение – Высший совет Исламской революции в Ираке (ВСИРИ). По его инициативе из числа иракских военнопленных-шиитов в Иране были созданы вооруженные формирования «Бригады Бадр» (*Лива аль-Бадр*), воевавшие в ходе войны между Ираком и Ираном 1980–1988 гг. на иранской стороне [4, с. 258]. Поражение Ирака в его

военной авантюре в Кувейте в августе 1990 г. вызвало вооруженное восстание в южных шиитских провинциях страны в марте 1991 г., жестоко подавленное правящим режимом [5, p. 86].

Американская оккупация Ирака в 2003 г. дала мощный импульс как развитию шиитских партий и группировок, так и появлению их вооруженных формирований. Оккупационными властями были разрушены все государственные институты Ирака, включая силовые структуры: армию и полицию. В результате государство в Ираке утратило монополию на насилие. Самоорганизация населения этой арабской страны привела к тому, что шииты стали группироваться вокруг исламистских партий (Партия исламского призыва и ВСИРИ). При этом американцы, не доверяя суннитской элите, связанной в прошлом с партией Баас, решили сделать ставку на иракских шиитов [6, p. 120].

По результатам выборов в январе 2005 г. шиитские партии оказались в большинстве в парламенте страны. Отчасти это объяснялось бойкотом выборов в суннитских провинциях [7]. Таким образом, политические движения шиитов Ирака, главными из которых были Партия исламского призыва и ВСИРИ, получили в иракском парламенте большинство, а сунниты оказались маргинализированы [8].

Позже принцип шиитского доминирования был закреплен в Конституции. В Основном законе страны, принятом 15 октября 2005 г., место президента закреплено за представителем курдов, премьер-министра – шиитов, а спикера парламента – суннитов. В то же время президент Ирака является церемониальной фигурой, а премьер-министр руководит исполнительной властью [9, p. 15].

Такая ситуация не могла не вызвать межконфессиональный раскол в Ираке. Недовольство суннитской общины было использовано международными террористическими организациями, такими как «Аль-Каида», организовавшими проникновение в Ирак иностранных джихадистов. В стране началась полномасштабная гражданская война между шиитами и суннитами, пик которой пришелся на 2006–2007 гг. Этот военно-политический конфликт привел к появлению и росту вооруженных формирований иракских шиитов [10].

Таким образом, можно выделить несколько предпосылок для создания вооруженных формирований «Аль-Хашд аш-Шааби». Прежде всего, это политическое пробуждение шиитов Ирака, ранее отодвинутых от власти и финансовых потоков. Во-вторых, американская оккупация Ирака, которая сопровождалась разрушением государственных институтов и привела к политической анархии [6, p. 120]. В-третьих, суннитско-шиитское военно-политическое противостояние.

СТРУКТУРА «АЛЬ-ХАШД аш-ШААБИ» И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ХОДЕ ВОЙНЫ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА В 2014–2017 гг.

В мае–июне 2014 г. военно-политическая обстановка в Ираке резко ухудшилась. Террористам из организации «Исламское государство» (ИГИЛ) удалось захватить второй по величине город Мосул и взять под контроль северные провинции страны: Анбар, Найнаву и Салахеддин.

Можно выделить несколько причин успехов джихадистов. Во-первых, это недовольство суннитской общины Ирака маргинализацией и систематическими преследованиями [11, p. 72]. В результате ряд крупных суннитских племен северного Ирака, а также некоторые бывшие члены партии Баас на первых порах поддержали джихадистов [12]. Во-вторых, полная неэффективность новых вооруженных сил Ирака, с нуля созданных американцами [13].

В этих условиях возникла реальная угроза взятия джихадистами Багдада и шиитских святынь – Неджефа и Кербелы. 10 июня 2014 г. наиболее авторитетный шиитский богослов Ирака великий аятолла Али ас-Систани издал фетву о том, что борьба против террористов из «Исламского государства» является религиозной обязанностью каждого иракца. Этот день считается точкой отсчета для вооруженных формирований «Аль-Хашд аш-Шааби» (Отряды народной мобилизации – ОНМ) [14].

Более действенным мотивом для создания новой организации стала работа иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Большую роль в создании и укреплении этих формирований сыграл командующий спецназом «Кудс» КСИР генерал Касем Сулеймани. Его замысел состоял в том, чтобы превратить ОНМ в подобие КСИР, параллельную армию Ирака, выполняющую иранскую повестку [15].

Помощь в создании новых вооруженных формирований оказывали военные инструкторы ливанского движения «Хезболла». Генеральный секретарь этой партии Хасан Насралла в интервью телекомпании «Аль-Манар» 20 февраля 2020 г. отметил, что в начале войны против ИГИЛ к нему обратился

Касем Сулеймани. Он попросил лидера «Хезболлы» срочно предоставить для руководства ОНМ 120 ливанских полевых командиров, и просьба была выполнена [16].

В настоящее время численность ОНМ оценивается в 120 тыс. человек [17, р. 4]. Наиболее крупным подразделением ОНМ является, во-первых, «Бригада Бадр» во главе с бывшим министром транспорта Ирака Хади аль-Амири. Это ветеран шиитских военизированных организаций. Другие крупные шиитские вооруженные формирования, входящие в состав «Аль-Хашд аш-Шааби», – это «Катаиб Имам Али» во главе с Шибли аль-Заиди, «Харакат Хизбалла аль-Нуджаба» во главе с Акромом аль-Кааби, «Катаиб Хизбалла» во главе с Ахмедом аль-Хамидауи, «Катаиб Сайид аль-Шухада» под командованием Абу Аля аль-Валаи, «Асаиб ахль аль-хакк» во главе с Кайсом аль-Хазали.

Помимо шиитских групп, в эту структуру входят вооруженные формирования иракских туркоманов, курдов-езидов, суннитов и христиан.

Наиболее тесно связанные с Ираном группировки входят в состав Координационного комитета сопротивления Ирака. Это «Асаиб ахль аль-хакк», «Харакат Хезболла аль-Нуджаба», «Катаиб Имам Али», «Катаиб Хезболла». На начальном этапе существования ОНМ в их ряды входили также сторонники Муктады ас-Садра, сформировавшие собственную бригаду «Сарайя ас-Салам». Однако в 2018 г. Садр объявил о роспуске своих вооруженных формирований [18].

В официальном иракском дискурсе об ОНМ говорится как о вооруженных формированиях, представляющих все народы и конфессии Ирака. В то же время большую и наиболее боеспособную часть этих отрядов составляют шииты. По информации ливанской исследовательницы Моны Алами, в 2018 г. в составе «Аль-Хашд аш-Шааби» сражались 66 шиитских подразделений, 43 – суннитских, 6 – христианских, 4 – езидских и 2 – туркменских. При этом общая численность суннитских отрядов не превышала 15 тыс. человек.

В шиитской религиозной доктрине большое значение имеет такое явление, как *марджа*. Наиболее авторитетные богословы являются образцом для подражания (*марджа-э-таклид*) для группы верующих. Это означает, что фетва, изданная таким богословом, обязательна для исполнения. М.Алами считает, что подразделения, признающие в качестве *марджа* иракского аятоллу Али ас-Систани и связанные с министерством обороны Ирака, составляют 24 тыс. бойцов. Остальные считают своим авторитетом верховного лидера Ирана Али Хаменеи [17, р. 12].

28 ноября 2016 г. иракский парламент узаконил существование «Аль-Хашд аш-Шааби», придав им статус одной из силовых структур этого государства, подчиняющейся офису премьер-министра. Административным руководителем ОНМ стал бывший активист Партии исламского призыва Фалих аль-Файяд. Реальное военное руководство перешло в руки начальника штаба ОНМ Абу Махди аль-Мухандиса, командира проиранской группировки «Катаиб Хезболла». Значительную роль в ОНМ стали играть также заместители руководителя: командир бригады «Бадр» Хади аль-Амири и суннит Самир аль-Тамими, координатор по делам племен [17, р.12].

ОНМ не испытывают недостатка в финансировании. Во-первых, это государственные средства. В 2020 г. на их нужды из иракского бюджета было выделено \$1,42 млрд. Одновременно их подпитывают пожертвования исламских вакфов (фондов), приписанных к гробницам шиитских Имамов. Наконец, ОНМ развернули собственную предпринимательскую деятельность. Доходы от правительственных контрактов в сфере строительства, контрабанды, торговли нефтепродуктами и металлоломом могут составлять ежегодно до \$10 млрд. В 2022 г. ОНМ создали свое бизнес-подразделение – компанию *Muhandis General Company* с уставным фондом \$70 млн [19].

РОЛЬ «АЛЬ-ХАШД АШ-ШААБИ» ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ИРАКЕ

Правительства Ирака с 2016 г. пытались ограничить участие ОНМ в политике и поставить их под государственный контроль. Однако эти попытки не увенчались большим успехом. В марте 2018 г. премьер-министр Хайдер аль-Абади издал декрет, согласно которому «Аль-Хашд аш-Шааби» должны были действовать как силы безопасности. Их бойцы приравнивались к военнослужащим и переходили в подчинение главнокомандующему (т.е. премьеру) [17, р. 14].

Тем не менее «Аль-Хашд аш-Шааби» стали выступать как активная политическая сила. Их представители приняли участие в парламентских выборах в Ираке, состоявшихся 12 мая 2018 г.

К 2018 г. в некогда едином шиитском политическом лагере произошел раскол. Проиранские шииты группировались вокруг «Аль-Хашд аш-Шааби» и бывшего премьер-министра (2006–2014) Нури аль-Малики. Одновременно выделились шиитские политики прозападной ориентации, объединившиеся вокруг премьер-министра Хайдера аль-Абади в предвыборный блок «Наср». Третий лагерь составили сторонники харизматичного клерикала Муктады ас-Садра, политика-популиста без четких идеологических установок, популярного среди шиитской бедноты [20, pp. 10–35].

Наибольшее количество голосов на выборах 2018 г., вопреки всем прогнозам, набрал предвыборный блок «Ас-Саирун» («Марширующие»), состоящий из сторонников движения «Ахрар» Муктады ас-Садра.

В иракском парламенте из 329 депутатов они получили 54 мандата. Относительная победа «Ас-Саирун» объясняется тем, что этот блок вышел на выборы с требованиями социальной справедливости, а также объединением политически активных иракцев на светской, а не на узкоконфессиональной основе. На 2-м месте оказалось движение «Аль-Фатах» («Победитель»), состоящее из полевых командиров вооруженных формирований «Аль-Хашд аш-Шааби» (47 мандатов). На 3-м оказался альянс «Наср аль-Ирак» («Победа Ирака») премьер-министра Хайдера аль-Абади. На 4-м месте – коалиция «Правовое государство» экс-премьера Нури аль-Малики (25 мандатов) [21].

Сторонникам Муктады ас-Садра не удалось вступить в коалицию с другими политическими силами и сформировать правительство. Новым премьер-министром стал проирански настроенный политик Адель Абдель Махди.

2019–2021 годы стали периодом значительного ухудшения позиций «Аль-Хашд аш-Шааби». В 2019–2020 гг. в Ираке проходили массовые социальные протесты, направленные против коррупции и за улучшение условий жизни рядовых иракцев, приведшие к отставке проиранского правительства в декабре 2019 г. Отчасти они были направлены и против ОНМ. В апреле 2020 г. к власти в Ираке пришло правительство технократов во главе с прозападным политиком Мустафой аль-Казыми, которое стало последовательно ограничивать активность шиитских вооруженных формирований. 3 января 2020 г. в результате американского удара в Багдаде были убиты генерал Касем Сулеймани и Абу Махди аль-Мухандис. Таким образом американская администрация попыталась обезглавить «Аль-Хашд аш-Шааби» и вернуть Ирак под эгиду Вашингтона.

На парламентских выборах в октябре 2021 г. блок «Аль-Фатах», представляющий интересы ОНМ, потерпел поражение. Ему удалось провести в парламент всего 17 депутатов (снижение на 31 место). Относительное большинство получили сторонники Муктады ас-Садра (73) [22].

Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, руководству «Аль-Хашд аш-Шааби» удалось не только вернуть утраченные позиции, но и добиться доминирования в политической жизни Ирака. При чем сделали они это не путем насилия, а опираясь на мягкую силу – пропаганду, СМИ и политические интриги.

Для этого шиитским боевикам было необходимо нейтрализовать Муктаду ас-Садра. Согласно Конституции Ирака, для формирования правительства Садру необходимо было набрать не менее половины голосов в парламенте. С этой целью с весны 2022 г. он стал вести переговоры с Демократической партией Курдистана (ДПК) Масуда Барзани и иракскими суннитами. ОНМ сделали все, чтобы не допустить альянса сторонников Садра с иракскими курдами.

Большую роль сыграл также союз ОНМ с бывшим премьер-министром Нури аль-Малики в рамках Координационной структуры – альянса шиитских партий проиранской направленности. С помощью Малики полевым командирам удалось привлечь на свою сторону председателя Верховного Суда Фаика Зейдана, который постановил увеличить необходимое количество голосов депутатов для формирования правительства с половины до двух третей.

В результате Муктада ас-Садр совершил опрометчивый шаг: вывел своих сторонников на улицу. В августе 2022 г. они штурмовали правительственные учреждения в Багдаде. Окончательным поражением Садра стало его желание прибегнуть к шантажу и организовать отставку своих депутатов. Иракский политик рассчитывал на роспуск парламента, но его противники применили конституционную норму о замене уходящего депутата его конкурентом на выборах, занявшим 2-е место. Тем самым ОНМ и Малики удалось получить большинство мест в парламенте [23].

В октябре 2022 г. в Ираке было сформировано лояльное к ОНМ правительство во главе со сторонником Малики – Мухаммедом Шийей ас-Судани. Командирам «Аль-Хашд аш-Шааби» удалось получить

контроль над иракскими спецслужбами, входящими в систему Национальной разведывательной службы (НРС) и МВД.

Например, директором контрразведки стал племянник Фалиха аль-Файяда – Фейсал Гази аль-Лами, директором Службы внутренней безопасности – ставленник Абу Аля аль-Валаи Халед Араб, директором Национальной службы безопасности (антитеррористические действия) – Абу Али аль-Басри, сторонник Нури аль-Малики. На выборах в местные органы власти в декабре 2023 г. партии, связанные с «Аль-Хашд аш-Шааби», обеспечили себе большинство мест [23].

Анализируя политическую деятельность «Аль-Хашд аш-Шааби», можно сделать вывод о том, что это военно-политическое образование продемонстрировало необыкновенную выживаемость в сложных иракских условиях. Разумеется, здесь сыграла свою роль иранская поддержка. Однако наибольшее значение имело то, что ОНМ удалось закрепить свои структуры на всех уровнях: в политике, бизнесе и СМИ. На политическом уровне это произошло благодаря наличию политических партий, аффилированных с этими вооруженными формированиями, и парламентской фракции.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОНМ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Шиитские вооруженные формирования, появившиеся при значительном содействии Ирана, не могли не выполнять повестку, соответствующую геополитическим интересам Тегерана в регионе Ближнего Востока.

В ходе гражданской войны в Сирии «Аль-Хашд аш-Шааби» поддержали законное правительство Башара Асада. Еще до официального образования ОНМ иракская «Бригада Абу Фадля Аббаса» в 2012 г. была развернута в окрестностях Дамаска. Она охраняла шиитскую святыню – гробницу Сейиды Зейнаб, а также принимала участие в боях с террористами. В 2016 г. командование ОНМ распорядилось направить в Сирию для помощи правительству Асада 8 тыс. бойцов [17, р. 10].

Напряженные отношения сложились у ОНМ с США. До 2020 г. шиитские бойцы, не испытывая симпатий к американцам, всё же предпочитали не осуществлять нападений на американский военный контингент в Ираке. Американские войска были выведены из этой арабской страны в 2011 г. Убийство Касема Сулеймани и Абу Махди аль-Мухандиса (3 января 2020 г.) вызвало возмущение большинства граждан Ирака. В результате парламент 8 января 2020 г. принял резолюцию о необходимости вывода всех иностранных войск из Ирака (подразумевались, прежде всего, американские) [19]. Тем не менее американский военный персонал из Ирака не эвакуирован до сих пор.

Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, США официально считают своих военных не оккупационным контингентом, а «инструкторами и советниками» ВС Ирака. Во-вторых, за сохранение американских военных выступают ДПК и ряд суннитских политиков Ирака [23]. С этих пор борьба за вывод американского военного контингента является одной из главных целей «Аль-Хашд аш-Шааби».

В этом контексте иракские ОНМ содействуют выполнению одной из главных геополитических задач Ирана – прекращению американского военного присутствия на Ближнем Востоке. Численность американского контингента в Ираке невелика – 2500 человек. Тем не менее в сочетании с американским персоналом в Сирии он блокирует «сухопутный мост» из Ирана через иракскую и сирийскую территории к Восточному Средиземноморью. Особенно важна в этом отношении база Ат-Танф, расположенная на стыке Ирака, Сирии и Иордании [24]. Одновременно постоянные нападения на американские военные базы в регионе являются средством давления на США с целью склонить их к большей уступчивости на переговорах по иранской ядерной проблеме [25].

Атаки на американские военные базы в Ираке и в Сирии со стороны «Аль-Хашд аш-Шааби» участились после начала войны Израиля с движением ХАМАС в секторе Газа в октябре 2023 г. Этот конфликт предоставил оправдание для конфронтации с американцами, т.к. США в нём поддержали Израиль, а значит, выступили против всей исламской уммы [26]. 9 января 2024 г. пресс-секретарь «Катаиб Хизбалла» Джафар аль-Хусейни выступил на передаче телекомпании «Аль-Маяддин», где подробно объяснил позицию своего движения. Он подтвердил, что его группа и её союзники по ОНМ являются частью «оси сопротивления» (*магавир аль-мукаввима*), в которые входят союзные Ирану группировки в регионе. При этом он сказал о том, что ОНМ не позволят Израилю и США напасть на «Хезболлу». Пресс-секретарь также отметил, что легитимными целями для ударов являются американские военные базы не только в Ираке, но и по всей Западной Азии [26].

Удары ОНМ по американской военной инфраструктуре в Ираке и Сирии начались 18 октября 2023 г. Всего было проведено 160 таких атак. При этом большинство из них (95) последовало со стороны группировки «Харакат аль-Нуджаба». Интересно, что её лидер Акрам аль-Кааби в марте 2023 г. посетил Москву, где на встрече с заместителем министра иностранных дел РФ Михаилом Богдановым от имени ОНМ выразил поддержку СВО на Украине [23].

В географическом плане произошло «разделение труда» между различными вооруженными формированиями. «Катаиб Хезболла» обстреливала ракетами и наносила удары беспилотниками по американским военным базам Айн аль-Асад и Ат-Танф к югу от реки Евфрат, а «Харакат аль-Нуджаба» и «Катаиб Сайид аль-Шухада» совершали нападения на американские военные объекты в Сирии севернее реки Евфрат: Коноко, Омар, аль-Шадади, Румейлан, Тель-Байдар и Аль-Маликийя [27].

Ответом на эти атаки стал ракетный обстрел американцами одного из командных пунктов «Аль-Хашд аш-Шааби» около Багдада, в результате чего погиб командир 12-й бригады ОНМ Муштак Талеб ас-Саиди. Наиболее резонансным стал удар ОНМ по американской военной базе *Tower 22* в Иордании, в результате которого погибли трое американских военнослужащих и были ранены 30 [28].

С февраля 2024 г. интенсивность подобных ударов пошла на убыль. Отчасти это объясняется намерением Ирана не подвергать своих союзников серьезному риску. Однако такие нападения могут возобновиться через какое-то время. Иранцы используют в борьбе с американским военным присутствием в регионе тактику войны на истощение, понимая, что в среднесрочной перспективе подобные риски делают присутствие американских баз неприемлемым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог рассмотрению деятельности «Аль-Хашд аш-Шааби», можно сделать ряд выводов.

Во-первых, несмотря на мощную иранскую поддержку и альянс с Тегераном, группировки, объединившиеся в рамках ОНМ, нельзя назвать в полном смысле иранскими прокси-группами. ОНМ укоренены в политической реальности и политической культуре Ирака. Их появление было вызвано внутренними социальными и религиозными факторами. Росту влияния ОНМ способствовала также политическая анархия в Ираке. Она явилась результатом американской оккупации, приведшей к полному разрушению государства и его институтов.

Во-вторых, существование «Аль-Хашд аш-Шааби» поддерживается неблагополучной социальной ситуацией. Их популярность во многом объясняется тем, что в условиях массовой бедности в Ираке для многих молодых людей служба в этих формированиях является единственным способом улучшить свое материальное положение и повысить свой статус в социальной стратификации.

В-третьих, ОНМ удалось стать влиятельным политическим игроком в Ираке. В этом смысле они реализовали не модель КСИР, но модель «Хезболлы». Как и ливанское шиитское движение «Хезболла», «Аль-Хашд аш-Шааби» совмещает вооруженное и политическое крылья. Это позволило им восстановить свое пошатнувшееся в 2019–2021 гг. положение и изолировать своего главного противника – Муктаду ас-Садра.

В-четвертых, в региональном аспекте ОНМ являются «осью сопротивления», альянса проиранских шиитских группировок. Эти группы успешно выполняют геополитическую повестку Ирана, способствуя росту военного и политического влияния ИРИ в этой части региона (Ирак и Левант).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Vali Nasr R. 2006. The Shi'a revival. New York: Norton and Company.
2. Dodge T. 2003. Inventing Iraq: the failure of nation-building and a history denied. New York: Columbia University Press.
3. Nakash Y. 1998. The Shi'is of Iraq. London: Tauris.
4. Апдайк Р.Дж. Саддам Хусейн. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
Apdike R.Jh. 1999. Saddam Hussein. Rostov-on-Don.
5. Hiro D. 2000. Neighbors, not friends. Iran and Iraq after the Gulf wars. New York: Routledge.
6. Rozen N. Aftermath. 2010. Following the bloodshed of America's wars in Muslim world. New York: Nation books.
7. Юрченко В.П. Военно-политическая обстановка в Ираке (январь 2005 г.). 07.02.2005. Сайт Института Ближнего Востока. <http://www.iimes.ru/?p=3469>

- Yurchenko V.P. Military-political situation in Iraq, January 2005. 07.02.2005. (In Russ.). <http://www.iimes.ru/?p=3469> (accessed 08.01.2024)
8. Escobar P. The Shi'ites' Faustian pact. *Asia Times*. 11.02.2005. http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/GB11Ak02.html (accessed 12.12.2023)
 9. Cole J. 2005. Ayatollahs and democracy in Iraq. Leiden: Amsterdam University Press.
 10. Rozen N. The great divide. *The National*. 09.03.2015. <http://www.thenational.ae/news/world/middle-east/the-great-divide#ixzz2Qeb8HpcR> (accessed 27.12.2023)
 11. Cockburn P. 2014. The Jihadis return: ISIS and the new Sunni uprising. London: OR books.
 12. Printemps irakien: "Nous voulons que notre révolution soit soutenue et reconnue internationalement" dit le cheikh Hatem al-Suleiman. *Iraq-France Actualite*. 06.07.2014. <http://www.france-irak-actualite.com/2014/07/printemps-irakien-nous-voulons-que-notre-revolution-soit-soutenue-et-reconnue-internationalement-dit-le-cheikh-hatem-al-suleiman.htm> (accessed 07.10.2023)
 13. Nasser M. Why did Iraqi army collapse in Mosul? *Al-Akhbar*. 17.06.2014. <http://english.al-akhbar.com/node/20164> (accessed 21.12.2023)
 14. Knights M. Iraq popular demobilization. Washington Institute for Near East Policy, 26.02.2016. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/iraqs-popular-demobilisation> (accessed 20.02.2024)
 15. Filkins D. The shadow commander. *The New Yorker*. 30.09.2013. http://www.newyorker.com/reporting/2013/09/30/130930fa_fact_filkins?currentPage=all (accessed 08.02.2024)
 16. Nasrallah explains why Qassem Soleimani is unique and how he defeated ISIS in Iraq. *Resistance News Uniltered*. <https://resistancenews.org/2021/01/03/nasrallah-about-qassem-soleimani-and-his-victory-against-isis-in-iraq/> (accessed 23.03.2024)
 17. Alami M. What future for Iraq's PMU? *Dirasat* (edition of King Faisal Center for Research and Islamic Studies). № 37, June 2018.
 18. Inside story: The secret Arab visitors in Iran and the "liberation" of Jerusalem. *Amwaj media*. 07.11.2023.
 19. Alaaldin R. The Popular Mobilization Force is turning Iraq into an Iranian client state. Brookings Institute. 02.02.2024. <https://www.brookings.edu/articles/the-popular-mobilization-force-is-turning-iraq-into-an-iranian-client-state/> (accessed 20.02.2024)
 20. Cockburn P. 2008. Muqtada al Sadr and the Fall of Iraq. London: Farber and Farber.
 21. Mamouri A. Iraq elections results shock political class. *Al-Monitor*. 15.05.2018. <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2018/05/iraq-election-sadr-fateh.html#ixzz5FZwKD8UD> (accessed 11.01.2024)
 22. al-Salhy S., MacDonald A. Iraq elections 2021: Shia parties reject results as armed group threatens violence. *Middle East Eye*. 12.10.2021. Iraqi Shia parties reject election results as militia threatens violence. middleeasteye.net.
 23. Knights M., Malik H. Iraq's new regime change: how Tehran-backed terrorist organizations and militias captured Iraqi state. *CTC Sentinel*, December 2023. <file:///C:/Users/user/Downloads/Knights20231221-CTCSentinel.pdf> (accessed 14.02.2024)
 24. Jones S. War by proxy: Iran's growing footprint in the Middle East. CSIS. 11.03.2019. <https://www.csis.org/analysis/war-proxy-irans-growing-footprint-middle-east> (accessed 20.02.2024)
 25. Babaki Z. Muqtada al Sadr, rakhbari ke Kazimi be ou niyaz dorad. *Iranian Diplomacy*. 05.05.2021. (In Farsi). <http://irdiplomacy.ir/fa/news/2002799/> (accessed 22.03.2024); Babaki Z. Muqtada al Sadr, a leader in whom Kazimi needs. <http://irdiplomacy.ir/fa/news/2002799/> (accessed 11.02.2024)
 26. Mamouri A. Deep Dive: How Iran's Arab allies prepared for war with Israel. *Amwaj media*. 08.12.2023.
 27. Knights M. Who are Nujaba and why the US just strike them? The Washington Institute for Near East Policy. 04.01.2024. <https://washingtoninstitute.org/policy-analysis/who-are-nujaba-and-why-did-us-just-strike-them> (accessed 12.02.2024)
 28. Tabler A. Deadly attack on US troops in Jordan marks major escalation. The Washington Institute for Near East Policy, 29.01.2024. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/deadly-attack-us-troops-jordan-marks-major-escalation> (accessed 12.02.2024)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кузнецов Александр Андреевич, кандидат политических наук, преподаватель факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Alexander A. Kuznetsov, PhD (Political Science), Lecturer, Faculty of the World Economy and World Politics, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 08.03.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.04.2024

Принята к публикации
(Accepted) 17.05.2024

Влияние гендерного неравенства на энергетический сектор Индии

© Колгушкина И.А.^а, 2024

^а ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID: 0009-0001-6186-9311; ira.kolgushkina@yandex.ru

Резюме. В статье рассматриваются особенности взаимосвязи экономического развития и гендерного неравенства. Были изучены международно-правовые документы и рейтинги, которые оценивают существующий гендерный разрыв и его последствия. Автор анализирует текущее состояние энергетического сектора Индии и то, как в нём проявляется гендерный дисбаланс.

Исследуются социально-культурные особенности Индии, которые влияют на представление о положении женщин в обществе. Описываются основные программы, инициируемые как международными организациями, так и частными лицами, которые способствуют интеграции женщин в энергетическую отрасль. Оценен потенциал участия женщин в развитии направления возобновляемых источников энергии в Индии.

Ключевые слова: энергетическая отрасль, гендерное неравенство, Индия, экономика, возобновляемые источники энергии

Для цитирования: Колгушкина И.А. Влияние гендерного неравенства на энергетический сектор Индии. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 6. С. 42–49. DOI: 10.31857/S032150750031036-1

The Impact of Gender Inequality on the Energy Sector in India

© Irina A. Kolgushkina^a

^a IMEMO Russian Academy of Science, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0001-6186-9311; ira.kolgushkina@yandex.ru

Abstract: The article explores the features of the correlation between economic development and gender inequality. International documents and global ratings were studied, the assessment of the existing gender gap and its consequences was made.

The author analyzes the current state of India's energy sector and the addressing of inequality in it. The socio-cultural features of India which influence the status of women in society are studied. The conclusion describes the main programs initiated by international organizations and private actors that contribute to the integration of women in the energy industry. The potential for women's participation in the development of renewable energy in India was assessed. Engaging women in this industry would increase economic efficiency from which not only society, but also the economy as a whole would benefit.

Keywords: energy industry, gender inequality, India, economy, renewable energy sources

For citation: Kolgushkina I.A. The Impact of Gender Inequality on the Energy Sector in India. *Asia and Africa today*. 2024. № 6. Pp. 42–49. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750031036-1

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире энергетика – быстро развивающаяся отрасль, которая включает в себя производство, преобразование и распределение энергии. В ней существует ряд проблем, для решения которых требуется внедрение различных подходов – в частности, привлечение женской рабочей силы. Ряд исследователей полагает, что чем разнообразнее группа, тем быстрее и легче она будет выявлять и решать проблемы, возникающие в процессе работы.

По данным Всемирного экономического форума, энергетика, наряду со сферой информационных технологий и горнодобывающей промышленностью, является одной из тех отраслей, где женщины представлены в наименьшей степени. В советах директоров 200 крупнейших энергокомпаний на долю

женщин приходится всего 16%¹; в целом на пути к высшим должностям женщины сталкиваются с рядом проблем, ключевой из которых является доступ к профильному образованию.

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ЕГО ОЦЕНКИ

Человеческие ресурсы – это один из основных элементов, который влияет на эффективность и производительность труда, а значит, и на экономику страны. По словам бывшего генерального секретаря Организации экономического сотрудничества и развития Анхеля Гурриа, женщины – самый недоиспользуемый экономический ресурс в мировой экономике. Они составляют почти половину населения мира (49,7%), при этом их вклад в мировой ВВП – 37% [1]. Гендерная дискриминация существует в различных секторах экономики, зачастую она связана с укоренившимися в обществе стереотипами и культурными традициями. Соответственно, мировая экономика не может функционировать в полную силу, если существуют препятствия, мешающие части населения реализовать свои возможности.

Одним из основных международно-правовых документов, который поднимает вопрос гендерного неравенства, является принятая ООН в 1979 г. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (*Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination Against Women – CEDAW*), вступившая в силу в 1981 г.² В Конвенции описаны основные принципы и шаги по обеспечению равного для всех права пользования экономическими, политическими и социально-культурными благами.

Различные исследования свидетельствуют о взаимосвязи экономического роста и гендерного дисбаланса, которые влияют на развитие не только отдельных отраслей, но и страны в целом, при этом до сих пор ведутся дискуссии о необходимости вмешательства государства для устранения гендерного разрыва. Большинство теоретических трактовок опирается на идею того, что экономический рост увеличивает отдачу от инвестиций в человеческий капитал. Например, альтернативные издержки для женщин, не имеющих доступа к образованию, возрастают с развитием экономики, что делает дискриминацию более дорогостоящей.

В 1970 г. экономист Эстер Бозеруп отметила, что гендерное неравенство может сократиться при интенсификации экономики. При этом экономический рост будет способствовать гендерному паритету только после того, как политики начнут активно искоренять гендерные предрассудки путем устранения перекосов на рынке труда, повышения уровня образования женщин и изменения правовой базы по вопросам собственности [2].

В работе, посвященной гендерному неравенству, уровню доходов и развитию, Дэвид Доллар и Роберта Гатти указали, что увеличение дохода на душу населения ведет к снижению гендерного неравенства. Помимо этого, инвестиции в образование девочек способствуют повышению эффективности экономики [3]. Эндрю Моррисон, Дхушьянт Раджу и Нистха Синха в исследовании «Гендерное равенство, бедность и экономический рост» выявили положительное влияние гендерного паритета на сокращение уровня бедности. Когда женщины имеют более широкий доступ к рынку труда, у них есть больше возможностей для трудоустройства, что, в свою очередь, приводит к увеличению текущих доходов, повышению уровня потребления и, следовательно, краткосрочному экономическому росту и снижению уровня бедности. В то же время повышение уровня занятости женщин может стимулировать будущий экономический рост и сократить бедность за счет увеличения сбережений [4].

Таким образом, в вышеперечисленных исследованиях есть общая идея: инвестиции в образование женщин, которые позволят им в будущем участвовать в трудовой деятельности, имеют положительный эффект не только для роста благосостояния домохозяйств, но и для экономического развития в целом.

В настоящее время проблемы гендерного неравенства в политической, экономической, социально-культурной сферах включены в повестку таких международных организаций как Всемирный банк, ООН, Всемирная организация здравоохранения, Международная организация труда и др.

В 2015 г. Генеральная ассамблея ООН разработала Цели в области устойчивого развития (ЦУР), одной из которых является достижение гендерного равенства (Цель 5). Она подразумевает равные права,

¹ Women in Energy: Who is Karen Breytenbach and Why Should You Care? ALLY Energy Inc. <https://www.allyenergy.com/blog/women-in-energy-who-is-karen-breytenbach> (accessed 10.07.2023)

² The Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. United Nations. <https://un.org/women-watch/daw/cedaw/> (accessed 10.07.2023)

обязанности и возможности вне зависимости от того, кем родился человек³. За последние несколько лет удалось достичь положительных изменений в данном направлении: ряд стран провели законодательные реформы, связанные с обеспечением гендерного равенства; постепенно увеличивается присутствие женщин на руководящих должностях; образование и медицинские услуги стали более доступными для девочек и женщин.

Несмотря на некоторую положительную динамику, проблемы сохраняются – в 39 странах у мужчин и женщин разные права на наследство; только 13% женщин в мире имеют право на землю; лишь 52% женщин, состоящих в браке, в возрасте от 15 до 49 лет имеют право самостоятельно принимать решения в отношении своего здоровья⁴. Согласно докладу «Женщины, бизнес и закон», подготовленному в 2022 г. экспертами Всемирного банка, в среднем женщина обладает лишь 3/4 юридических прав, которые есть у мужчины. Стоит отметить, что в странах Ближнего Востока и Северной Африки этот показатель еще ниже и составляет около 47%⁵.

Макроэкономический аспект в вопросе гендерного неравенства связан как с уровнем человеческого развития, так и с динамикой экономического роста. Британский *McKinsey Global Institute* в исследовании 2015 г., основанном на данных экономик 96 стран, пришел к выводу, что ликвидация гендерного дисбаланса на рынке труда приведет к увеличению мирового ВВП на 26% к 2025 г., а частичное сокращение неравенства – на 11% [5]. Вовлеченность женщин в трудовую деятельность значительно ниже, чем у мужчин (в среднем количество рабочих часов женщины составляет 80–92% по сравнению с мужчиной), однако женщины тратят в три раза больше времени на неоплачиваемую работу по дому, по уходу за детьми и пожилыми людьми.

По оценкам *McKinsey Global Institute*, 75% неоплачиваемой работы в мире выполняют женщины, недополучая таким образом \$10 трлн в год, что эквивалентно 13% мирового ВВП [1]. Одной из причин неравной оплаты труда является материнство, т.к. после рождения ребенка женщины чаще всего переходят на неполную занятость. Такое явление в экономической литературе называют «наказание за материнство».

По данным *McKinsey*, зарплата женщины на 30% меньше, чем у мужчины, к моменту достижения двадцатилетия их первого ребенка. Женщины более экономически зависимы – большее (на 190 млн человек) количество мужчин имеет банковский счет. Женщины реже заняты в производственных сферах, они в основном трудятся в сельском хозяйстве, сфере образования и услуг и в здравоохранении.

McKinsey выделил 6 основных направлений, связанных с преодолением гендерного неравенства: исправление законодательной базы, проведение недискриминационной финансовой политики, создание и улучшение инфраструктуры и внедрение технологий, создание экономических возможностей, информационно-образовательная деятельность и вовлечение женщин в трудовую деятельность [1].

Таким образом, экономический рост и достижение гендерного паритета тесно связаны между собой: гендерное равенство приносит экономические выгоды стране, и наоборот, экономическое процветание способствует достижению равенства. Тем не менее в большинстве стран мира, несмотря на принятые меры, неравенство сохраняется. Например, в одной из крупнейших развивающихся стран мира – Индии – гендерное неравенство проявляется во многих отраслях, и энергетическая не является исключением.

ХАРАКТЕРИСТИКА И АНАЛИЗ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ В ИНДИИ

Энергетический сектор Индии стремительно развивается. С начала XXI в. страна добилась значительных успехов в электрификации – вдвое уменьшилась доля населения, у которого отсутствует доступ к электроэнергии; вдвое увеличилось количество электросетей в сельской местности. Сейчас в Индии менее чем у 1% населения отсутствует доступ к электричеству⁶.

³ Sustainable Development Goals. United Nations. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/> (accessed 10.07.2023)

⁴ Goal 5: Achieve gender equality and empower all women and girls. United Nations. <https://un.org/sustainabledevelopment/gender-equality/> (accessed 13.07.2023)

⁵ Women, Business and the Law 2022. The World Bank Group. <https://data.unhcr.org/en/documents/details/91246> (accessed 13.07.2023)

⁶ India – Access to Electricity (% of Population). Trading Economics. <https://tradingeconomics.com/india/access-to-electricity-per-cent-of-population-wb-data.html> (accessed 13.07.2023)

Ключевой проблемой энергетического сектора остаются перебои в подаче электроэнергии, особенно остро это ощущается в сельской местности. В городах система электроснабжения развита лучше, но сеть электропередачи и распределения сформирована очень неравномерно, особенно в районах трущоб. Для решения этой проблемы в 2005 г. правительство страны начало программу по обеспечению электроэнергией деревень с населением более 100 жителей и по предоставлению бесплатной электроэнергии тем, кто проживает за чертой бедности. Деревня считается снабженной электроэнергией, если в общественных зданиях проведено электричество и хотя бы 10% домохозяйств имеют доступ к электроэнергии [6].

Индия занимает 3-е место после КНР и США по общему расходу энергии (включая потребление угля, природного газа, нефти, электричества и биомассы). С начала XXI в. этот показатель вырос в 2 раза, однако потребление электроэнергии на душу населения остается на низком уровне – 1005 кВт·ч на человека в 2021 г., что составляет треть от среднемирового уровня (для сравнения – в КНР этот показатель равен 5467 кВт·ч на человека)⁷.

Энергетические ресурсы доступны как для промышленного, так и для бытового пользования. В Индии для первой цели традиционно используют уголь, продукты нефтегазовой промышленности, электроэнергию, полученную от работы АЭС, ГЭС, тогда как для оснащения домов и мелких хозяйств до сих пор широко применяется биотопливо (древесина, солома, навоз) и постепенно приобретает популярность использование электроэнергии солнечной генерации. Около 80% энергетического спроса страны удовлетворяется за счет горючих видов топлива. Уголь остается лидирующим топливным ресурсом в стране, который покрывает 44% общего потребления энергии⁸.

Постепенно растет объем энергии, производимый на основе возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Этот тренд обусловлен как увеличением доли «зеленых» источников энергии, так и попытками страны перейти к низкоуглеродной экономике.

Например, с 2008 г. в Индии действует схема обязательной покупки возобновляемой энергии для каждого штата [7]. Индия занимает 4-е место в мире по мощности ветряной электроэнергетики, 3-е – по «Индексу привлекательности стран для развития отрасли возобновляемой энергетики» по оценкам 2021 г. и 5-е место – по мощности солнечной электроэнергетики. 75% солнечных батарей и панелей расположены в Раджастане, Гуджарате, Мадхья-Прадеше и Махараштре. Прогнозируется, что переход к устойчивым источникам энергии будет продолжаться, и, согласно некоторым исследованиям, женщины могут сыграть важную роль в развитии «зеленого» направления.

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ СЕКТОРЕ ИНДИИ И ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА В ОТРАСЛИ

Энергетический сектор остается одним из наиболее гендерно несбалансированных секторов в Индии – 5-й экономике мира (3-е место после КНР и США по показателю ВВП по ППС), в которой проживает 18% мирового населения. Этот перекося можно частично объяснить социальными барьерами, низкой географической мобильностью и тем, что ряд наиболее востребованных специальностей в энергетической отрасли подразумевают тяжелый физический труд с негативными последствиями для здоровья.

Изначально в мировой практике, в соответствии с законодательством Международной организации труда (МОТ), существовал перечень работ, которыми было запрещено или нежелательно заниматься женщинам. Энергетическая отрасль была внесена в этот список. Это было сделано для минимизации рисков для жизни и здоровья женщин. Сегодня, согласно МОТ, женщина имеет право выбирать любую профессию и занимать любую должность. Тем не менее, по данным 2019 г., в некоторых странах сохраняются ограничения, которые не позволяют женщинам занимать определенные должности в энергетической сфере [8].

В отличие от нефтегазовой и угольной промышленности, сфера «зеленой» энергетики считается более гендерно сбалансированной, что вполне логично, поскольку она меньше сопряжена с тяжелым

⁷ Independent Statistics and Analysis. U.S. Energy Information Administration. <https://www.eia.gov/> (accessed 13.07.2023)

⁸ India: executive summary. Independent Statistics and Analysis. U.S. Energy Information Administration. 17.11.2022. <https://eia.gov/international/analysis/country/IND> (accessed 13.07.2023)

физическим трудом. Возобновляемая энергетика более требовательна к инженерным навыкам, поэтому при одинаковом уровне образования и компетенций шансы занять одинаковую должность у мужчины и женщины уравниваются.

Разный уровень грамотности и образования у мужчин и женщин также провоцирует гендерный дисбаланс. Несмотря на то, что доля грамотных женщин в Индии за последние десятилетия возросла с 47% в 2000 г. до 70,3% в 2023 г., этот показатель всё равно остается ниже, чем у мужчин за аналогичный период: 73,4% и 84,7% соответственно⁹.

В Индии в некоторых семьях до сих пор сохраняется убеждение, что девочке не нужно получать образование, поскольку её основное предназначение – выйти замуж и заниматься хозяйством. Обучение в школе считается пустой тратой времени и денег, так как в будущем девушка покидает родительский дом и переходит в семью мужа. Неграмотные женщины оказываются в более уязвимом положении с точки зрения дальнейших перспектив, так как они, с одной стороны, в большей степени зависят от мужчин в материальном плане, а с другой – не имеют возможности самостоятельно строить карьеру в будущем.

В индийской промышленности доля женщин, занятых в топливно-энергетическом секторе, в 2021 г. составила 7–8% (причем это работники среднего звена и обслуживающий персонал), в то время как в развитых странах доля женщин в отрасли достигает 26–40%¹⁰.

Женщины участвуют в развитии индийской энергетики двумя путями: как потребители электроэнергии и как рабочая сила. С 2000 г. в Индии наблюдается постепенное сокращение использования биомассы в качестве топлива. Однако до сих пор биоресурсы используются в сельской местности и трущобах для обогрева домов и приготовления пищи, причем их добычей, как правило, занимаются женщины. Так, например, в Индии женщины тратят в среднем до двух часов в день на сбор древесины для домашних нужд¹¹. Недостатком этого вида топлива является то, что его использование в силу конструкции традиционных очагов плохо сказывается на здоровье.

В настоящее время Индия, наряду со многими странами, рассматривает внедрение и использование ВИЭ как перспективное направление. Потенциально ВИЭ могут облегчить домашнее бремя женщин и сократить время, затрачиваемое на сбор традиционных видов топлива. Следовательно, женщины могут использовать свободное время для увеличения своих собственных экономических возможностей. В отдаленных сельских районах развивающихся стран Южной Азии, особенно в Индии, где подключение к единой энергетической системе зачастую экономически нецелесообразно, технологии использования ВИЭ могут обеспечить доступ к энергетическим ресурсам для беднейших общин. Доступ к ним помогает сократить бедность, расширить образование и улучшить общественное здравоохранение, обеспечить лучший доступ к чистой воде, санитарии и освещению. Это означает прямые выгоды для всех слоев общества.

Для женщин ВИЭ способствуют расширению экономических прав и открывают предпринимательские возможности, такие как выращивание сельскохозяйственных культур или открытие собственного дела, которые в противном случае были бы недостижимы. Проблема, однако, заключается в том, что с женщинами редко консультируются при разработке программ и политики в области возобновляемых источников энергии. Привлекая женщин к принятию решений, управляющие органы могут лучше понять рынок и повысить экономическую эффективность.

Экономический рост страны и развитие энергетической отрасли зависят, помимо прочего, от того, насколько женщины вовлечены в трудовую деятельность. Существуют многочисленные эмпирические данные, которые свидетельствуют, что в развивающихся странах независимый от мужчин денежный доход женщин и возможность самостоятельно им распоряжаться оказывают большое позитивное влияние как на положение их семей и общин, так и на экономику страны [9]. Отчасти этот эффект связан с тем, что женщины в большей степени, чем мужчины, склонны тратить свои деньги на питание, лечение и образование детей.

⁹ Literacy Rate in India 2023. Kerala & Bihar Literacy Rate 2023. The Global Statistics. https://www.theglobalstatistics.com/literacy-rate-in-india/?expand_article=1 (accessed 10.07.2023)

¹⁰ Women in Energy 2.0. Boston Consulting Group. <https://web-assets.bcg.com/8d/81/76c1d4ee47648792758c725355ac/women-in-energy-study-2023.pdf> (accessed 10.07.2023)

¹¹ Women Spend 374 Hours Each Year Collecting Firewood in India, Study Finds. CCA News. 05.05.2015. <https://clean-cooking.org/news/05-05-2015-women-spend-374-hours-each-year-collecting-firewood-in-india-study-finds/> (accessed 10.07.2023).

В Индии особо остро стоит проблема неравной оплаты труда на одинаковых должностях и при равном уровне квалификации. Дискриминация проявляется по расовому, возрастному, национальному, религиозному и гендерному признакам. В большинстве стран дискриминация в оплате труда закреплена на законодательном уровне. Однако в Индии до сих пор отсутствуют законы, которые всеобъемлюще защищают работников от любых проявлений дискриминации. Согласно опросу, проведенному индийским кадровым агентством *TeamLease* в 2014 г., около половины населения страны столкнулось с ущемлением прав на рабочих местах. Четверть респондентов дискриминируется по гендерному принципу, 22% – по возрасту, 18% – по кастам и религиозным убеждениям. Самый высокий уровень неравенства в размере заработной платы отмечается в Дели, Ченнаи и Пуне, самый низкий – в Ахмадабаде¹².

В 2019 г. Индийский институт менеджмента (Ахмадабад) провел исследование разрыва в заработной плате в различных сферах.

Выяснилось, что неравенство присутствует во всех отраслях. Самый заметный разрыв – в сфере ИТ и промышленности (26% и 24% соответственно), самый низкий – в банковском и финансовом секторах (2%). Уровень неравенства в здравоохранении и социальной сфере довольно высок и составляет 21%, хотя доля женщин в этом секторе относительно велика. Также в исследовании было отмечено, что гендерная дискриминация по размеру оплаты труда усиливается для людей со стажем более 10 лет – до 15%. Средняя заработная плата мужчин в энергетической отрасли в Индии в 2023 г. составляет 30 700 рупий (\$373) в месяц, женщин – 27 500 рупий (\$334) на аналогичной должности.

Таким образом, женщины зарабатывают на 12% меньше¹³. При этом на более высокооплачиваемых и руководящих должностях заняты мужчины. Причем отсутствие паритета среди тех, кто занимает руководящие должности, можно объяснить разницей во времени обучения, нехваткой стартовых возможностей у девушек и системной гендерной предвзятостью.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПРИВЛЕЧЕНИЕ ЖЕНЩИН В ОТРАСЛЬ

Государство, стремясь развивать энергетический сектор Индии, в том числе делает акцент на разработку и внедрение программ, направленных на вовлечение женщин в энергетический сектор.

В контексте экономического сотрудничества Индии и США в 2019 г. была запущена инициатива «Женщины Южной Азии в энергетике (*SAWIE*)» в рамках программы «Экологизация сети» по интеграции возобновляемой и устойчивой энергетики (*RISE*)¹⁴. *SAWIE* стремится предоставить женщинам платформу для формирования стратегического подхода к достижению целей гендерного равенства и созданию прочных основ в энергетическом секторе. Эта платформа объединяет женщин-лидеров энергетического сектора для совместной работы в сферах разработки мероприятий в области информационной и энергетической деятельности; организует программы и платформы для обучения наставничеству и лидерству в этой области; поощряет профессиональное развитие, которое может способствовать преодолению гендерных разрывов. *SAWIE* стремится к укреплению региональной сети институциональных партнеров в сфере энергетических и коммунальных услуг государственного и частного секторов в регионе Южной Азии.

Еще одна инициатива реализуется как часть программы ООН по окружающей среде (*UNEP*) – в рамках проекта *EmPower* совместно со структурой «ООН-женщины»¹⁵. Её цель – побудить женщин использовать возобновляемые источники энергии, дабы создать и гарантировать более устойчивые к изменению климата средства к существованию и повысить способность общин адаптироваться к изменению климата. Для достижения этой цели *UNEP* оказывает поддержку женщинам-предпринимателям в Индии, Бангладеш, Непале и Камбодже, получает от правительств этих стран экономическую помощь, доступ к технологиям и площадкам для политического диалога.

¹² Types of discrimination in workplace and their legal protection in India. IPleaders. 21.10.2014. <https://blog.ipleaders.in/types-of-discrimination-in-workplace-and-their-legal-protection-in-india/> (accessed 15.07.2023)

¹³ Gender pay gap still high, women in India earn 19% less than men: Report. DNA Web Team. 07.03.2019. <https://dnaindia.com/business/report-gender-pay-gap-still-high-women-in-india-earn-19-less-than-men-report-2727234> (accessed 15.07.2023)

¹⁴ SAWIE (South Asia Women In Energy). <https://sawie.org> (accessed 17.07.2023)

¹⁵ Empower Women. <https://www.empowerwomen.org/en> (accessed 17.07.2023)

С 2008 г. на территории Индии действует программа *Lightening a Billion Lives*, которую осуществляет научно-исследовательский институт энергетики и ресурсов [10]. В рамках этой инициативы проводится электрификация деревень путем установки солнечных батарей для домашнего освещения. Наконец, множество низовых инициатив выдвигают сами индийские женщины. Так, например, женская группа создала подразделение по изготовлению солнечных панелей в деревне Маха (штат Панджаб), а Индийский технологический институт Мумбаи оказал техническую поддержку проекту.

В 1972 г. в индийском штате Раджастан общественный деятель Санджит Рой основал «Босоногий колледж» (*Barefoot University*), в котором сельские жители, в основном женщины, получают основные навыки по изготовлению осветительного оборудования, солнечных батарей, фотоэлектрических схем и т.д.¹⁶ После обучения они возвращаются в свои деревни и начинают работу по электрификации своих общин. По данным на 2016 г., женщины – выпускницы этого колледжа (некоторые из них приехали на обучение из наименее развитых стран) обеспечили электричеством и светом более 1200 деревень во всем мире. Сам колледж полностью работает на солнечных батареях, изготовленных его выпускниками.

Любая женщина старше 35 лет из района, не имеющего доступ к электричеству, заручившись поддержкой своей общины, может записаться на инженерные курсы по производству солнечных панелей. По словам генерального директора *Barefoot University*, образовательные программы делают акцент на женщинах, поскольку они более эмоционально связаны со своим занятием, проходят обучение до конца, от чего выигрывает вся община.

Курсы развивают в женщинах лидерские качества, позволяющие впоследствии бросить вызов существующим в обществе стереотипам. Отмечается и увеличение личных доходов женщин-инженеров: после электрификации своих деревень многие женщины избавляются от ежедневной обязанности сбора биоресурсов и могут потратить освободившееся время на другую деятельность.

Обучение в колледже позволяет преодолевать кастовый барьер и повышает социальный статус женщины. Есть пример, когда женщина из касты неприкасаемых, выучившись на инженера, начала ремонтировать и устанавливать светильники и солнечные батареи для жителей деревни, и теперь люди всех каст обращаются к ней за помощью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях динамичного развития энергетической отрасли Индии есть несколько аспектов, на которые стоит обратить внимание, если говорить о перспективах женщин в этой сфере.

Во-первых, происходит активная урбанизация, которая, в частности, приводит к росту центров развития, притягивающих грамотных и квалифицированных специалистов. Соответственно, появляются возможности, в том числе у женщин, получать образование и выходить на рынок труда.

Во-вторых, сокращается рождаемость: сейчас в индийской семье обычно 2 ребенка. Эта тенденция свидетельствует как об изменении отношения к семье как к институту в целом, так и о том, что у женщин появляется потенциально больше шансов на профессиональную реализацию (по крайней мере, в городах).

В-третьих, хотя Индия в обозримом будущем не откажется от использования традиционных видов топлива, в стране наблюдаются попытки внедрения и использования ВИЭ, в т.ч. на уровне домохозяйств. Это, в свою очередь, положительно сказывается на увеличении доли женщин, занятых в отрасли.

Сегодня можно говорить скорее о неравномерной интеграции женщин в энергетическую отрасль Индии, причем есть единичные примеры успешной реализации социальных лифтов для женщин, занятых в этой сфере. В будущем возможен вариант использования правительством Индии уже давно функционирующей системы резервирования и создания специальных гендерных квот как в энергетических компаниях, так и в вузах, в которых есть инженерно-технические специальности. В выигрыше будут обе стороны: с одной стороны, политические элиты привлекут к себе новый электорат, с другой стороны, это повысит вовлеченность женщин в энергетику. Однако у этой меры есть и негативные последствия: квотирование нередко приводит к оттоку из отрасли талантливых и способных специалистов.

¹⁶ Barefoot college: India's innovative education solution for the underprivileged. The Mindful World. 22.04.2013. <https://the-mindfulword.org/2013/barefoot-college-india/> (accessed 17.07.2023)

Отметим, что гендерное неравенство в Индии прослеживается во всех отраслях. Где-то оно выражено в большей, где-то в меньшей степени, поскольку в стране сохраняются социально-культурные предрассудки. Обширная проблематика вопроса гендерного дисбаланса не подразумевает универсального решения. Изменения происходят не только благодаря государству, которое внедряет и поощряет программы, направленные на экономическую интеграцию женщин, но и привносятся обществом в целом.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Gupta V., Solveigh H., Krishnan M., Madgavkar A. Accelerating gender parity: What can governments do? *McKinsey&Company*. 28.01.2019. <https://www.mckinsey.com/industries/public-sector/our-insights/accelerating-gender-parity-what-can-governments-do#/> (accessed 10.07.2023)
2. Boserup E., Su Fei Tan, Toulmin C. *Woman's Role in Economic Development*. London: Routledge, 2007. 306 p. DOI: 10.4324/9781315065892
3. Dollar D., Gatti R. Gender Inequality, Income, and Growth: Are Good Times Good for Women? *The World Bank*. 1999. https://researchgate.net/publication/238237787_Gender_Inequality_Income_and_Growth_Are_Good_Times_Good_for_Women (accessed 11.07.2023)
4. Sinha N., Raju D., Morrison A. Gender equality, poverty and economic growth. *World Bank Policy Research Working Paper*. 01.09.2007. № 4349, 57 p. <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/3e9cc57a-693e-5422-bc3f-8532cfec8b9b> (accessed 10.07.2023)
5. Woetzel J. et al. How advancing women's equality can add \$12 trillion to global growth. *McKinsey Global Institute*. 01.09.2015. <https://www.mckinsey.com/featured-insights/employment-and-growth/how-advancing-womens-equality-can-add-12-trillion-to-global-growth> (accessed 17.07.2023)
6. Samad H., Zhang F. Benefits of Electrification and the Role of Reliability. *World Bank Policy Research Working Paper*. 2016, № 7889, 38 p. <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/5012e6b7-3b93-5143-a0db-1a167524e96d/content> (accessed 17.07.2023)
7. Koundal A. India's renewable power capacity is the fourth largest in the world, says PM Modi. *The Economic Times Business Verticals*. 26.11.2020. <https://energy.economictimes.indiatimes.com/news/renewable/india-sought-after-for-green-energy-pacts-says-renewables-secretary-indu-shekhar-chaturvedi/79421948> (accessed 10.07.2023)
8. Жданев О., Серегина А. Гендерный фактор в ТЭК. *Энергетическая политика*. 24.08.2022. <https://energypolicy.ru/gendernyj-faktor-v-tek/energetika/2022/12/24/?ysclid=lj2twya43g177047073> (accessed 10.07.2023)
Zhdanecv O., Seregina A. Gender factor in the fuel and energy complex. *Energy Policy*. 24.08.2022. (In Russ.). <https://energypolicy.ru/gendernyj-faktor-v-tek/energetika/2022/12/24/?ysclid=lj2twya43g177047073> (accessed 10.07.2023)
9. Abdi A. Women are the key to economic development in third-world countries. *King's College London Journal*. 28.08.2019. <https://www.kcl.ac.uk/news/women-are-the-key-to-economic-development-in-third-world-countries> (accessed 10.07.2023)
10. Gill B. Lighting a Billion Lives: A Local Approach to a Global Problem. *Sustainability The Journal of Record*. 2015, № 8(5), pp. 245–253. DOI: 10.1089/SUS.2015.29019

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Колгушкина Ирина Алексеевна, младший научный сотрудник, Центр Индоокеанского региона, ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия.

Irina A. Kolgushkina, Junior Researcher, Center of the Indo-Pacific Region, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 14.02.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 21.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 10.05.2024

Алюминиевая промышленность Африки: структура, проблемы, потенциал

© Калиниченко Л.Н.^{a,b}, Новикова З.С.^{a,c}, 2024

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0003-0531-9873; kalinichenkolyudmila@mail.ru

^c ORCID: 0000-0001-7680-410X; dubrava-16@yandex.ru

Резюме. Концентрация запасов руды для производства алюминия в ограниченном числе стран повышает мировую значимость Африки как обладателя крупнейших ресурсов этого стратегического сырья.

На территории континента, в первую очередь в Гвинее, сосредоточена четверть доказанных запасов бокситов мира, основными потребителями которых для производства металла являются развитые страны, что приводит к территориальному разрыву отдельных стадий получения алюминия. В то же время алюминиевые заводы стран Африки работают на импортном сырье, что повышает себестоимость их продукции.

Для африканских государств приобретает возрастающее значение создание полного цикла производства на базе внутренних запасов сырья и источников энергии, что позволит получать продукцию с высокой добавленной стоимостью. Алюминиевая промышленность вносит вклад в экономику стран континента, обеспечивая валютные поступления от экспорта, а также инвестиции мировых горнометаллургических концернов в создание транспортно-портовой инфраструктуры и помощь в социальной сфере; в частности, российский концерн ОК РУСАЛ оказывает всестороннюю поддержку Гвинее в области здравоохранения и образования.

Ключевые слова: Гвинея, ОК РУСАЛ, Китай, бокситы, глинозем, алюминий, горнометаллургические компании

Для цитирования: Калиниченко Л.Н., Новикова З.С. Алюминиевая промышленность Африки: структура, проблемы, потенциал. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 6. С. 50–59. DOI: 10.31857/S032150750031019-2

African Aluminium Industry: Structure, Problems, Potential

© Lyudmila N. Kalinichenko^{a,b}, Zinaida S. Novikova^{a,c}, 2024

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID ID: 0000-0003-0531-9873; kalinichenkolyudmila@mail.ru

^c ORCID: 0000-0001-7680-410X; dubrava-16@yandex.ru

Abstract. The concentration of ore reserves for aluminum production in a limited number of countries increases the global importance of Africa as the owner of this strategic raw material resources.

A quarter of the world's proven bauxite reserves concentrated on the continent, primarily in Guinea, are consumed mainly by developed countries for metal manufacturing, which leads to a territorial gap in the stages of aluminum production. At the same time, aluminum smelters in African countries use imported raw materials, which increases production cost.

For African states, it is becoming most essential to create a full production cycle based on internal bauxite reserves and energy sources, which will make it possible to obtain products with high value added. The aluminum industry contributes to Africa's economies, providing foreign exchange earnings from exports, as well as the world mining companies' investment in transport and port infrastructure and assistance in the social sphere, in particular, the Russian company OK RUSAL provides comprehensive support to Guinea in health and education fields.

Keywords: Guinea, UC RUSAL, China, bauxite, alumina, aluminium, mining and smelting companies

For citation: Kalinichenko L.N., Novikova Z.S. African Aluminium Industry: Structure, Problems, Potential. *Asia and Africa today*. 2024. № 6. Pp. 50–59. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750031019-2

ВВЕДЕНИЕ

Алюминиевая промышленность представляет собой вертикально интегрированное производство, сырьевой базой для которого в настоящее время служит преимущественно бокситовая руда как наиболее высококачественное сырье. Получаемый из бокситов глинозем используется для выплавки алюминия. Поскольку производство этого металла энергозатратно (150–200 кВт·ч на 1 т готовой продукции) в состав комплексов, как правило, входят электрогенерирующие мощности. Общие прогнозные ресурсы бокситов в мире оцениваются более чем в 55 млрд т. Африканский континент лидирует по этому показателю, в его недрах сконцентрировано более 18 млрд т (свыше 30%). По странам крупнейшие в настоящее время доказанные запасы бокситов, по данным на 2022 г., разведаны (млрд т – % от мировых): в Гвинее – 7,4 (24), Вьетнаме – 5,8 (19), Австралии – 5,1 (17), Бразилии – 2,7 (9), на Ямайке – 2,0 (6) [1].

СЫРЬЕВАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ОТРАСЛИ

Основная часть месторождений континента расположена в т.н. Западно-Африканской бокситоносной провинции. Она охватывает территории Гвинеи, Гвинеи-Бисау, Сьерра-Леоне, Либерии, Кот-д’Ивуара, Мали, Буркина Фасо, Ганы, Того, Бенина, Нигерии.

В пределах Центральной Африки месторождения с наиболее крупными запасами обнаружены в Камеруне, ресурсы выявлены в ДР Конго, Чаде. В Восточной Африке разведаны месторождения в Малави, Мозамбике, Танзании и на Мадагаскаре, в Северной Африке – в Атласских горах [2]. Освоение большинства африканских ресурсов бокситов остается пока нерентабельным для промышленного использования из-за отсутствия необходимой инфраструктуры, особенно в удаленных от портов районах (см. *табл. 1*).

Таблица 1. Запасы бокситов в странах Африки, т (2022 г.)
Table 1. Reserves of bauxites in African countries (tons) (2022)

Страна	Общие прогнозные ресурсы	Доказанные запасы	Годовой экспорт бокситовой руды, оценка	Статус рудника
Африка, всего	18 940 500 000	...	...	
Гвинея	15 300 000 000	7 400 000 000	82 000 000	Действующий
Гана	960 000 000	554 000 000	1 400 000	Действующий
Сьерра-Леоне	104 000 000	...	1 730 000	Действующий с 2010 г.
Камерун	892 000 000	458 000 000	–	Ввод в конце 2023 г.
Кот-д’Ивуар	34 500 000	...	700 000	Действующий с 2018 г.
Мозамбик	2 000 000	...	6500	Действующий
Танзания	...	37 000 000	...	Действующий
Гвинея-Бисау	17 000 000	...	–	–
Нигерия	1 000 000	...	–	Остановлен в 1999 г.
Мали	1 630 000 000	...	–	–

Источник: [3, р. 2].

Промышленное освоение ресурсов бокситов Африки уходит во времена французской колонизации Гвинеи, когда в конце 1930-х гг. приступили к разработке месторождений на островах архипелага Иль-де-Лос, расположенных вблизи столицы страны Конакри. В начале 1970-х гг. к освоению запасов присоединились советские специалисты [4, с. 464]. В настоящее время на Африканском континенте добывается около 24% мирового объема добычи бокситов, но почти 97% извлекаемого сырья приходится на Гвинею (см. *табл. 2*). В 2021 г. в Гвинее было добыто 87 млн т, и по этому показателю страна уступила лишь Австралии (103 млн т) и Китаю (90 млн т). По оценкам, в 2022 г. объемы добычи в этих странах

практически не изменились. Глинозем¹ из бокситовой руды производится в Гвинее в незначительных объемах – 0,44 млн т в 2022 г., только на заводе комплекса Фригия [1].

Таблица 2. Динамика добычи бокситовой руды в странах Африки, т
Table 2. Dynamics of bauxite ore production in African countries (tons)

Страна	2017 г.	2020 г.	2021 г.	Доля в Африке, %, 2021 г.	Доля в мире, %, 2021 г.
Мир, всего	311 864 443	378 992 038	379 850 872	–	100,0
Африка, всего	54 369 440	90 549 216	90 382 590	100,0	23,8
Гвинея	51 701 564	87 766 199	87 438 557	96,7	23,0
Сьерра-Леоне	1 187 716	1 342 139	1 396 678	1,5	0,4
Гана	1 476 966	1 162 086	839 465	0,9	0,2
Кот-д’Ивуар	–	272 295	700 000	0,8	0,2
Мозамбик	3182	6491	7852	0,01	0,0
Танзания	12	6	38	0,0	0,0

Составлено по: [5, p. 119].

Крупнейшие экспортеры бокситовой руды континента – Гвинея, Гана, Сьерра-Леоне (см. табл. 1). Особенно быстро наращивала вывоз бокситов Гвинея. За период 2016–2022 гг. её экспорт бокситовой руды возрос более чем в 3 раза, увеличившись до 82 млн т по сравнению с 24,5 млн т в 2016 г. В 2022 г. на экспорт было отправлено 94% добытого сырья. Основным направлением экспорта является Китай, на него приходится более половины всех поставок².

Доходы, получаемые от горнодобывающего сектора Гвинеи, обеспечивают значительную часть валютных поступлений и вносят существенный вклад в рост (4,7% в 2022 г.) ВВП, который в результате достиг в 2022 г. \$21,2 млрд по сравнению с \$8,8 млрд в 2015 г. Вклад отрасли составил 28,8% в 2022 г., а её среднегодовые темпы роста – 6,9% в 2010–2020 гг. Однако, эти положительные тенденции пока мало сказываются на жизни населения. Так, доход на душу населения по паритету покупательной способности составил в 2022 г. всего лишь \$2840, что в 1,5 раза ниже, чем в среднем по странам Африки южнее Сахары (\$4292)³. По индексу человеческого развития (0,465) Гвинея входит в десятку стран с самым низким уровнем этого показателя⁴.

Бокситы Гвинеи относятся к высококачественным благодаря большому содержанию в руде оксида алюминия (до 65%). Разработка их высокорентабельна благодаря поверхностному залеганию пластов на водораздельных пространствах, соединенных дорогами с экспортными портами. Всего на территории Гвинеи выявлено около сотни месторождений. Наиболее крупные из них – Диан-Диан, Киндия, Сангареди – сосредоточены в западной части страны [6]. Правительство Гвинеи нацелено на дальнейшее улучшение энергетического обеспечения отрасли. Только гидроэнергетический потенциал страны составляет 6 тыс. МВт, из которых используется примерно 10% [7].

Важную роль в добыче гвинейских бокситов играет консорциум *Compagnie des Bauxites de Guinee (CBG)*, совместная собственность государства с долей 49% и корпорации *Halco Mining Inc*⁵, получивший в 1996 г. в концессию сроком на 75 лет участок в районе Боке с уникальным по качеству руды месторождением Сангареди, годовая производственная мощность рудника может достигать 50 млн т. Бокситы предназначены для экспорта в США, европейские страны⁶.

¹ Глинозем (оксид алюминия), использующийся для производства алюминия, получают из бокситовой руды. В пересчете на оксид алюминия его содержание в руде может составлять от 30 до 80% (прим. авт.).

² <https://www.mining-technology.com/data-insights/bauxite-in-the-republic-of-guinea/?cf-view> (accessed 16.01.2024)

³ World Development Indicators 2023. <https://wdi.worldbank.org/table/WV.1?tableNo=WV.1> (accessed 18.01.2024)

⁴ Human Development Index (HDI) by Country 2024. <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/hdi-by-country> (accessed 15.01.2024)

⁵ *Halco Mining Inc.* – совместная собственность английской *Rio Tinto plc* (23%), американской *Alcon Inc.* (23%), немецкой *Dadco Group* (5%) (прим. авт.).

⁶ Perez A.A. The Mineral Industry of Guinea. USGS. 2019 Minerals Yearbook. <https://pubs.usgs.gov/myb3-2019-guinea.pdf> (accessed 15.01.2024)

В районе Боке имеют концессии еще несколько компаний. Основанная в 2014 г. *SMB – WAP (Societe Miniere de Boke – Winning Africa Port)*, которая представляет интересы правительства Гвинеи (10% акций), а также инвесторов из Китая (*Shandong Weiqiao*), Сингапура (*Winning Shipping*) и Франции (*UMS*), выполнила несколько инфраструктурных проектов по строительству речного порта Боке и железнодорожной линии, которая связывает месторождения (Санту II и Худа) с портом, а также приступила к реализации сельскохозяйственных проектов вдоль этой дороги. В 2022 г. консорциум добыл 34 млн т бокситов⁷. *Guinea Alumina Company (GAC)*, дочерняя компания концерна ОАЭ *Emirates Global Aluminium*, управляет концессией в районе Боке и поставляет добываемое сырье по железнодорожной ветке в порт Камсар на экспорт, в частности для глиноземного завода в Абу-Даби⁸.

Большое внимание развитию отрасли уделяет правительство Ганы. Корпорация *Ghana Integrated Aluminium Development Corporation (GIADEC)* по комплексному развитию алюминиевой промышленности Ганы в партнерстве с коммерческой ганской компанией *Rocksure International* привлекает инвестиции для разработки бокситовых рудников в Кьеби и Ньинахине, в рамках программы развития Комплексной алюминиевой промышленности (*IAI*) и планирует выполнить оценку для подтверждения и уточнения запасов бокситов⁹.

Кот-д'Ивуар приступил к изучению недавно открытых крупных месторождений лишь в 2018 г. Национальная компания *Lagune Exploitation Bougouanou (LEB)* обеспечивает инвестиции в разработку бокситового рудника, расположенного в регионе Морону на востоке страны¹⁰. Конкурентами Гвинеи на рынке бокситов могут также стать в будущем Сьерра-Леоне и Камерун, в освоении ресурсов которых участвуют, в частности, российские и китайские компании.

УЧАСТИЕ РОССИИ И КИТАЯ В ОСВОЕНИИ БОКСИТОВ АФРИКИ

Российские интересы в алюминиевой промышленности Африки представляет компания ОК РУСАЛ, имеющая горнорудные активы в Гвинее с 2001 г. Компания ведет разработку месторождения бокситов Дебеле в районе Киндия и владеет боксито-глиноземным комплексом Фригия¹¹ в районе Фриа, а также реализует проект по разработке крупнейшего в мире месторождения бокситов Диан-Диан в районе Боке (см. табл. 3). Месторождение имеет стратегическое значение, поскольку может обеспечить сырьем часть потребностей имеющих в России мощностей по производству глинозема. Помимо введенного в эксплуатацию в 2018 г. рудника, была построена вся сопутствующая инфраструктура по перевозке и складированию руды, включая автомобильную, рудовозную, железную дороги и порт Таресса, получивший статус международного.

Таблица 3. Основные характеристики предприятий ОК РУСАЛ в Гвинее
Table 3. Main characteristics of UC RUSAL enterprises in Guinea

Предприятие	Доказанные запасы, млн т	Производственная мощность рудника, млн т в год	Коэффициент использования, %	Производство, тыс. т	
				2021 г.	2022 г.
Компания бокситов Киндии	31,6	3,5	24	2652	831
Боксито-глиноземный комплекс Фригия	26,2	2,1 (руда); 0,6 (глинозем)	60	1544	1253
Компания бокситов Диан-Диан	445,9	3,0	94	3293	2825

Источник: [8, с. 28, 59].

⁷ <https://www.smb-guinee.com/en/home/> (accessed 17.01.2024)

⁸ <https://www.ega.ae/en/about-us/operations/guinea-alumina-corporation> (accessed 20.01.2024)

⁹ <https://www.ghanamma.com/2023/11/16/giadec-rocksure-international-present-results-on-nyinahin-bauxite-resources-to-akufo-addo/> (accessed 20.01.2024)

¹⁰ <https://miningconstruction-sadc.com/cote-divoire-bauxite-mining-resumes-at-the-ivory-coast-following-the-halt-due-to-election-related-violence/> (accessed 22.01.2024)

¹¹ С 2002 г. под управлением, с 2006 г. – в собственности компании (прим. авт.).

Единственный в Африке глиноземный завод комплекса Фригия был законсервирован в 2012–2018 гг. в связи с судебными разбирательствами РУСАЛа с правительством Гвинеи в международном арбитражном суде по поводу условий приватизации, и только в 2018 г. завод был вновь запущен, и концессионные соглашения РУСАЛа с гвинейским правительством от 2001 г. были продлены на 25 лет¹². Инфраструктура этого комплекса позволяет осуществлять экспорт глинозема по железной дороге Кимбо – Конакри протяженностью 145 км и через морской рудовозный порт в Конакри. С 2018 г. компания начала осуществлять долгосрочный инвестиционный проект по увеличению объемов производства до 600 тыс. т глинозема в год и проводить экологическую модернизацию. РУСАЛ на своих предприятиях внедряет инновационную технологию тонкослойной выемки руды, что снижает отрицательное воздействие на окружающую среду [8].

На основе сырья с месторождений в Гвинее РУСАЛ планирует обеспечить работу строящегося глиноземного завода в Ленинградской области, учитывая прекращение поставок со своих предприятий в Австралии, Ирландии, на Украине в результате санкционной политики Запада, что является угрозой экономической безопасности России. Переориентация в закупках глинозема на азиатские страны привела к удорожанию стоимости сырья.

В Гвинее российская компания реализует целый ряд социальных программ, нацеленных на развитие инфраструктуры, создание медицинских и образовательных учреждений. В области Киндиа в период лихорадки Эбола в 2015 г. ОК РУСАЛ построила Научный клинико-диагностический центр эпидемиологии и микробиологии (НКДЦЭМ), где впервые были внедрены эффективные методы лечения этой болезни, включая вакцинацию, и где был образован Российско-гвинейский научно-исследовательский лабораторный комплекс. НКДЦЭМ активно проводит обучение гвинейских врачей и ведет исследования. В разгар COVID-19 в июне 2020 г. на базе госпиталя комплекса Фригия РУСАЛ построил многофункциональный медицинский центр для лечения инфекционных болезней¹³. Важность данного направления сотрудничества в области здравоохранения подчеркивалась на втором Саммите, Экономическом и гуманитарном форуме Россия – Африка в 2023 г. [9, с. 12]. В результате реализации серии стипендиальных программ РУСАЛа сотни гвинейских специалистов получили образование в российских вузах. Компания продолжает осуществление социальной политики на основе принципов ответственного ведения бизнеса¹⁴.

Помимо Гвинеи российские инвесторы работают в Сьерра-Леоне. В 2008–2010 гг. часть добычи бокситов в стране перешла к *Sierra Mineral Holdings 1 Ltd (SMHL)*, являющейся дочерней компанией международной промышленной и инвестиционной группы *VIMETCO N.V.*, возглавляемой российским предпринимателем В.Л.Машицким. Компания заключила концессионное соглашение на разработку бокситов в стране до 2032 г., однако периодически испытывает проблемы с добычей, обусловленные волатильностью цен на сырье на мировом рынке¹⁵. Большая часть продукции отправляется на экспорт для заводов холдинга в Румынии и Китае¹⁶.

Китай, нуждающийся в сырье для своей промышленности, проявляет заинтересованность в развитии добычи бокситов в Африке, усиливая конкуренцию с российскими компаниями, в первую очередь в Гвинее. Китайские инвесторы работают на месторождениях в районе Боке, являясь акционерами компаний *SMB* и *GAC*, о чем упоминалось выше. Крупнейшая алюминиевая корпорация Китая *Aluminum Corporation of China Ltd* в составе *GAC* совместно с ОАЭ будет принимать участие в строительстве глиноземного завода в Гвинее¹⁷. *Chalco* также владеет крупным бокситовым рудником Боффа. После запуска этого проекта в 2018 г. и создания транспортной инфраструктуры отгрузки руды в 2022 г. достигли 30 млн т, что значительно увеличило ресурсный потенциал компаний¹⁸.

¹² <https://enplusgroup.com/ru/company/map/friguia-bauxite-and-alumina-complex-fba/> (accessed 30.01.2024)

¹³ <https://africa-rus.com/novosti-rossiya-afrika/novatorskie-podxody-rossijskogo-biznesa-v-afrike-klyuchevye-proekty-i-sovety-novym-igrokom> (accessed 30.01.2024)

¹⁴ <https://rusal.ru/press-center/press-releases/rusal-obuchit-50-studentov-iz-gvinei-v-rossijskikh-meditsinskikh-vuzakh/> (accessed 03.02.2024)

¹⁵ <https://alcircle.com/news/vimetco-subsidiary-smhl-suspends-bauxite-mining-operations-in-sierra-leone-89743> (accessed 17.01.2024)

¹⁶ https://vimetcobauxite.com/SMHL_Brochure_Final_15-Nov-2019.pdf (accessed 03.02.2024)

¹⁷ <https://mcheese.ru/news/aluminium/TnpVd05n-kitajskaya-korporaciya-chalco-planiruet-stroitelstvo-gliozemnogo-zavoda-v-respublike-gvineya> (accessed 01.02.2024)

¹⁸ <https://www.baska.com/Good-news-Boffa-Bauxite-Mine-Project-in-Guinea-Won-the-National-Quality-Engineering-Award-id47212627.html> (accessed 01.02.2024)

Интересы Китая направлены также на разработку бокситов Ганы и Камеруна. По соглашению между правительствами Ганы и Китая, заключенному в ноябре 2019 г., Китай предоставил Гане кредит по бартерному соглашению в обмен на поставку бокситов. Правительство Ганы также заключило генеральное соглашение с китайской государственной гидроэнергетической компанией *Sino Hydro* для реализации инфраструктурных проектов по соединению районов добычи бокситов с морскими портами¹⁹. В Камеруне Металлургическая корпорация Китая (*MCC*) заключила партнерское соглашение с австралийской компанией *Canyon Resources* на проекте «Миним Мартап», первый этап которого включает добычу и отправку руды через порт Дуала²⁰.

Правительства африканских стран нацелены на внедрение стандартов ответственной добычи, учитывая тот факт, что разработки бокситов оказывают негативное влияние на экосистемы и приводят к снижению качества питьевой воды в прилегающих реках, загрязняя их потоками красной глины. Население отравляется красной пылью, что приводит к увеличению респираторных заболеваний. Например, в Гане *GLADEC* разрабатывает План действий по сохранению экосистем в лесном массиве Атева, где находятся запасы бокситов Кьеби, на основе исследований биоразнообразия, которые были проведены факультетом природных ресурсов Университета науки и технологий Кваме Нкрумы. *GLADEC* предстоит обеспечить реализацию плана²¹.

ПОТЕНЦИАЛ АЛЮМИНИЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Два крупных африканских завода по выплавке алюминия находятся в ЮАР и Мозамбике, они работают на импортном сырье²², поставляемом с других континентов. Меньшие по мощности предприятия построены в Египте, Камеруне, Нигерии, Гане. В связи с большим расходом электроэнергии в процессе производства алюминия в последние годы произошло значительное сокращение выпуска алюминия в странах Европы. Стоимость электроэнергии для производства 1 т алюминия в среднем по Европе в 2022 г. составила около \$4500 (\$2700 в 2021 г.), при этом сам металл торговался на Лондонской бирже металлов в диапазоне \$2200–2400 за тонну, что делает его выпуск в Европе нерентабельным²³.

Страны Африки обладают значительным энергопотенциалом, в первую очередь гидроэнергетических ресурсов, и это открывает возможности для наращивания производства алюминия, учитывая рост спроса на этот легкий, устойчивый к коррозии металл, применяющийся в высокотехнологичных отраслях, включая авиа- и автомобилестроение, электронику, аэрокосмическое производство.

Общий объем производства *первичного*²⁴ алюминия странами Африки достигал в 2021 г. 1,62 млн т, что составляет лишь 2,4% от мирового производства (см. табл. 4).

Таблица 4. Динамика производства первичного алюминия (тыс. т)
Table 4. Dynamics of primary aluminum production (thousand tons)

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Доля в мире, 2021 г., %
Мир, всего	60545	64443	63214	65381	67669	100,00
Африка, всего	1700	1661	1669	1642	1624	2,39
ЮАР	716	714	717	717	714	1,05
Мозамбик	577	571	565	571	565	0,83
Египет	298	267	290	268	270	0,40
Гана	41	43	44	38	39	0,06
Камерун	68	66	53	48	36	0,05

Составлено по: [5].

¹⁹ <https://miningweekly.com/article/ghana-promotes-local-content-following-bauxite-discovery-2021-04-02> (accessed 05.02.2024)

²⁰ <https://mining-technology.com/news/canyon-mcc-cameroon-bauxite/?cf-view> (accessed 04.02.2024)

²¹ <https://miningweekly.com/article/ghana-promotes-local-content-following-bauxite-discovery-2021-04-02> (accessed 05.02.2024)

²² На производство 1 т первичного алюминия расходуется 2 т глинозема, полученного из 4 т бокситов (прим. авт.).

²³ См.: <https://gazprombank.investments/blog/economics/aluminum/> (accessed 05.02.2024)

²⁴ Первичный алюминий производят из глинозема в виде слитков, чушек, катанки, ленты. Вторичный получают из промышленных отходов и лома (прим. авт.).

Лидером на мировом рынке этого металла является Китай, выплавка первичного алюминия в котором в 2021 и 2022 гг. достигала примерно 57% от мирового объема [1].

Предприятия по выпуску алюминия в странах континента испытывают трудности, связанные с проблемами в энергоснабжении и поставках сырья, привлечением инвестиций, модернизацией, квалификацией рабочих. В результате ряд из них периодически используются не на полную производственную мощность. В число главных производителей алюминия в Африке входят:

- *Hillside Aluminium* – ЮАР,
- *Mozambique Aluminium, Mozal* – Мозамбик,
- *Egypt Aluminium, Egyptalum* – Египет,
- *Volta Aluminium Company Limited, Valco* – Гана,
- *Aluminium du Cameroun, Alucam* – Камерун.

Среди факторов, повлиявших на создание предприятий в ЮАР (1995 г.) и Мозамбике (1999 г.), было наличие транспортной инфраструктуры и доступной электроэнергии. Заводы были построены вблизи крупных портовых комплексов (Ричардс-Бей в ЮАР и Мапуту-Матола в Мозамбике), оснащенных для приема и транспортировки (авто- и железнодорожная сеть) больших объемов импортного глинозема, а также отгрузки на экспорт алюминия и изделий из него. Сырье для выплавки металла поступает беспосредственно с месторождений Западной Австралии и частично Бразилии, разработку которых ведет крупнейший горно-металлургический концерн *BHP Billiton* (с участием австралийского и британского капитала), финансировавший создание этих заводов²⁵.

Подачу электроэнергии обеспечивает южноафриканская компания *Eskom* через свою сеть, питающуюся от электростанций, работающих на угольном топливе. Электросети двух стран объединены, и часть электроэнергии, вырабатываемой ГЭС Мозамбика, поступает в эту энергосистему. В 2000-е гг. ранее бесперебойное электроснабжение сменилось энергетическим кризисом, приведшим к банкротству *Eskom* (см. [10]), что вызвало проблемы в работе завода по выплавке алюминия и необходимость периодически задействовать собственные генераторы.

Алюминиевое предприятие *Mozal*, расположенное в юго-западной части Мозамбика, снабжает электроэнергией компания *Mozambique Transmission Company (MTC)*, созданная в 1998 г. в форме совместного предприятия между *Eskom, Electricidade de Mozambique u Swaziland Electricity Board*. В начале 2024 г. *MTC* планировала увеличить поставки электроэнергии для *Eskom* с целью смягчения энергокризиса²⁶.

Выплавляемый заводами ЮАР и Мозамбика металл и изделия из него поступают на рынки Западной Европы, США, Юго-Восточной Азии, Японии, Китая (см. табл. 5). Наряду с экспортом металла осуществляется импорт определенных сплавов и готовой продукции из алюминия в ЮАР, преимущественно из Катара (около 50%), России и Бразилии, в Мозамбик – из Китая (66%), ОАЭ, Индии²⁷.

ЮАР, как крупнейший продуцент алюминия в Африке (свыше 40% общего производства), около 80% выпускаемого металла отправляет на экспорт.

Изначально концерн *BHP Billiton* владел контрольными пакетами акций двух алюминиевых предприятий ЮАР – *Hillside Aluminum* и *Bayside Aluminum* на востоке страны в Ричардс-Бей (провинция Квазулу-Натал), примерно в 180 км к северу от Дурбана. В 2014 г. работа завода *Bayside* была остановлена. В результате передачи части активов *BHP Billiton* компании *South32* последняя стала контролировать работу *Hillside Aluminum* и начала осуществлять перевод ТЭС, снабжающей завод энергией, с угля на природный газ в качестве топлива с целью экологизации процесса производства. В 2022 г. на предприятии насчитывалось 3,4 тыс. рабочих. Завод выпускает алюминий в слитках, сплавы, профили²⁸.

Часть производимого металла поступает на внутренний рынок для выпуска готовой продукции, высокий спрос на которую отмечается в автомобильном секторе, при изготовлении различной упаковки, оборудования для электросетевого хозяйства, оконных и дверных рам, мебели. Являясь нетто-экспортером алюминия в металлоломе, страна ставит цель организации местной переработки алюминиевого

²⁵ <https://metalbulletin.ru/publications/2811> (accessed 06.02.2024)

²⁶ <https://tvait.com/2023/06/13/south-africa-mozambique-to-supply-south-africa-during-energy-crisis/> (accessed 08.02.2024)

²⁷ <https://www.alcircle.com/news/the-top-5-primary-aluminium-producers-of-africa-62457> (accessed 05.02.2024)

²⁸ <https://polity.org.za/article/pathways-being-laid-to-secure-lower-carbon-electricity-supply-for-hillside-aluminium-2023-08-24> (accessed 15.12.2023)

лома, что будет вкладом в создание экономики замкнутого цикла. Отрасль развивается согласно «дорожной карте» алюминиевой промышленности и контролируется Алюминиевой федерацией Южной Африки (*Aluminium Federation of South Africa, AFSA*), которая предоставляет техническую информацию, консультации, программы повышения квалификации²⁹.

Таблица 5. Экспорт продукции алюминиевой промышленности* (2022 г.)
Table 5. Export of aluminum industry products* (2022)

Страна	Стоимость, \$ млрд	Доля в экспорте страны, %	Страны-импортеры и их доля, %
ЮАР	1,34 (2,17)	1,1 (1,8)	Нидерланды – 25, США – 19, Швейцария – 12, Великобритания – 8, Сингапур – 8, Япония – 8, Таиланд – 7, Китай – 2, Гонконг – 2, Бразилия – 2, прочие – 7
Мозамбик	1,63 (1,82)	19,8 (22,0)	Великобритания – 53, Сингапур – 19, Швейцария – 7, Италия – 6, Нидерланды – 6, Испания – 3, Люксембург – 2, Словения – 2, прочие – 2
Египет (2021)	0,305	7,8	Италия – 69, Испания – 15, Китай – 7, Словения – 5, Германия – 4
Нигерия	0,256 (0,281)	0,4 (0,44)	Япония – 55, Китай – 17, Индия – 6, Великобритания – 4, Индонезия – 4, Саудовская Аравия – 3, прочие – 11
Камерун (2018)	0,121 (0,132)	3,2 (3,5)	Италия – 79, Нидерланды – 20, прочие – 1
Танзания	(0,011)	(0,2)	Китай – 90, Оман – 5, ОАЭ – 1, прочие – 4

* Алюминий первичный и сплавы из него, в скобках – алюминий и алюминиевый прокат.

Составлено по: International Trade Statistics Database – TrendEconomy.ru. [https://trendeconomy.ru/data/h2?commodity=7601,TOTAL&reporter=SouthAfrica&trade_flow=Export,Import&partner=World&indicator=TV,YoY&time_period=2022; Mozambique; =Nigeria; =Cameroon; =Tanzania; Raw Aluminium in Egypt. The Observatory of Economic Complexity. 2023. https://oec.world/en/profile/bilateral-product/raw-aluminium/reporter/egy \(accessed 10.11.2023\)](https://trendeconomy.ru/data/h2?commodity=7601,TOTAL&reporter=SouthAfrica&trade_flow=Export,Import&partner=World&indicator=TV,YoY&time_period=2022; Mozambique; =Nigeria; =Cameroon; =Tanzania; Raw Aluminium in Egypt. The Observatory of Economic Complexity. 2023. https://oec.world/en/profile/bilateral-product/raw-aluminium/reporter/egy (accessed 10.11.2023))

Комплекс *Mozal*, вносящий значительный вклад в экономику Мозамбика, был введен в эксплуатацию в 2000 г. в результате инвестиций компании в *BHP Billiton*. Он расположен в 20 км к западу от столицы Мозамбика Мапуту. С 2022 г. *South32* владеет 63,7% акций предприятия, *Industrial Development Corporation of South Africa Ltd* – 24%, *Mitsubishi Corporation* – 8,4%, а правительству Мозамбика принадлежит 3,9%. После расширения проектная мощность завода была увеличена до 580 тыс. т в год, а его вклад в экспортные поступления страны достигает 20% (см. табл. 5). Часть металла поставляется местной перерабатывающей компанией *Midal Cables* для производства готовой продукции, реализуемой на внутреннем и экспортном рынках. Фонд развития сообщества *Mozal* способствует развитию школ, клиник, малых предприятий, фермерских ассоциаций, помогает борьбе с малярией³⁰.

Египет служит центром экспорта алюминиевой продукции на различные рынки, что повышает конкурентоспособность египетских производителей и облегчает их интеграцию в глобальные цепочки поставок. Предприятие государственной компании *Egypt Aluminium (Egyptalum)*, которое было введено в строй в 1972 г., находится в Наг-Хаммади и является главным производителем алюминия в Северной Африке, его годовая проектная мощность составляет 320 тыс. т. Предприятие снабжается электроэнергией от Асуанского гидрокомплекса и находится в 210 км от порта Сафага, что обеспечивает необходимую логистику для импорта глинозема из Австралии и экспорта металла и продукции из него.

Правительство Египта планирует модернизацию *Egyptalum* с целью увеличения экспорта металла, который поступает на европейский рынок и в Китай (см. табл. 5)³¹. Кроме того, руководство страны ввело инвестиционные стимулы, в первую очередь налоговые льготы и освобождение от таможенных пошлин, поощряя привлечение как внутренних, так и иностранных инвесторов для внедрения передо-

²⁹ <https://engineeringnews.co.za/article/sa-largest-aluminium-producing-country-in-africa-2022-09-30> (accessed 15.12.2023)

³⁰ <https://furtherafrica.com/2023/09/20/mozambiques-mozal-to-increase-aluminium-production-by-40000-tonnes/> (accessed 17.12.2023)

³¹ <https://alcircle.com/news/egyptalum-plans-to-invest-34-5-million-in-new-projects-next-fiscal-year-91185> (accessed 21.01.2024)

вых технологий, диверсификации продукции, развития инфраструктуры и в перспективе создания кластера алюминиевой промышленности, включая меры социальной поддержки местного населения.

По производству алюминия Гана и Камерун значительно уступают первым трем странам (см. табл. 4), требуются усилия для его дальнейшего совершенствования. Задача, поставленная первым президентом Ганы Кваме Нкрумой, направленная на создание алюминиевой промышленности полного цикла – от добычи бокситов до производства металла и готовой продукции, не была выполнена. В стране не действует бокситовый рудник в Авасо и плавильный завод компании *Valco* в Теме, но до сих пор нет глиноземного завода, поэтому все добываемые бокситы экспортируются, а глинозем, необходимый для производства алюминия, ввозится. Металлургический завод производит менее 50 тыс. т первичного алюминия в год при установленной мощности в 200 тыс. т³².

Нынешнее правительство рассматривает алюминиевую промышленность как одну из стратегических отраслей процесса индустриализации. В связи с этим в 2018 г. была создана корпорация *GIADec* для продвижения конкурентоспособной промышленности, что включает всю цепочку создания стоимости в производстве алюминия. *GIADec* владеет всеми акциями *Valco* и 20% акций *Ghana Bauxite Company Ltd (GBC)*. Концепция развития *IAI* предусматривает увеличение добычи бокситов, строительство двух глиноземных предприятий, расширение алюминиевого завода до 300 тыс. т в комплексе с совершенствованием всей необходимой инфраструктуры, включая ГЭС Акосомбо³³.

Нигерия имеет мощности для выплавки алюминия, простаивающие с 2013 г. Представитель Министерства нефти и природных ресурсов Нигерии Г.Адуда заявил в ходе второго Саммита, Экономического и гуманитарного форума Россия – Африка в 2023 г. о переговорах с российской компанией РУСАЛ о возобновлении работы предприятия *Alscon (Aluminum Smelter Company of Nigeria)*, 85% акций которой принадлежат РУСАЛу, а 15% – правительству Нигерии. Комплекс *Alscon* (проектная мощность – 193 тыс. т первичного алюминия в год), расположенный в Икот-Абаси, помимо самого завода и ТЭС, включает порт на реке Имо, через который можно ввозить глинозем из Гвинеи, где РУСАЛ владеет глиноземным заводом³⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реальная возможность для Африки стать крупным мировым центром по производству алюминия подкреплена значительными запасами высококачественного сырья. Вклад отрасли в развитие национальной экономики будет возрастать по мере расширения производства глинозема, металлического алюминия и изделий из него. Волатильность мировых цен на алюминий, стоимость сырья и цен на энергоносители влияют на прибыльность отрасли. Крайне важное значение приобретает развитие энергетической базы, транспортной инфраструктуры, логистики и профессиональной подготовки местных кадров. Производители стремятся снизить воздействие на окружающую среду, применяя эффективные технологии, и увеличить выпуск вторичного алюминия, что служит вкладом в экономику замкнутого цикла.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. USGS. Mineral Commodity Summaries. 2023. <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2023/mcs2023.pdf> (accessed 10.12.2023)
2. Калинина Л.П. Алюминиевое сырье Африки. <https://www.inafran.ru/node/58> (accessed 10.12.2023)
Kalinina L.P. Africa's Aluminum Raw Materials. (In Russ.). <https://www.inafran.ru/node/58> (accessed 10.12.2023)
3. Zainudeen N.M. et al. 2023. A comparative review of the mineralogical and chemical composition of African major bauxite deposits. *Helion* 9. e19070. https://www.researchgate.net/publication/373094262_A_comparative_review_of_the_mineralogical_and_chemical_composition_of_African_major_bauxite_deposits (accessed 19.01.2024)

³² <https://giadec.com/> (accessed 02.02.2024)

³³ См.: <https://citinewsroom.com/2022/08/giadec-makes-significant-progress-towards-developing-integrated-aluminium-industry/> (accessed 03.02.2024)

³⁴ См.: <https://neftegaz.ru/news/Oborudovanie/788492-alyuminievyy-zavod-v-nigerii-mozhet-vozobnovit-rabotu-pri-podderzhke-rusala/> (accessed 05.02.2024)

4. Абрамов В.Ю., Туре Л. Обзор и состояние горной отрасли алюминия в мире и в Республике Гвинея. *Вестник РУДН. Серия: Инженерные исследования*. 2017, Т. 18. № 4. С. 454–471. DOI: 10.22363/2312-8143-2017-18-4-454-471
Abramov V.Yu., Toure L. 2017. Overview and state of the aluminum mining industry in the world and in the Republic of Guinea. *RUDN Journal of Engineering researches*. V. 18. № 4. Pp. 454–471. (In Russ.). DOI: 10.22363/2312-8143-2017-18-4-454-471
5. World Mining Data 2023. <https://www.world-mining-data.info/wmd/downloads/PDF/WMD2023.pdf> (accessed 28.12.2023)
6. Новикова З.С. Субсахарская Африка – кладовая бокситовых ресурсов. *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 1. С. 19–24.
Novikova Z.S. 2013. Sub-Saharan Africa – Bauxite Resources Storehouse. *Asia and Africa today*. № 1. Pp. 19–24. (In Russ.)
7. Калининченко Л.Н. Проблемы снабжения населения водой и энергией: поиски решения. *Гвинея вчера и сегодня*. М.: ИАФР РАН, 2019. С. 99–109.
Kalinichenko L.N. 2019. The Issues of Public Water and Energy Supply: Search for Solution. *Guinea Yesterday and Today*. Moscow. Pp. 99–109. (In Russ.)
8. Годовой отчет РУСАЛ 2022. С. 28, 59. <https://rusal.ru/upload/iblock/6ed/6azccjf71b3lruvjgn5fs5ue1repgeen.pdf>
RUSAL Annual Report 2022. Pp. 28, 59. (In Russ.). <https://rusal.ru/upload/iblock/6ed/6azccjf71b3lruvjgn5fs5ue1repgeen.pdf>
9. Андреева Т.А. et al. Второй саммит, Экономический и гуманитарный форум Россия – Африка: новая глобальная архитектура. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 9. С. 5–18. DOI: 10.31857/S032150750027590-1
Andreeva T.A. et al. 2023. The Second Russia – Africa Summit and Economic and Humanitarian Forum: New Global Architecture. *Asia and Africa today*. № 9. Pp. 5–18. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750027590-1
10. Скубко Ю.С. 2023 «ЭСКОМ» и проблемы южноафриканской энергетики. *Ученые записки Института Африки РАН*. № 4(65). С. 31–43. DOI: 10.31132/2412-5717-2023-65-4-31-43
Skubko Yu.S. 2023 ESKOM and the Problems of South African Energy. *Journal of Institute for African Studies RAS*. № 4(65). Pp. 31–43. DOI: 10.31132/2412-5717-2023-65-4-31-43

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Калининченко Людмила Николаевна, ст.н.с. Центра изучения проблем переходной экономики, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Lyudmila N. Kalinichenko, Senior Researcher, Centre for Transition Economy Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Новикова Зинаида Степановна, кандидат экономических наук, ст.н.с. Центра изучения проблем переходной экономики, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Zinaida S. Novikova, PhD (Economics), Senior Researcher, Centre for Transition Economy Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 20.02.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 18.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 14.05.2024

DOI: 10.31857/S032150750031022-6

Психологические последствия COVID-19 в Субсахарской Африке (на примере Танзании и Нигерии)

© Буркова В.Н.^{a,e}, Бутовская М.Л.^{a,b,f}, Кавина А.^{c,g}, Оджедокун О.^{d,h}, 2024

^a Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

^b НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^c Университет Св. Джона, Додома, Танзания

^d Университет Адекунле Аджасин, Акунгба Акого, Нигерия

^e ORCID: 0000-0003-4777-0224; burkovav@gmail.com

^f ORCID: 0000-0002-5528-0519; marina.butovskaya@gmail.com

^g ORCID: 0000-0001-9183-0509; akavina@sjut.ac.tz

^h ORCID: 0000-0002-3497-4618; oluyinka.ojedokun@aaua.edu.ng

Резюме. Статья посвящена исследованию поведения человека во время пандемии COVID-19 в двух африканских странах – Танзании и Нигерии. На полевых данных авторами проанализирована динамика уровня тревожности на фоне стресса от распространения COVID-19 во время двух больших волн пандемии: с мая по август 2020 г. и с июня по сентябрь 2021 г. Общая выборка составила 1034 человека.

Одна из наших гипотез заключалась в том, что разные стратегии борьбы в этих странах привели к разному уровню стрессированности населения. При этом важнейшим фактором являлся не только уровень заболеваемости и смертности в стране, но и отсутствие информации и дезинформация. На примере двух стран Африки показано, что дезинформация, сокрытие официальной статистики и страх неопределенности привели к увеличению тревожности населения Танзании и замедлили психологическую адаптацию людей в условиях глобального кризиса, наблюдаемую во многих странах мира спустя год с начала распространения коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: Танзания, Нигерия, пандемия, COVID-19, тревожность, стресс

Благодарность. Статья подготовлена в соответствии с планом НИР Института этнологии и антропологии РАН (тема «Ультрасоциальность человека: биосоциальные и кросскультурные аспекты»).

Для цитирования: Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Кавина А. (Танзания), Оджедокун О. (Нигерия). Психологические последствия COVID-19 в Субсахарской Африке (на примере Танзании и Нигерии). *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 6. С. 60–69. DOI: 10.31857/S032150750031022-6

Psychological Consequences of COVID-19 in Sub-Saharan Africa (on example of Tanzania and Nigeria)

© Valentina N. Burkova^{a,e}, Marina L. Butovskaya^{a,b,f}, Kavina Alexander^{c,g}, Ojedokun Oluyinka^{d,h}, 2024

^a Institute of Ethnology and Anthropology,

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b HSE University, Moscow, Russia

^c St. John's University, Dodoma, Tanzania

^d Adekunle Ajasin University, Akungba Akoko, Nigeria

^e ORCID: 0000-0003-4777-0224; burkovav@gmail.com

^f ORCID: 0000-0002-5528-0519; marina.butovskaya@gmail.com

^g ORCID: 0000-0001-9183-0509; akavina@sjut.ac.tz

^h ORCID: 0000-0002-3497-4618; oluyinka.ojedokun@aaua.edu.ng

Abstract. The article is devoted to the study of human behavior during the COVID-19 pandemic in two African countries – Tanzania and Nigeria. Using our own field data, the authors analyzed the dynamics of the level of anxiety on the background of stress from the spread of COVID-19 during two large waves of the pandemic: 1) from May to August 2020 with an average peak on May 11; 2) from June to September 2021. The total sample was 1034 people.

One of the authors' hypotheses was that different control strategies in these countries led to different levels of stress in the population. The most important factor was not only the level of morbidity and mortality in the country, but also the lack of information and misinformation.

Using the example of the two African countries, it is shown that misinformation, concealment of official statistics and fear of uncertainty led to an increase in anxiety among the population of Tanzania and slowed down the psychological adaptation of people in the context of a global crisis, observed in many countries around the world a year after the spread of coronavirus infections.

Keywords: Tanzania, Nigeria, pandemic, COVID-19, anxiety, stress

Acknowledgement. Published in accordance with the Research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences.

For citation: Burkova V., Butovskaya M., Kavina A. (Tanzania), Ojedokun O. (Nigeria). Psychological Consequences of COVID-19 in Sub-Saharan Africa (on example of Tanzania and Nigeria). *Asia and Africa today*. 2024. № 6. Pp. 60–69. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750031022-6

ВВЕДЕНИЕ

Субсахарская Африка – регион, который не удивишь эпидемиями: малярия, оспа, сонная болезнь, разные виды лихорадок, ВИЧ и другие заболевания (например, лихорадка Эбола вспыхнул в 2013 г. в Западной Африке и унесла тысячи жизней).

Лечение и профилактика заболеваний на континенте усложняется общими экономическими проблемами, недостаточной развитостью систем здравоохранения, ненадлежащим сбором информации, неадекватным лечением и т.д. Тем не менее Африка является одним из ключевых мест в области достижений в борьбе с инфекционными заболеваниями: сдерживание случаев заболевания и тотальная вакцинация от оспы; борьба с переносчиками болезней и массовое введение лекарств от онхоцеркоза, малярии и других трансмиссивных болезней; комплексное ведение случаев распространенных заболеваний на уровне сообщества; эффективное лечение для содействия профилактике ВИЧ/СПИДа и туберкулеза; разработка методов лечения и вакцины против болезни, вызываемой вирусом Эбола [1].

Большой эпидемиологический опыт борьбы со смертельными заболеваниями в Африке может помочь и в ситуации с пандемией *COVID-19* [2].

COVID-19 В НИГЕРИИ И ТАНЗАНИИ

Первый подтвержденный случай *COVID-19* в Субсахарской Африке был зафиксирован 28 января 2020 г. в Нигерии [3]. В Танзании первый случай заражения был подтвержден 14 марта 2020 г. [4]. В целом, к марту 2020 г. заболевания ковидом были зарегистрированы на большей части Африканского континента.

22 февраля 2020 г. в Аддис-Абебе Комиссия Африканского Союза провела экстренное совещание министров здравоохранения африканских стран для обсуждения пандемии, была создана Африканская целевая группа по обеспечению готовности к коронавирусу и реагированию на него (*Africa Taskforce for Coronavirus Preparedness and Response*) с участием регионального отделения ВОЗ и Африканского центра по контролю и профилактике заболеваний [5]. Международный валютный фонд оказал финансовую поддержку.

Страны по всему миру с разной степенью успеха предприняли разные шаги для сдерживания и замедления распространения вируса внутри своих границ. Меры реагирования по странам Африки различались, как и во всем мире. Хорошим примером успешной борьбы с новым вирусом и контролем над ним исследователи считают **Южно-Африканскую Республику** (ЮАР), осуществившую раннюю и комплексную программу широкомасштабного тестирования, что сгладило кривую заболеваемости и смертности в стране [1].

Одной из проблем, мешающей успешной профилактике в африканских странах, называют невозможность соблюдения мер социального дистанцирования и изоляции в силу экономических факторов – большая часть населения занята неквалифицированным физическим трудом с ежедневной оплатой без каких-либо гарантий, а социальная поддержка таких групп населения практически отсутствует; кроме того, водопровод, электричество и Интернет не всегда доступны, что мешает как соблюдению гигиени-

ческих мер профилактики, так и информированию населения. Перенаселенность домохозяйств и городские трущобы также способствуют быстрой передаче и распространению вируса. Экономические проблемы, связанные со снижением туристического потока, уменьшение количества авиаперевозок и ситуация с беженцами в Восточной Африке только усиливают психологические проблемы и распространение вируса [2].

Нигерия довольно быстро мобилизовала ресурсы для борьбы с *COVID-19* под руководством Нигерийского центра по контролю заболеваний (*Nigeria Centre for Disease Control*), вспышка была взята под контроль всего за 92 дня [3]. Еще до того, как вирус был задекларирован в стране, было обеспечено распространение информации среди нигерийцев о вирусе и мерах профилактики, были мобилизованы медицинские работники и налажена работа лабораторий. Предыдущий опыт борьбы с вирусом Эбола привел к созданию в 2014 г. Нигерийского центра по контролю заболеваний, который в настоящее время координирует работу по борьбе с ковидом. В целом нигерийские власти и общество ведут борьбу с коронавирусом в рамках общемировых тенденций (подробнее см. [6]).

Совершенно другая картина наблюдалась в Танзании. Руководивший на тот момент страной президент Джон Магуфули назвал *COVID-19* «войной», а не проблемой для здоровья населения страны. Танзания не закрыла границы и не вводила локдауна внутри страны, хотя правительство и приостановило международные авиаперелеты, запретило массовые собрания, закрыло школы и установило 14-дневный режим самоизоляции для прибывающих из-за границы [7].

Поскольку президент выразил сомнение в профессионализме национальной лаборатории, статистику по количеству заражений и смертей перестали обновлять уже в апреле 2020 г. Таким образом, невозможно было определить, являются ли данные, публикуемые правительством, достоверными или же Магуфули просто хотел, чтобы обнародовались заниженные данные о заболеваемости и смертности [8]. Президент явно преуменьшал угрозу пандемии и призывал население своей страны молиться и использовать местные и домашние средства, такие как чай с имбирем, или паровая баня над листьями акации, или использование растительного тоника [9].

Дж.Магуфули сообщал о недоверии к присланным в качестве гуманитарной помощи ПЦР-тестам и приказал направить в лабораторию образцы, взятые из папайи, у козы и овцы, и тесты дали ложноположительные результаты – это заставило президента сделать вывод о том, что «не всякая помощь годится для нашего народа» [10]. Всё это происходило на фоне принятия репрессивных мер – был отправлен в отставку глава национальной лаборатории и ряд других высокопоставленных чиновников, а гражданам под угрозой штрафа в 5 млн шиллингов (ок. \$2000), или тюремного заключения на срок не менее 12 месяцев, или того и другого, было запрещено распространять информацию о коронавирусе, исходящую не из официальных источников [11]. Врачи диагностировали у пациентов самые разные заболевания, но не коронавирус, под страхом санкций со стороны правительства.

Медицинская ассоциация Танзании выступила с тщательно сформулированным публичным заявлением, в котором *COVID-19* был указан в качестве лишь одной из нескольких возможных причин роста смертности [11]. 17 мая 2020 г. Магуфули и вовсе заявил, что Бог ответил на молитвы Танзании, и отменил массовое сокращение случаев заражения *COVID-19* [12]. Однако все эти меры мало помогали, а сам Джон Магуфули, «потратив немало сил на борьбу с профилактикой новой инфекции, в конце концов сам пал жертвой *COVID-19*» [13]. 17 марта 2021 г. президент Танзании умер от коронавируса, по официальной версии – из-за проблем с сердцем [14]. Таким образом, в Танзании, скорее, был применен апробированный в Швеции и Бразилии подход «открытого», или мягкого карантина, а 8 июня последовало официальное заявление о том, что от коронавируса страна полностью избавилась [2].

Цель нашего исследования – на основе собственных полевых данных проследить динамику уровня тревожности на фоне стресса от распространения *COVID-19* в Нигерии и Танзании – во время двух больших волн пандемии. Одна из наших гипотез заключается в том, что разные стратегии борьбы в этих странах привели к разному уровню стрессированности населения. При этом важнейшим фактором являлся не только уровень заболеваемости и смертности в стране, но и отсутствие информации и дезинформация.

Сам по себе страх инфицирования и неосведомленность о реальной ситуации может вызывать дополнительное усиление тревожности. Предварительные данные показывают, что в условиях пандемии страх заражения очень сильно влиял на соблюдение мер предосторожности, зачастую даже больше, чем политические убеждения [15]. Однако доверие к правительству имело решающее значение для со-

блюдения обществом социальной политики, основанной на его поведенческих реакциях [16; 17]. Исследования, проведенные в Либерии и Конго во время вспышек лихорадки Эбола, показали, что доверие к правительству было положительно связано с соблюдением мер по борьбе с болезнью [18] или принятием личных профилактических мер (например, соблюдение социальной дистанции и вакцинирование против Эболы) [19].

Данные, полученные во время *COVID-19*, показывают, что доверие к правительственным сообщениям положительно связано с вероятностью принятия защитного поведения [20; 21]. Нерациональное поведение глав государств, в свою очередь, может также сильно повлиять на поведение людей. Так, например, после критики президентом Бразилии карантина, введенного губернаторами штатов, количество бразильцев, нарушавших режим изоляции, увеличилось, что отразилось на повышении уровня заболеваемости, а также на снижении веры в эффективность принимаемых мер [22]. Снижение уровня восприятия официальной информации, в свою очередь, способствовало распространению дезинформации и фейков [22].

ВЫБОРКА И МЕТОДЫ

В нашей статье собраны данные двух этапов – первой и второй больших волн коронавируса: 1) с мая по август 2020 г. со средним пиком 11 мая (Нигерия – 316 человек, Танзания – 341); 2) с июня по сентябрь 2021 г. со средним пиком 9 июля (Нигерия – 75, Танзания – 302). Общая выборка составила 1034 человек.

Согласно официальной статистике, на момент проведения исследования в 1-ю волну в Нигерии было заявлено о 4787 случаях заражения (на 12.05.2020), в Танзании – 9561 (на этот момент страна уже перестала давать официальную информацию). Во 2-ю – в Нигерии зафиксированы 168 540 случаев (на 10.08.2021), в Танзании – 25 674 (с августа 2021 г. страна начала обновлять статистику). На момент написания этой статьи количество заболевших оценивалось в 267 146 случаев в Нигерии, 43 078 – в Танзании¹.

Для проведения опроса была использована специально созданная гугл-форма с открытыми, полуоткрытыми и закрытыми типами вопросов, размещенная в сети Интернет. Участники исследования перед началом опроса давали письменное добровольное согласие, протокол исследования был утвержден Ученым советом Института этнологии и антропологии РАН (Протокол № 01 от 9 апреля 2020 г.) в соответствии с принятыми международными нормами.

Для оценки уровня тревожности было использовано две шкалы: опросник Генерализованного тревожного расстройства (ГТР-7) [23], который описывает симптомы тревожности на основе личных ощущений респондента в течение последних 14 дней, и опросник ситуативной тревожности, созданный психологом Чарльзом Спилбергером (США) и в дальнейшем модифицированный российским социальным психологом Ю.Л.Ханиным, оценивающий тревожность как эмоциональное состояние, возникающее в виде реакции на стресс [24]. В Танзании и Нигерии нами использовались англоязычные версии опросников.

ДИНАМИКА ТРЕВОЖНОСТИ ОТ ПЕРВОЙ КО ВТОРОЙ ВОЛНЕ

На *диагр.* 1–2 представлена динамика уровня тревожности по двум используемым шкалам. В первую очередь стоит отметить, что уровень тревожности на фоне пандемии был выше у женщин в обеих выборках. Эти данные согласуются с общемировыми как до пандемии, так и после – женщины стабильно показывают более высокие баллы по уровню тревоги в большинстве исследованных культур (см. [25–29]).

Динамика тревожности от первой ко второй волне *COVID-19* более выражена по опроснику ситуативной тревожности, которая оценивает тревожность как эмоциональное состояние, возникающее в виде реакции на стресс, в данном случае – как реакция на пандемию и сопутствующие ей проблемы.

В Нигерии наблюдается очевидное снижение уровня тревоги ко второй волне, в Танзании же показатели только увеличиваются (см. *диагр.* 2). По опроснику ГТР-7 наблюдается незначительное сниже-

¹ Ежедневная официальная статистика представлена на сайте: <https://www.worldometers.info/coronavirus/#countries>

ние уровня тревоги у мужчин-нигерийцев ко второй волне, тогда как в Танзании уровень стресса снова возрастает (см. *диагр. 1*).

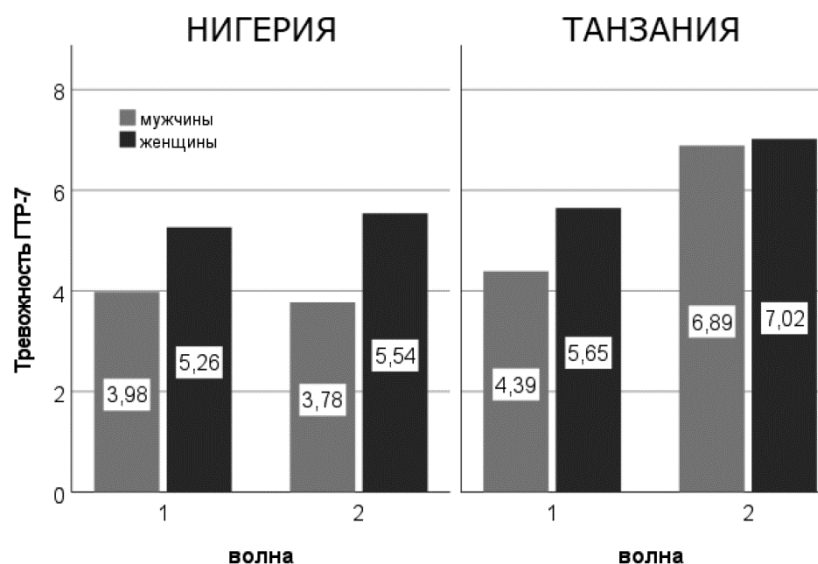

Диаграмма 1. Динамика тревожности ГТР-7 (средние значения) в Нигерии и Танзании во время двух волн *COVID-19*.

Diagram 1. Dynamics of GAD-7 anxiety (mean scores) in Nigeria and Tanzania during two waves of COVID-19.

Составлено авторами.

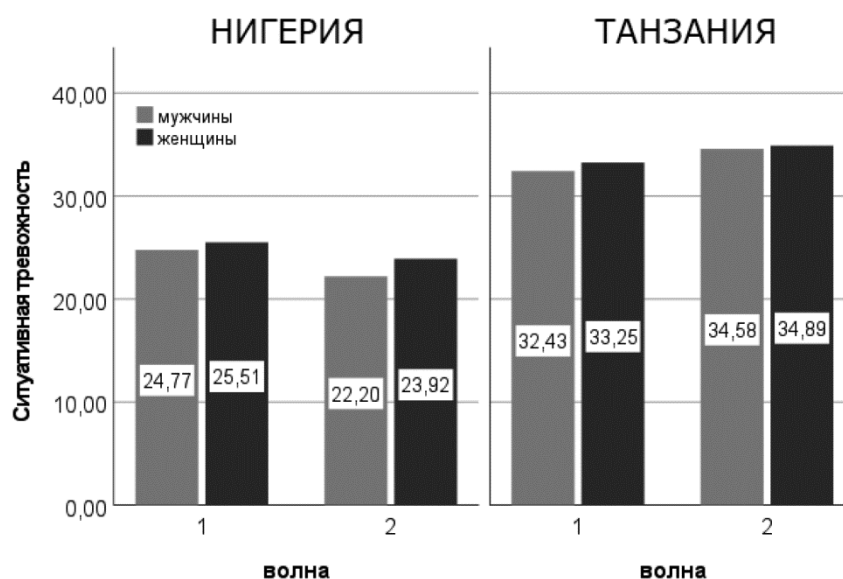

Диаграмма 2. Динамика ситуативной тревожности (средние значения) в Нигерии и Танзании во время двух волн *COVID-19*.

Diagram 2. Dynamics of situational anxiety (mean scores) in Nigeria and Tanzania during two waves of COVID-19.

Составлено авторами.

Данные о снижении уровня тревожности в Нигерии во время пандемии в целом согласуются с теми работами, которые уже проведены в мире и указывают на адаптацию населения к новым стрессовым условиям – в большинстве исследованных стран наблюдалось снижение стрессовых показателей спустя год после начала пандемии [30–34].

Однако результаты по Танзании заставляют сильно задуматься. При отсутствии официальных данных по заболеваемости и смертности танзанийцы имеют очень высокие оценки по тревожности,

что может указывать на стресс не только от пандемии как таковой, но и от неопределенности и страха.

Результаты исследований, проведенных нами задолго до пандемии *COVID-19*, показывали, что сам по себе страх инфицирования и страх неопределенности могут приводить к внутреннему конфликту и дискомфорту, и окружающие люди начинают восприниматься как потенциальная угроза (носитель вируса, источник заражения), что усиливает стресс от самой болезни [35]. На наш взгляд, сами по себе механизмы страха могут оказывать и позитивное, и негативное влияние – например, в одних ситуациях апелляция к страху заставляет людей менять свое поведение, если они чувствуют себя способными справиться с угрозой, но приводит к защитным реакциям, когда они чувствуют себя бессильными действовать [36].

Ввиду отсутствия адекватной информации люди могут также недооценивать опасность и быть излишне оптимистичными – многие убеждены в том, что плохое с меньшей вероятностью могут случиться с ними, чем с другими. С одной стороны, такая позиция полезна с точки зрения избегания негативных эмоций, с другой – может привести к тому, что люди будут недооценивать вероятность заражения болезнью и, следовательно, игнорировать предупреждения органов здравоохранения [36, 37]. Исследования, проведенные в условиях пандемии ковида, показывают, что страх заражения сильнее влияет на соблюдение мер предосторожности, чем политические убеждения [15].

Мы решили проанализировать в комбинации взаимосвязь восприятия мер, принимаемых на государственном уровне, и оценок по тревожности. В нашем исследовании было 2 вопроса относительно мер, которые принимает правительство: «Доверяете ли вы информации о пандемии, идущей из официальных источников (правительству)?», и «Вызывают ли у вас официальные сообщения и предписания гнев/агрессию?».

Ответы на эти вопросы мы проанализировали с помощью статистического метода регрессии и получили следующие зависимости:

В Танзании повышенная тревожность наблюдалась у респондентов, которые доверяли официальной информации ($F=6,322$; $p=0,012$; $R^2=0,021$), тогда как в Нигерии – наоборот: более тревожные люди отмечали, что они не доверяют правительству ($F=12,087$; $p<0,001$; $R^2=0,030$). В Танзании более тревожными были те, кто реагировал спокойно на официальные сообщения ($F=1,466$; $p=0,015$; $R^2=0,020$), в Нигерии, напротив, высокие оценки по тревожности наблюдались у тех людей, у которых официальные сообщения вызывали гнев и агрессию ($F=11,137$; $p<0,001$; $R^2=0,028$).

Таким образом, нигерийские данные согласовывались с общемировыми тенденциями, наблюдавшимися в других странах [22].

В Танзании противоположные данные, как мы полагаем, могут быть объяснены фактором дезинформации – наиболее тревожными оказывались те, кто доверял официальной информации, однако одновременно люди понимали, что официальная статистика не публикуется с апреля 2020 г., и, соответственно, реальные показатели заболеваемости и смертности были неизвестны, тогда как количество заболевших коронавирусом в окружении увеличивалось.

На фоне заявлений президента страны об успешной борьбе с пандемией, международные источники сообщали о переполненных больницах в Танзании и тайных ночных похоронах [38]. К этому фактору может добавляться и страх, нагнетаемый репрессивной политикой правительства Магуфули в последние годы. При использовании нашего опросника мы были вынуждены убрать ряд вопросов, связанных с обсуждением действий правительства во время пандемии – по просьбе самих респондентов, боявшихся последствий со стороны режима.

Рассмотрим подробнее динамику распределения уровней тревожности внутри шкалы и сравним поведение людей с минимальным, умеренным, средним и высоким уровнями тревожности (см. *диагр.* 3–4).

Во время пандемии наблюдалась двойственная тенденция – при увеличении количества респондентов из серой зоны с минимальным уровнем тревожности одновременно увеличивалось количество людей, попавших в черную зону с высоким уровнем тревожности (депрессивных), – в Нигерии количество наиболее тревожных респондентов увеличилось с 4,43% до 8,22%, тогда как в Танзании количество наиболее депрессивных людей не сильно изменилось, но более чем в 2 раза сократилось количество психологически нормальных людей в сторону ухудшения состояния – с 54,25 до 21,78% в категории минимального уровня тревожности (см. *диагр.* 3).

Схожие тенденции наблюдаются и по ситуативной тревожности (см. *диагр.* 4). Такие цифры отражают критические тенденции в психологическом состоянии танзанийцев на фоне пандемии.

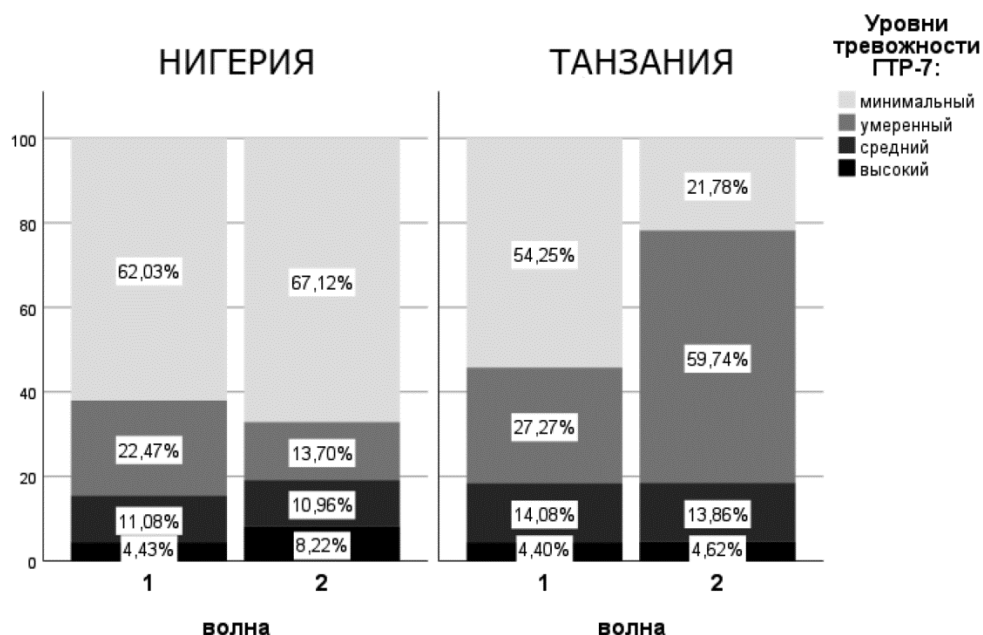

Диаграмма 3. Распределение уровней тревожности ГТР-7 в Нигерии и Танзании во время двух волн COVID-19.

Diagram 3. Distribution of GAD-7 anxiety levels in Nigeria and Tanzania during two waves of COVID-19.
Составлено авторами.

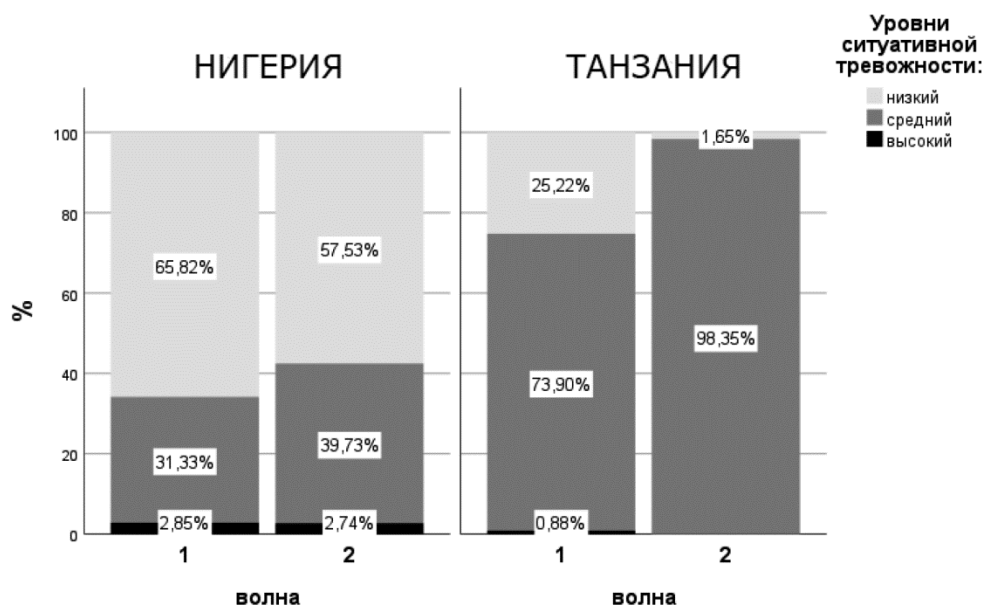

Диаграмма 4. Распределение уровней ситуативной тревожности в Нигерии и Танзании во время двух волн COVID-19.

Diagram 4. Distribution of situational anxiety levels in Nigeria and Tanzania during two waves of COVID-19.
Составлено авторами.

Если повсеместно наблюдалась адаптация населения разных стран к стрессу от COVID-19, в Танзании ситуация только усугублялась. Шкала тревожности ГТР-7 первоначально задумывалась в качестве средства скрининга генерализованного тревожного расстройства, однако она достаточно хорошо определяет наличие и тяжесть 3 других тревожных расстройств – панического расстройства, социофобии и посттравматического стрессового расстройства. В данном случае, по всей видимости, увеличение количества людей с минимальным уровнем тревоги свидетельствует об успешной адаптации населения к

стрессу на фоне пандемии, тогда как увеличение количества людей с высоким уровнем тревожности может указывать на рост не только ГТР, но и наличие посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), возникшего на фоне распространения *COVID-19*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Укрепление общественного доверия к правительству в отношении борьбы с заболеванием может служить эффективной стратегией для достижения лучшего сотрудничества и соблюдения политики и мер, связанных с *COVID-19*, и, в конечном итоге, для улучшения профилактики и контроля этого заболевания.

На примере двух африканских стран, выбравших разную политику противодействия пандемии, очевидно, что дезинформация, сокрытие официальной статистики и страх неопределенности привели к увеличению тревожности населения Танзании и замедлили психологическую адаптацию людей в условиях глобального кризиса, наблюдавшуюся во многих странах мира спустя год с начала распространения коронавирусной инфекции.

После смерти Джона Магуфули вице-президент Самия Сулуху Хасан выступила за большую прозрачность правительственной отчетности, и в настоящее время наблюдается увеличение уровня доверия к правительству; ожидается, что люди будут более серьезно относиться к своему здоровью и следовать мерам профилактики. Помимо восстановления передачи данных по статистике заболеваемости, были введены профилактические меры (повсеместное использование масок и дезинфицирующих средств) и началась вакцинация населения. Однако уровень вакцинации остается низким в связи с таким резким сдвигом политики государства в отношении *COVID-19* и дезинформацией, распространяемой социальными сетями и некоторыми публичными лидерами.

Например, епископ Джозефат Гваджима, руководящий Церковью возрождения и жизни (*Church of Revival and Life*), выступает ярким противником вакцинации в Танзании и советует своим последователям не делать прививку, поскольку она может повлиять на когнитивные способности и сделать людей похожими на зомби, а западные страны, поддерживающие всемирные усилия по вакцинации, имеют темную программу против африканцев [39].

По сравнению с Танзанией, в Нигерии вакцинация против *COVID-19* идет гораздо успешнее и общий уровень принятия вакцинации довольно высок [40], что, несомненно, связано с более продуманной политикой нигерийского правительства с самого начала распространения *COVID-19* в мире.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Rosenthal P.J., Breman J.G., Djimde A.A., John C.C., et al. COVID-19: shining the light on Africa. *The American journal of tropical medicine and hygiene*. 2020. Vol. 102, № 6, pp. 1145–1148. <https://doi.org/10.4269/ajtmh.20-0380>
2. Тему А-М. Т., Никольская М. Пандемия COVID-19 в Восточной Африке: анализ и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 9. С. 22–28. DOI: 10.31857/S032150750010856-3
Temu A-M. T., Nikolskaya M. COVID-19 pandemic in East Africa: analysis and prospects. *Asia and Africa today*. 2020. № 9. Pp. 22–28. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750010856-3
3. Adepoju P. Nigeria responds to COVID-19; first case detected in sub-Saharan Africa. *Nature Medicine*. 2020. Vol. 26, № 4, pp. 444–448. <https://doi.org/10.1038/d41591-020-00004-2>
4. Tanzania Confirms First Case of Coronavirus. 16.03.2020. https://www.voanews.com/a/science-health_coronavirus-outbreak_tanzania-confirms-first-case-coronavirus/6185904.html (accessed 09.02.2024)
5. Ministerial Meeting on Coronavirus Disease Outbreak. 22.02.2020. <https://au.int/en/newsevents/20200222/ministerial-meeting-coronavirus-disease-outbreak> (accessed 02.11.2023)
6. Денисова Т.С., Костелянец С.В. COVID-19 в Нигерии: вызовы и прогнозы. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 8. С. 26–30.
Denisova T.S., Kostelyanets S.V. 2020. COVID-19 pandemic in Nigeria: challenges and forecasts. *Asia and Africa today*. № 8. Pp. 26–30. (In Russ.)
7. Kamazima S.R., Deodatus C.V.K., Kazaura M. Manifold Tactics are Used to Control and Prevent Pandemics in Contemporary Africa: A Case of Tanzania's Fight against COVID-19. *International Journal of Advanced Scientific Research and Management*. 2020. Vol. 5, № 11, pp. 20–36.
8. Tanzania's COVID-19 response puts Magufuli's leadership style in sharp relief. 31.05.2020. <https://theconversation.com/tanzanias-covid-19-response-puts-magufulis-leadership-style-in-sharp-relief-139417> (accessed 02.11.2023)

9. Magufuli pledges to get herbal treatment for virus. 03.05.2020. <https://nation.africa/kenya/news/africa/magufuli-pledges-to-get-herbal-treatment-for-virus-288852> (accessed 17.11.2023)
10. Elias Biryabarema. President queries Tanzania coronavirus kits after goat test. *Reuters*. 03.05.2020. (accessed 17.12.2023)
11. Buguzi S. Covid-19: Counting the cost of denial in Tanzania. *BMJ*. 2021. № 373. <https://doi.org/10.1136/bmj.n1052>
12. Magufuli says God has responded to Tanzania's prayers with massive reduction in Covid-19 cases. 17.05.2020. <https://www.thecitizen.co.tz/tanzania/news/national/magufuli-says-god-has-responded-to-tanzania-s-prayers-with-massive-reduction-in-covid-19-cases-2709346> (accessed 17.11.2023)
13. Артеев С.П. Пандемия COVID-19: конспирология и антиконспирология. *Власть*. 2022. Т. 30. № 1. С. 58–63. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8781>
Arteev S.P. 2022. COVID-19 Pandemic: Conspiracy and Anti-Conspiracy. *The Authority*. Vol. 30. № 1, pp. 58–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8781>
14. Tanzanian President John Magufuli dies. 18.03.2021. *TASS*. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10930967> (In Russ.) (accessed 01.02.2024)
15. Harper C.A., Satchell L., Fido D., Latzman R. Functional fear predicts public health compliance in the COVID-19 pandemic. *International journal of mental health and addiction*. 2021. № 19, pp. 1875–1888. <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00281-5>
16. Chanley V.A., Rudolph T.J., Rahn W.M. 2000. The origins and consequences of public trust in government – A time series analysis. *Public Opinion Quarterly*. № 64 (3), pp. 239–256. <https://doi.org/10.1086/317987>
17. Lau L.S., Samari G., Moresky R.T., Casey S.E., Kachur S.P., Roberts L.F., Zard M. 2020. COVID-19 in humanitarian settings and lessons learned from past epidemics. *Nature Medicine*. № 26 (5), pp. 647–648. <https://doi.org/10.1038/s41591-020-0851-2>
18. Blair R.A., Morse B.S., Tsai L.L. 2017. Public health and public trust: Survey evidence from the Ebola Virus Disease epidemic in Liberia. *Social Science & Medicine*. № 172, pp. 89–97. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2016.11.016>
19. Vinck P., Pham P.N., Bindu K.K., Bedford J., Nilles E.J. 2019. Institutional trust and misinformation in the response to the 2018–19 Ebola outbreak in North Kivu, DR Congo: A population-based survey. *Lancet Infectious Diseases*. № 19 (5), pp. 529–536. [https://doi.org/10.1016/S1473-3099\(19\)30063-5](https://doi.org/10.1016/S1473-3099(19)30063-5)
20. Lim V.W., Lim R.L., Tan Y.R., Soh A.S., Tan M.X., Othman N.B., Chen M.I. 2021. Government trust, perceptions of COVID-19 and behavior change: Cohort surveys, Singapore. *Bulletin of the World Health Organization*. № 99 (2), pp. 92–101. <https://doi.org/10.2471/BLT.20.269142>
21. Han Q., Zheng B., Cristea M., Agostini M., Bélanger J.J., et al. 2021. Trust in government regarding COVID-19 and its associations with preventive health behaviour and prosocial behaviour during the pandemic: a cross-sectional and longitudinal study. *Psychological medicine*. Vol. 53. № 1, pp. 149–159. <https://doi.org/10.1017/S0033291721001306>
22. Буркова В.Н., Бутовская М.Л. 2023. Коронафобия, инфодемия и фейки во время COVID-19. *Сибирские исторические исследования*. № 2. С. 55–75. <https://doi.org/10.17223/2312461X/40/3>
Burkova V.N., Butovskaya M.L. 2023. Coronaphobia, infodemic and fakes during COVID-19. *Siberian Historical Researches*. № 2, pp. 55–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/2312461X/40/3>
23. Spitzer R.L., Kroenke K., Williams J.B.W., Lowe B. 2006. A brief measure for assessing generalized anxiety disorder. *Archive of Internal Medicine*. Vol. 166 (10), pp. 1092–1097. <https://doi.org/10.1001/archinte.166.10.1092>
24. Спилбергер Ч.Д., Ханнин Ю.Л. Исследование тревожности. *Диагностика эмоционально-нравственного развития*. Ред. И.Б.Дерманова. СПб.: Речь, 2002. С. 124–126.
Spilberger Ch.D., Khanin Yu.L. 2002. Research of anxiety. In: *Diagnosis of emotional and moral development*. Ed. I.B.Dermanova. St. Petersburg. Pp. 124–126. (In Russ.)
25. Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., Ahmadi K., et al. 2021. Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries. *Sustainability*. Vol. 13. № 4017. <https://doi.org/10.3390/su13074017>
26. Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., Ahmadi K., et al. 2022. Factors associated with highest symptoms of anxiety during COVID-19: cross-cultural study of 23 countries. *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.805586>
27. Cohen S., Janicki-Deverts D., Doyle W.J., Miller G.E., Frank E., Rabin B.S., Turner R.B. 2012. Chronic stress, glucocorticoid receptor resistance, inflammation, and disease risk. *PNAS*. Vol. 109. № 16, pp. 5995–5999. <https://doi.org/10.1073/pnas.1118355109>
28. Jaehn P., Bobrova N., Saburova L., Kudryavtsev A.V., Malyutina S., Cook S. 2020. The relation of gender role attitudes with depression and generalised anxiety disorder in two Russian cities. *Journal of Affective Disorders*. Vol. 264, pp. 348–357. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.01.027>
29. Kowal M., Coll-Martin T., Ikizer G., Rasmussen J. et al. 2020. Who is the most stressed during the COVID-19 pandemic? Data from 26 countries and areas. *Applied Psychology: Health and Well-Being*. Vol. 12. № 4, pp. 946–966. <https://doi.org/10.1111/aphw.12234>
30. Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Ермаков А.М. От первой к третьей волне COVID-19: динамика тревожного поведения в крупных городах России (Москва и Ростов-на-Дону). *Этнографическое обозрение*. 2023. № 5. С. 227–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050147>

- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Ermakov A.M. 2023. From the First to the Third Wave of COVID-19: Dynamics of Anxious Behavior in Large Russian Cities (Moscow and Rostov-on-Don). *Ethnographical Review*. Vol. 5, pp. 227–242. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0869541523050147>
31. Bendau A., Plag J., Kunas S., Wyka S., Ströhle A., Petzold M.B. 2021. Longitudinal changes in anxiety and psychological distress, and associated risk and protective factors during the first three months of the COVID-19 pandemic in Germany. *Brain and behavior*. Vol. 11 (2). <https://doi.org/10.1002/brb3.1964>
32. Twenge J.M., Joiner T.E. 2020. US Census Bureau-assessed prevalence of anxiety and depressive symptoms in 2019 and during the 2020 COVID-19 pandemic. *Depression and anxiety*. Vol. 37 (10), pp. 954–956. <https://doi.org/10.1002/da.23077>
33. Fruehwirth J.C., Biswas S., Perreira K.M. 2021. The Covid-19 pandemic and mental health of first-year college students: Examining the effect of Covid-19 stressors using longitudinal data. *PLoS ONE*. Vol. 16 (3). № e0247999. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0247999>
34. Vahratian A., Blumberg S.J., Terlizzi E.P., Schiller J.S. 2021. Symptoms of anxiety or depressive disorder and use of mental health care among adults during the COVID-19 pandemic. United States, August 2020 – February 2021. *Morbidity and Mortality Weekly Report*. Vol. 70 (13), pp. 490–494. <https://doi.org/10.15585/mmwr.mm7013e2>
35. Hendrix K.S., Hirt E.R. 2009. Stressed out over possible failure: The role of regulatory fit on claimed self-handicapping. *Journal of Experimental Social Psychology*. № 45 (1), pp. 51–59. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2008.08.016>
36. van Bavel J.J., Baicker K., Boggio P.S., Capraro V., Cichocka A., et al. 2020. Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic response. *Nature Human Behavior*. № 4, pp. 460–471. <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0884-z>
37. Sharot T. 2011. The optimism bias. *Current Biology*. № 21, pp. 941–945.
38. Farmer B. The ‘Ostrich Alliance’: Coronavirus and the world leaders embracing denial, quackery and conspiracy. *The Telegraph*. 05.06.2020 (accessed 21.02.2021)
39. Makoye K. Tanzania struggles to dispel myths against COVID-19 vaccines. 16.08.2021. *Anadolu Agency*. <https://www.aa.com.tr/en/africa/tanzania-struggles-to-dispel-myths-against-covid-19-vaccines/2336356> (accessed 21.02.2021)
40. Nnaemeka V.C., Okafor N.A., Orababa O.Q., Anikwe R., Onwe R.O., et. al. 2023. COVID-19 vaccine acceptance in Nigeria: A rapid systematic review and meta-analysis. *MedRxiv*. <https://doi.org/10.1101/2023.02.16.23286008>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Буркова Валентина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра кросс-культурной психологии и этологии человека, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия.

Valentina N. Burkova, PhD (History), Senior Researcher, Center of Cross-Cultural Anthropology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

Бутовская Марина Львовна, чл.-корр. РАН, доктор исторических наук, профессор, зав. Центра кросс-культурной психологии и этологии человека, Институт этнологии и антропологии РАН; главный научный сотрудник Международного центра антропологии, НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Marina L. Butovskaya, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (History), Professor, Head, Center of Cross-Cultural Psychology and Human Ethology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science; Principal Researcher, International Center of Anthropology, HSE University Moscow, Russia.

Александр Кавина, PhD (History), старший преподаватель, Департамент истории, Университет Св. Джона, Додома, Танзания.

Alexander Kavina, PhD (History), Senior Lecturer, Department of History, St John's University, Dodoma, Tanzania.

Оджедокун Олюинка, PhD (Psychology), профессор, Департамент теоретической и прикладной психологии, Университет Аденкунле Аджасин, Акунгба Аकोко, Нигерия.

Oluyinka Ojedokun, PhD (Psychology), Professor, Department Pure & Applied Psychology, Adekunle Ajasin University, Akungba Akoko, Nigeria.

Поступила в редакцию
(Received) 14.02.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 27.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 16.05.2024

DOI: 10.31857/S032150750031025-9

Автоматизация обрабатывающей промышленности КНР: перспективы и риски

© Лемутов В.А.^а, 2024

^а Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова,
Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8856-9925; vlemutov@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается текущее состояние, перспективы и риски автоматизации обрабатывающей промышленности КНР в контексте демографических изменений и перехода страны к интенсивной модели развития.

Переход к новой модели роста и демографические изменения обусловили смену факторов конкурентоспособности КНР. При этом страна не перестала быть «мировой фабрикой», что обуславливает ускорение автоматизации промышленных производств. В течение последних 10 лет Китай является крупнейшим потребителем промышленных роботов в мире и активно наращивает собственное производство. Страна уже обошла США и достигла уровня развитых стран по интенсивности роботизации.

Несмотря на быстрый рост внедрения промышленных роботов, оценка структурных изменений занятости и темпов автоматизации до 2030 г. на основе доступных данных показывает, что роботизация, вероятно, пока не несет высоких рисков для занятости. Более того, темпы автоматизации могут оказаться недостаточными для устранения нехватки работников в обрабатывающей промышленности.

Ключевые слова: Китай, обрабатывающая промышленность, новые технологии, автоматизация, роботизация

Для цитирования: Лемутов В.А. Автоматизация обрабатывающей промышленности КНР: перспективы и риски. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 6. С. 70–78. DOI: 10.31857/S032150750031025-9

Automation of the Manufacturing Industry in China: Prospects and Risks

© Lemutov V.A.^а, 2024

^а Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8856-9925; vlemutov@gmail.com

Abstract. The paper examines the current state, prospects, and risks of the automation of China's manufacturing industry in the context of demographic changes and the country's transition to a new development model based on intensive growth factors.

The transition to a new growth model and demographic changes have led to a shift in the factors of China's competitiveness. Nonetheless, China continues to be the "world's factory", which implies the accelerating pace of industrial automation. Over the past 10 years, China has been the largest consumer of industrial robots in the world and has actively increased its own production. The country has surpassed the United States and reached the level of developed countries in terms of robot intensity.

Despite the rapid growth in the adoption of industrial robots, an assessment of the structural changes in employment and the pace of automation in manufacturing up to 2030, based on available data, suggests that robotization is unlikely to pose significant risks to employment yet. Moreover, the pace of automation may prove insufficient to address the shortage of workers in the manufacturing sector.

Keywords: China, manufacturing industry, new technologies, automation, robotization

For citation: Lemutov V.A. Automation of the Manufacturing Industry in China: Prospects and Risks. *Asia and Africa today*. 2024. № 6. Pp. 70–78. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750031025-9

ВВЕДЕНИЕ

В течение длительного времени международная конкурентоспособность Китайской Народной Республики базировалась на факторах, связанных с экстенсивной моделью экономического роста, ключевым из которых оставалась дешевая рабочая сила [1]. Лишь с переходом вверх по цепочке добавленной стоимости и ростом благосостояния с начала 2010-х гг. стали заметно расти и заработные платы. По уровню зарплат КНР уже перегоняет многие развивающиеся страны, однако по производительности труда Китай чемпионом не является, отставая, например, от Мексики и Малайзии на 20% и 40% соответственно¹.

Одним из важных факторов, влияющих на рост заработных плат, стало старение населения. Многолетний рост населения в возрасте от 15 до 64 лет в 2014 г. прекратился, доля трудоспособного населения стала сокращаться. Прирост численности рабочей силы с 2005 по 2010 г. составил лишь 0,6% против 7% десятилетием ранее, а с 2010 по 2022 г. – лишь 1%. При этом, собственно, рост населения КНР прекратился уже в 2021 г., а в 2022 г. население страны впервые за 60 лет сократилось на 850 тыс. человек.

В результате потери возможности экстенсивного развития перед Китаем встала задача перехода к новой модели роста, которая, исходя из опыта развитых стран, предполагает увеличение потребления домохозяйств, расширение сферы услуг и внедрение инноваций. С точки зрения изменений занятости интересен переход работников в сферу услуг.

Взяв за основу формулу интенсивности сдвигов в структуре ВВП [2], можно подсчитать, что за последние 10 лет ежегодная интенсивность сдвигов составляла 1,67%, причем росла доля только сферы услуг. Это значительно больше, чем аналогичные средние показатели по странам с высоким и средне-высоким доходом – 0,35% и 0,50% соответственно². С точки зрения структуры занятости доля работников сферы услуг уже приближается к 50%, в то время как доля работников во вторичном секторе – ниже 30%.

При этом КНР не перестала быть «мировой фабрикой» и продолжает наращивать свою роль в глобальной промышленности. Так, если доля добавленной стоимости китайской промышленности в мировой в 2010 г. составляла 18%, в 2015 г. этот показатель уже был на уровне 26%, а в 2022 г. – 30,5%. Между тем решение вопроса сокращения и удорожания рабочей силы по-прежнему остается одной из ключевых задач. В развитых странах, которые столкнулись с этой проблемой ранее, например в Японии³, всё более значимую роль в экономике начинают играть процессы автоматизации производства – теперь на этот путь вступает и Китай.

РОБОТИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ СОХРАНИТЬ СТАТУС МИРОВОЙ ФАБРИКИ

Автоматизация промышленных производств – явление не новое. Учитывая, что первые промышленные роботы появились в мире в 1960-х гг., автоматизация уже 60 лет успешно применяется в развитых странах. Вместе с тем для Китая массовая автоматизация – тенденция относительно новая. Так, если взлет персональных компьютеров и мобильных телефонов, как и во всем мире, в Китае пришелся на первое десятилетие XXI в., то развитие промышленных роботов несколько запаздывало.

В 2000 г. в стране, по данным Международной федерации робототехники, было продано лишь 380 промышленных роботов, а о масштабном производстве собственных роботов речи не шло. Активное превращение Китая в «мировую фабрику» тем не менее сыграло свою роль, и к 2010 г. КНР уже устанавливала по 15 000 промышленных роботов в год, что составляло более 10% от мирового объема установок. В свою очередь, собственное производство к концу 2000-х гг. в Китае только стартовало: так, объемов производства собственных роботов до 2010 г. в известной литературе не приводится, а приблизительная оценка производства в 2012 г. составляла лишь около 5800 штук [3].

¹ Рассчитано по: Statistics on labour productivity. ILO. <https://ilostat ilo.org/topics/labour-productivity/> (accessed 08.01.2024)

² Рассчитано по: Статистический ежегодник ГСУ КНР 2023. National Bureau of Statistics. <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexeh.htm> (accessed 08.01.2024); база данных Всемирного банка. <http://data.worldbank.org> (accessed 08.01.2024)

³ Avatars, robots and AI: Japan turns to innovation to tackle labour crisis. *Financial Times*. 2024. <https://www.ft.com/content/ad850ad2-6752-4ca7-99f6-4b947d0b741e> (accessed 23.01.2024)

Настоящий бум внедрения промышленных роботов начался в 2010-е гг., что совпало, с одной стороны, с активным сдвигом в структуре ВВП КНР в пользу сферы услуг, а с другой стороны, было связано с растущей квалификацией рабочей силы и её соответствующим удорожанием. Кроме того, среди предпосылок роста числа внедрений промышленных роботов нельзя не отметить также и тот факт, что определенный опыт автоматизации уже был накоплен благодаря присутствию иностранных компаний, в первую очередь в автомобильной и электронной промышленности, которые являются локомотивами роботизации и во всем мире.

По данным Международной федерации робототехники, с 2013 г. Китай является крупнейшим рынком в мире по числу установок промышленных роботов [4]. За последние 10 лет страна увеличила число ежегодных установок в 12 раз – с 23 тыс. до 290 тыс. единиц, это более половины всех промышленных роботов, ежегодно вводимых в строй во всем мире (см. *диагр. 1*). Среднегодовой прирост числа установок за этот период составил 29% – более чем в 2 раза выше соответствующего мирового показателя (13%). При этом даже в 2022 г., когда во всем мире ограничения в связи с пандемией *COVID-19* были сняты, а в ряде крупных промышленных центров Китая всё еще вводили ограничительные меры, прирост числа установок роботов в КНР всё равно оказался выше, чем в среднем по миру (19% против 5% соответственно).

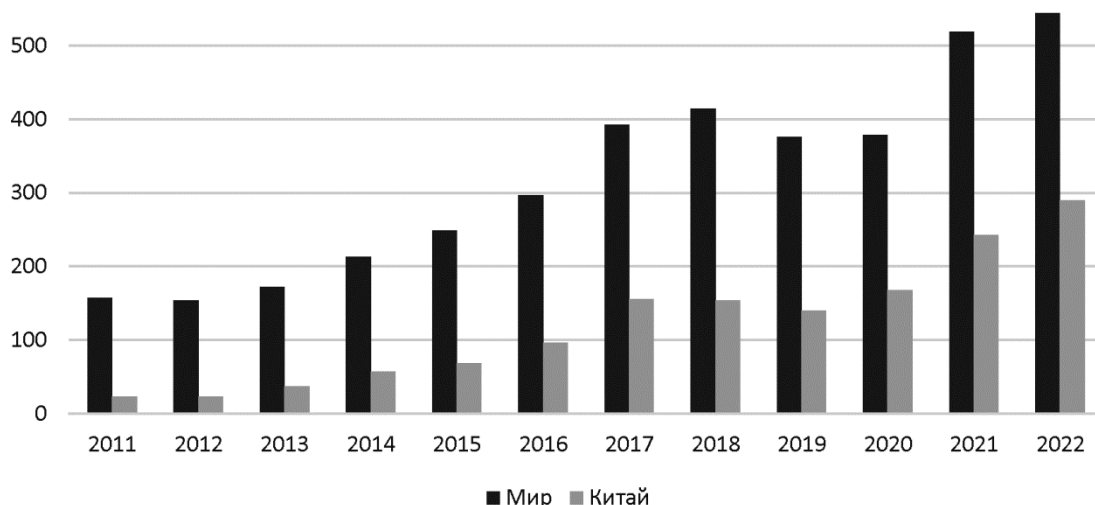

Диаграмма 1. Объем ежегодных установок промышленных роботов, тыс.
Diagram 1. Annual installations of industrial robots, thousands.

Составлено автором по данным Международной федерации робототехники [4].

Ключевыми отраслями, где китайский бизнес применяет промышленных роботов, как и во всем мире, являются автомобильная и электронная промышленность. Так, например, в 2021 г. из 243 тыс. установленных промышленных роботов в Китае 34% пришлось на предприятия, производящие электронику, а 21% – на автомобильные производства, причем общий прирост числа установок промышленных роботов в стране в первую очередь был обеспечен строительством большого количества новых производств электромобилей⁴.

Опережающий рост числа установок промышленных роботов позволил Китаю занять лидирующее место и по общему накопленному объему введенных в строй роботов. Число установленных роботов в Китае выросло в 17 раз – с 90 тыс. в 2012 г. до более чем 1,5 млн в 2022 г. [4], а доля Китая в мире выросла с 17% до 38%, что даже больше, чем текущая доля страны в мировой обрабатывающей промышленности (30%)⁵. При этом прирост числа роботов в Китае в последние несколько лет сохраняется на уровне выше 20% при 12–15% в среднем по миру. Согласно прогнозу Международной федерации робототехники [4], на горизонте до 2026 г. прирост числа установленных роботов в Китае будет по-преж-

⁴ China: Robot installations grew by 44 percent. *International Federation of Robotics*. <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/china-robot-installations-grew-by-44-percent> (accessed 12.01.2024)

⁵ Рассчитано по: Manufacturing, value added (current US\$) – China, World. *World Bank Data*. <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.CD?locations=CN-1W&view=chart> (accessed 12.01.2024)

нему превышать соответствующие мировые показатели, однако в связи с насыщением рынка темпы прироста опустятся ниже 10%.

Параллельно с лидерством в абсолютном выражении за последние 8 лет Китай в значительной степени нарастил интенсивность роботизации. Число роботов на 10 000 занятых в промышленности выросло в 8 раз: с 49 в 2015 г. до 392 в 2022 г. [5]. При этом страны – лидеры по внедрению роботов за это время нарастили интенсивность роботизации не более чем в 2 раза (см. *диагр. 2*), благодаря чему в 2022 г. по этому показателю КНР обошла США, тем самым фактически достигнув уровня развитых стран по интенсивности роботизации.

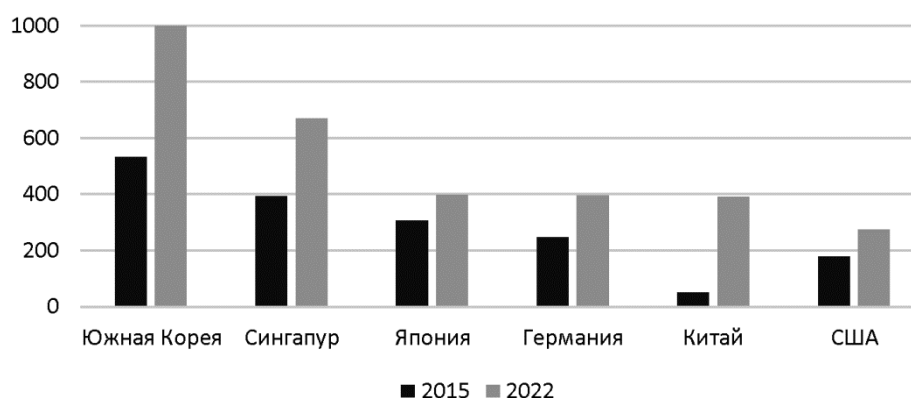

Диаграмма 2. Количество промышленных роботов на 10 000 занятых в обрабатывающей промышленности.
Diagram 2. Number of industrial robots per 10,000 employed in manufacturing.

Рассчитано автором по данным Международной федерации робототехники. <https://ifr.org/> (accessed 13.01.2024)

Однако и на этом Китай не планирует останавливаться. Согласно выпущенному в 2023 г. Министерством промышленности и информационных технологий КНР плану «Роботы + шаги по внедрению» («机器人+”应用行动实施方案)⁶, к 2025 г. планируется увеличение числа роботов на 10 тыс. работников обрабатывающей промышленности в 2 раза по сравнению с 2020 г., т.е. примерно до 500. В результате Китай может войти в тройку мировых лидеров по интенсивности роботизации, обогнав Японию и Германию.

Сохраняющееся лидерство Китая в мировой промышленности и опережающие темпы внедрения роботов в стране обусловили тенденцию к концентрации не только установок, но и производства промышленных роботов на территории Китая или под контролем китайских инвесторов. Помимо компаний, развивающих собственные локальные производства, таких как *Siasun* или *Shanghai STEP*, с конца 2010-х гг. на китайском рынке появляются инвесторы с долями в мировых компаниях – производителях роботов. В частности, это *Midea*, купившая немецкую *Kuka*, а также *Efort*, владеющая долями в итальянских *CMA*, *Evolut* и *W.F.C. Group*.

С 2015 по 2021 г. китайские компании увеличили производство промышленных роботов в 10 раз – до 366 тыс. штук в год. В свою очередь, за первую половину 2023 г. Китай произвел 222 тыс. промышленных роботов [5], и, хотя данных за весь год еще нет, скорее всего, общий объем производства мог превысить 400 тыс. штук. Рынок в производстве роботов в последние годы – значимый результат и для китайского правительства, которое в рамках плана «Сделано в Китае 2025», планировало к 2020 г. обеспечить производство промышленных роботов китайскими компаниями на уровне лишь 100 тыс. штук в год⁷.

При этом важно отметить, что опережающие темпы производства и внедрения промышленных роботов в КНР связаны не только с демографическими сдвигами и изменениями на рынке труда, описан-

⁶工业和信息化部等十七部门关于印发《“机器人+”应用行动实施方案》的通知。中华人民共和国工业和信息化部。(Ministry of Industry and Information Technology and other seventeen departments announce the issuance of the implementation plan for “Robot +” application). (In Chin.). https://www.miit.gov.cn/zwgk/zcwj/wjfb/tz/art/2023/art_c2a9bacca5114e42b5e16ed5277923a8.html (accessed 14.01.2024)

⁷ Why ‘Made in China 2025’ triggered the wrath of President Trump. *South China Morning Post*. <https://multimedia.scmp.com/news/china/article/made-in-China-2025/index.html> (accessed 13.01.2024)

ными в первой части статьи, но также и с международной конкуренцией в производстве промышленной продукции. Международные исследования, в т.ч. американских экономистов Д.Аджемоглу [6] и Д.Аутора [7], а также прикладной анализ консалтинговых компаний (например, исследования *McKinsey & Company* [8] и *Oxford Economics* [9]) показывают, что промышленная автоматизация используется зачастую не только в целях снижения издержек на рабочую силу, но и в целях повышения качества продукции, снижения числа ошибок и брака на производстве, оптимизации запасов и т.д. В этой связи обеспечение лидерства на рынках промышленных роботов, и в том числе в их производстве, для Китая является не столько выбором, сколько необходимостью для сохранения позиций в мировом производстве, которое также активно автоматизируется.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОБОТИЗАЦИИ И ЗАНЯТОСТИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ КНР

Несмотря на то, что причины активного внедрения роботов в обрабатывающей промышленности КНР шире, чем рост затрат на рабочую силу, среди рисков роботизации ключевым остается вопрос влияния этого феномена на занятость. Так, за последние 15 лет каждый пятый работающий житель КНР был занят в обрабатывающей промышленности, и этот показатель на 4–5 п.п. выше среднего по миру⁸.

По оценке *McKinsey Global Institute* именно на Китай еще в 2017 г. приходилась треть всех рабочих мест (395 млн), которые можно автоматизировать при помощи существующих технологий [8]. Однако важно отметить, что полная автоматизация, вероятнее всего, невозможна для большинства рабочих мест за достаточно короткий срок – эту тенденцию на данных по XX в. показал профессор прикладной экономики Массачусетского технологического института Д.Аджемоглу, заметив, что автоматизация обычно затрагивает отдельные навыки и умения, в то время как большинство видов работ предполагают комплекс таких навыков [10].

Эксперты *McKinsey Global Institute* [8] приходят к такому же выводу и отмечают, что, несмотря на высокий потенциал автоматизации, в реальности лишь 15% навыков работников в Китае будут автоматизированы к 2030 г. Реальные примеры компаний также подтверждают эти выводы: владельцы обрабатывающих производств, опрошенные *Reuters* в 2022 г., отмечали [11], что автоматизация ряда навыков по-прежнему остается дорогостоящей и невыгодной.

Вместе с тем автоматизация даже части навыков в среднесрочной перспективе ведет к перераспределению обязанностей, изменению профилей должностей и, в ряде случаев, к сокращению нескольких рабочих мест с более низкой квалификацией в пользу одного с более высокой квалификацией.

Учитывая разнообразие роботизируемых видов производств, разную стоимость рабочей силы по отраслям и стремительные технологические изменения, прогнозы по числу автоматизируемых мест в пересчете на одного робота разнятся, а оценки отдельно по КНР в известной литературе не приводятся. Тем не менее среди международных оценок известны расчеты экономистов Массачусетского технологического института Д.Аджемоглу и П.Рестрепо, показывающие, что с 1990 по 2007 г. 1 робот заменял в среднем 3,3 работника [6]. В свою очередь, по расчетам *Oxford Economics* от 2019 г. по 28 развитым странам⁹, 1 робот заменяет в среднем 1,6 работника [9].

Взяв за основу текущие данные и прогнозы Международной федерации робототехники по ежегодным установкам промышленных роботов в мире и Китае, можно подсчитать, что к 2030 г. в КНР будет установлено порядка 4 млн промышленных роботов, что составит около 45% от мирового объема. Если опираться на приведенные выше оценки, это означает, что в совокупности в Китае роботы будут заменять от 6,4 до 13,2 млн потенциальных работников обрабатывающей промышленности. При этом, т.к. на 2023 г. число промышленных роботов в КНР должно было составить около 1,5 млн штук, более трети из этих рабочих мест должны быть автоматизированы уже сейчас, а потенциал дополнительного сокращения до 2030 г. составляет лишь 3,5–7,3 млн штатных единиц.

Если сравнить полученные результаты с данными о численности работников обрабатывающей промышленности, которая, по результатам переписи 2020 г., составляла 136 млн человек, то безработица,

⁸ Рассчитано автором по данным по занятости в обрабатывающей промышленности в КНР [19; 20] и в мире. См.: Data Explorer. ILO. <https://www.ilo.org/shinyapps/bulkexplorer52/> (accessed 14.01.2024)

⁹ На момент написания статьи автору неизвестны аналогичные расчеты по развивающимся странам.

вызванная роботизацией, может охватить до 5% работников сектора, что добавило бы 1 п.п. к общему уровню безработицы. Такой прирост выглядит существенным, в т.ч. на фоне прочих факторов: например, с конца 2022 г. также отмечается рост безработицы среди молодежи в городах (до 21% в мае 2023 г.) в связи с сокращением числа рабочих мест в секторах, которые подверглись давлению регуляторов¹⁰.

Однако рассмотрение структурных изменений на рынке труда показывает, что темпы установки роботов в обрабатывающей промышленности, вероятно, даже недостаточны, чтобы покрыть отток рабочей силы из сектора на горизонте до 2030 г.

Для оценки изменений в структуре занятости нами была проведена оценка по двум сценариям.

Государственное статистическое управление (ГСУ) КНР публикует число занятых в обрабатывающей промышленности только по итогам переписей населения каждые 5 лет, и этих данных недостаточно для прогноза. В этой связи первоначально была проведена оценка изменений в структуре занятости по 3 секторам экономики. Переток между секторами преимущественно односторонний: из первичного и вторичного – в третичный, и может быть с достаточной степенью достоверности описан линейными зависимостями¹¹. Таким образом, при сохранении трендов занятость во вторичном секторе сократится к 2030 г. до 195 млн человек (см. *диагр. 3*).

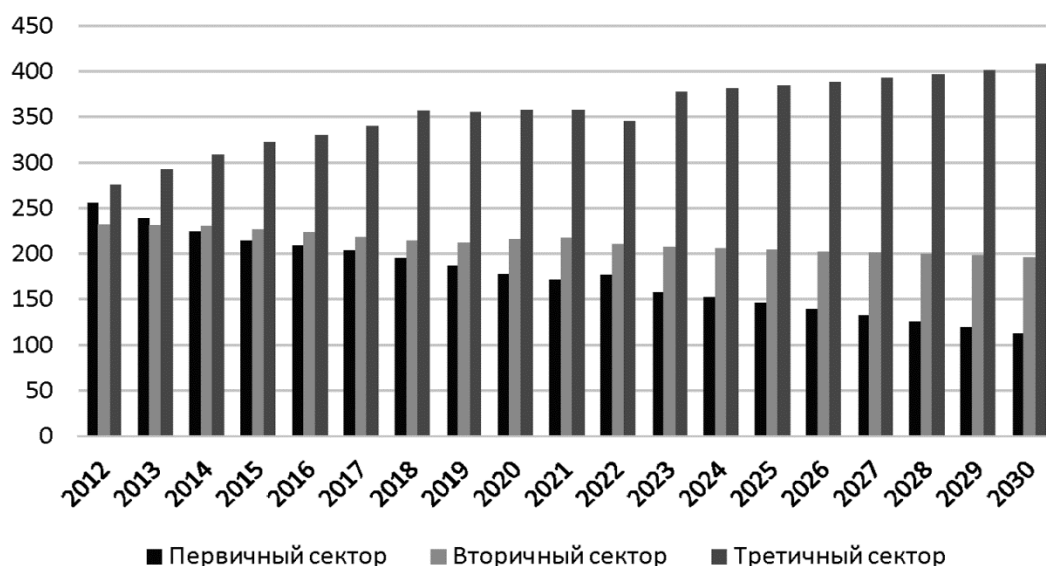

Диаграмма 3. Прогноз занятости по трем секторам экономики КНР (млн занятых).
Diagram 3. Employment forecast for three sectors of economy of the PRC (mln employees).

Рассчитано автором по данным Статистических ежегодников ГСУ КНР.
<https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/yearbook/> (accessed 17.01.2024)

На основе полученных данных по вторичному сектору была проведена оценка занятости в обрабатывающей промышленности до 2030 г. по 2 сценариям.

Первый сценарий предполагает сохранение доли занятости в обрабатывающей промышленности по отношению ко всему вторичному сектору на среднем уровне последних 10 лет (66,4%)¹².

Второй сценарий включает линейный прогноз тренда последних 10 лет¹³ и предполагает снижение доли занятых в обрабатывающей промышленности по отношению ко всему вторичному сектору до 63%.

¹⁰ Why youth unemployment is surging in China. CNBC. 2023. <https://www.cnbc.com/2023/09/03/chinas-urban-youth-unemployment-crisis.html> (accessed 16.01.2024)

¹¹ Регрессионная статистика для перетока из вторичного в третичный сектор: нормированный $R^2 = 0,83$, $p = 0,00006$; из первичного в третичный сектор: нормированный $R^2 = 0,91$, $p = 0,00003$.

¹² Так, за последние 10 лет отношение числа занятых в обрабатывающей промышленности к числу занятых во вторичном секторе было стабильным и колебалось в пределах 66–68% (пик – 2015 г.) (прим. авт.).

¹³ Линейный прогноз кажется подходящим, т.к. исторические данные с достаточной степенью достоверности описываются линейной зависимостью (нормированный $R^2 = 0,825$, $p = 0,0004$) (прим. авт.).

Моделирование оттока по 2 сценариям с 2015 по 2030 г. показывает, что совокупный отток из обрабатывающей промышленности из-за демографических изменений и сдвига структуры занятости в пользу сферы услуг составит примерно от 25 до 30 млн человек. Из них с 2024 по 2030 г. сектор может лишиться от 8,2 до 11,8 млн работников. В свою очередь, оценки потенциально автоматизируемых рабочих мест до 2030 г. выполнены нами на основе данных упоминавшегося выше Д.Аджемоглу [6] и *Oxford Economics* [9] и приведенных ранее прогнозов Международной федерации робототехники (см. *граф.*).

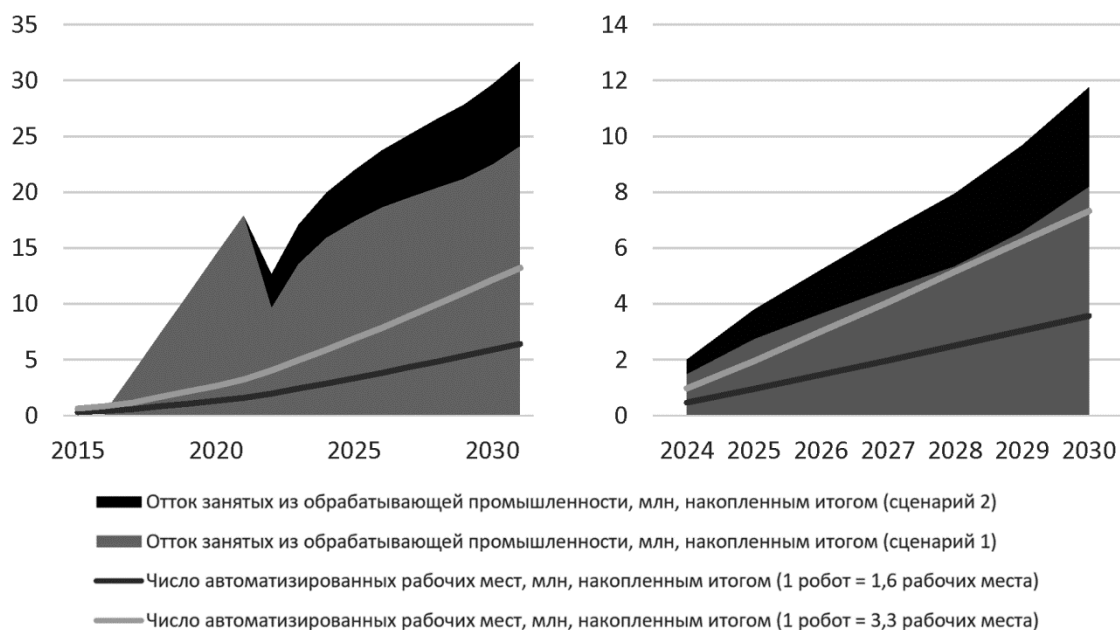

График. Оценка оттока занятых и числа автоматизированных рабочих мест в обрабатывающей промышленности КНР до 2030 г., накопленным итогом (млн).

Graph 1. Estimated change in employment and automated workplaces in manufacturing in the PRC up to 2030, cumulative (mln).

Рассчитано автором по данным по числу автоматизируемых рабочих мест на одного работника [6; 9] и данным по занятости в обрабатывающей промышленности КНР [12; 13].

В результате отток занятых из обрабатывающей промышленности до 2030 г., вероятно, окажется больше, чем потенциальная автоматизация даже в пессимистичном сценарии: так, с 2023 по 2030 г. минимальный отток занятых составит 8 млн при максимуме в 7,5 млн автоматизированных рабочих мест.

При этом важно заметить, что причины оттока на текущий момент в меньшей степени связаны со страхом автоматизации, а в большей – с изменившимися предпочтениями молодых работников, которые всё чаще переходят в сферу услуг в связи с разницей в уровне заработных плат и лучшими условиями труда [11]. Более того, согласно опросу обрабатывающих производств компаний, в 2022 г. было выявлено, что более 83% компаний испытывали нехватку рабочей силы от 10% до 30% штата, причем у 32% опрошенных компаний проблема длилась уже несколько лет¹⁴, что происходит на фоне описанной ранее безработицы среди молодежи.

В этой связи автоматизация может быть не столько угрозой для существующей рабочей силы, сколько попыткой развивать производство в условиях структурных изменений на рынке труда. Этот вывод согласуется с результатами как западных¹⁵, так и российских исследований [14].

¹⁴ 中智：八成企业蓝领用工荒，高技能人才用工缺口大。美通社 (CIIC: 80% of companies have blue-collar labor shortage, and there is a big gap in the employment of high-skilled talents. PR Newswire). 2022. (In Chin.). <https://www.pnnasia.com/story/355883-1.shtml> (accessed 17.01.2024)

¹⁵ How China and Japan are Using Robots to Fill Gaps in the Workforce. *The Lauder Institute of University of Pennsylvania*. 2022. https://lauder.wharton.upenn.edu/wp-content/uploads/2022/02/2_Using-Robots-to-Fill-Workforce-Gaps.pdf (accessed 17.01.2024)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китай, являясь многолетним лидером как по числу установок, так и по производству промышленных роботов, постепенно выходит на уровень развитых стран по плотности использования роботов (в пересчете на 10 тыс. работников обрабатывающей промышленности). При этом правительство с 2010-х гг. вплоть до сегодняшнего дня активно продвигает внедрение роботов, стандартизацию и регулирование их использования в разных отраслях промышленности, что во многом способствовало текущим успехам Китая в сфере роботизации.

Вместе с тем долгосрочные демографические тренды и структурные изменения на рынке труда, связанные с повышением уровня заработных плат и перетоком занятых в сферу услуг, представляют новые вызовы для развития промышленности. С этой точки зрения дальнейший рост внедрения роботов, прогнозируемый в КНР, может оказаться недостаточным для устранения нехватки работников обрабатывающей промышленности.

Считаем возможным отметить, что текущие прогнозы промышленной автоматизации могут недоучитывать прорыв в сфере искусственного интеллекта (ИИ), причем как в одну, так и в другую сторону.

С одной стороны, согласно «парадоксу Моравека»¹⁶ [15], вычислительной системе требуется меньше ресурсов для выполнения когнитивных операций в сравнении с сенсомоторными. Этим может объясняться бóльший прогресс в применении ИИ для генерации информации, чем для решения задач в физическом мире, в т.ч. с использованием роботов. С другой стороны, наиболее масштабные изменения в сфере ИИ начались лишь в течение последнего года с созданием генеративных нейросетей. Эволюция этих ИИ-моделей сегодня происходит даже быстрее их изучения¹⁷.

Вместе с тем Китай уже стремится регулировать искусственный интеллект. Так, с 2017 г. в стране принято 9 документов национального уровня, направленных на более широкое внедрение ИИ-технологий в экономику [16]. В этой связи с переходом генеративного ИИ в физический мир можно ожидать аналогичной регуляторной поддержки и в отношении его внедрения в реальный сектор. Соответственно, скорость автоматизации и её влияние на занятость в КНР в ближайшие годы потребуют дальнейшего изучения с учетом эффектов, которые появятся в результате применения искусственного интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. China's Domestic Transformation in a Global Context (China Update Series). Song L., Garnaut R., Fang C., Johnston L. et al. Canberra: ANU Press, 2015.
2. Мельянцев В.А. Успехи, проблемы и противоречия современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. *Восток (Oriens)*. 2015. № 5. С. 80–102.
Meliantsev V.A. 2015. Successes, problems and contradictions of modern economic growth in developed and developing countries. *Vostok (Oriens)*. № 5. Pp. 80–102. (In Russ.)
3. Cheng H., Jia R., Li D., Li H. 2019. The Rise of Robots in China. *Journal of Economic Perspectives*, № 33 (2), Pp. 71–88.
4. Müller C. 2023. World Robotics 2023 – Industrial Robots. *IFR Statistical Department, VDMA Services GmbH*. Frankfurt am Main, Germany.
5. Dang Y. China eyes robot manufacturing as way to fuel economic growth. *South China Morning Post*. <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3231715/china-eyes-robot-manufacturing-way-fuel-economic-growth> (accessed 12.01.2024)
6. Acemoglu D., Restrepo P. 2020. Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets. *Journal of Political Economy*. Vol. 128. № 6. Pp. 2188–2244.

¹⁶ Парадокс Моравека – обратная зависимость между сложностью автоматизации задачи и сложностью её ручного выполнения человеком, выявленная австрийским исследователем в области робототехники Хансом Моравеком в 1988 г. Так, например, сложные для человека когнитивные действия, такие как игра в шахматы или решение математических задач, достаточно легко запрограммировать на компьютере, в то время как распознавание лиц или перемещение объектов в пространстве – более сложная задача для автоматизации (прим. авт.).

¹⁷ Так, пока ученые ищут решения для устранения искажений и «галлюцинаций» ИИ-модели GPT-4, разработчик модели уже заявляет о скором выпуске её следующей версии с большим набором функций. См.: OpenAI chief seeks new Microsoft funds to build 'superintelligence'. *Financial Times*. 2023. <https://www.ft.com/content/dd9ba2f6-f509-42f0-8e97-4271c7b84ded> (accessed 19.01.2024)

7. Autor D.H. 2015. Why Are There Still So Many Jobs? The History and Future of Workplace Automation. *Journal of Economic Perspectives*. 2015. Vol. 29. № 3. Pp. 3–30.
8. Manyika J. et al. A Future That Works: Automation, Employment, And Productivity. *McKinsey & Company*. 2017. <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/Digital%20Disruption/Harnessing%20automation%20for%20a%20future%20that%20works/MGI-A-future-that-works-Executive-summary.ashx> (accessed 14.01.2024)
9. Lambert J., Cone E. How Robots Change the World. *Oxford Economics*. 2019. <https://www.oxfordeconomics.com/resource/how-robots-change-the-world/> (accessed 14.01.2024)
10. Acemoglu D. 2000. Technical Change, Inequality, and The Labor Market. *National Bureau of Economic Research*. Working Paper No. 7800.
11. Kirton D. Insight: Younger Chinese are spurning factory jobs that power the economy. *Reuters*. 2022. <https://reuters.com/world/china/younger-chinese-are-spurning-factory-jobs-that-power-economy-2022-11-21/> (accessed 15.01.2024)
12. Chen X., Pei G., Song Z., Zilibotti F. 2023. Tertiarization Like China. *Annual Review of Economics*. № 15. Pp. 485–512. <https://doi.org/10.1146/annurev-economics-071122-030026>
13. Lin X. Almost 20% of China's Workforce Is in Manufacturing, Study Shows. *Yicai Global*. 2022. <https://www.yicaiglobal.com/news/almost-20-of-china-workforce-is-in-manufacturing-study-shows> (accessed 15.01.2024)
14. Акимов А.В. Влияние робототехники и трудосберегающих технологий на демографические процессы: тренды и сценарии. *Демографическое обозрение*. 2017. Т. 4. № 2. С. 92–108.
Akimov A.V. 2017. How robotics and labor-saving technologies impact population change: trends and scenarios. *Demographic review*. Vol. 4. № 2. Pp. 92–108. Moscow. (In Russ.)
15. Moravec H. 1988. *Mind Children: The Future of Robot and Human Intelligence*. Cambridge, Massachusetts. 214 pp.
16. Sheehan M. China's AI Regulations and How They Get Made. *Carnegie Endowment for International Peace*. 2023. <https://carnegieendowment.org/2023/07/10/china-s-ai-regulations-and-how-they-get-made-pub-90117> (accessed 23.01.2024)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лемутов Василий Александрович, соискатель, кафедры международных экономических отношений, ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Vasily A. Lemutov, Applicant, International Economic Relations Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 21.01.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 14.04.2024

Принята к публикации
(Accepted) 12.05.2024

DOI: 10.31857/S032150750031026-0

Страница истории Анголы

© Сидорова Г.М.^а, 2024

^a Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-4676-3954; gal_sid@mail.ru

Рецензия на книгу: *Дженчакова О.А.* Ангола: судьба анклава Кабинда (М.: ИАФР РАН, 2023). 208 с. ISBN 978-5-91298-290-3

Ключевые слова: Африка, Ангола, анклав Кабинда, Нижнее Конго, колониализм, политика Португалии

Для цитирования: Сидорова Г.М. Страница истории Анголы. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 6. С. 79–81.
DOI: 10.31857/S032150750031026-0

A Page of Angolan History

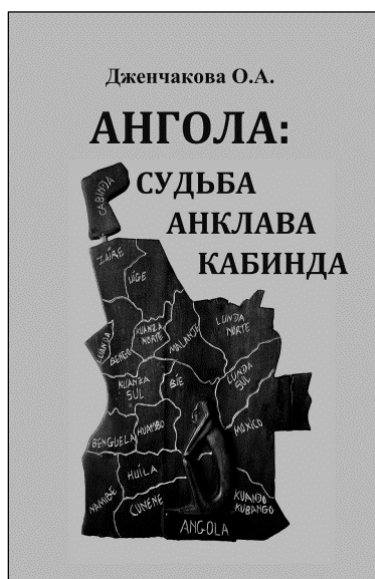
© Galina M. Sidorova^a, 2024

^aDiplomatic Academy, Russian Ministry of Foreign Relations, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4676-3954; gal_sid@mail.ru

Review of the book: *Dzhenchakova O.A.* Angola: the fate of the Cabinda enclave (Moscow, 2023. 208 p.). (In Russ.). ISBN 978-5-91298-290-3

Keywords: Africa, Angola, Cabinda enclave, Lower Congo, colonialism, Portuguese politics

For citation: Sidorova G.M. A Page of Angolan History. *Asia and Africa today*. 2024, № 6. Pp. 79–81. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750031026-0

В 2023 году вышла в свет монография **О.А.Дженчаковой «Ангола: судьба анклава Кабинда»** под ред. А.А.Токарева (М., 2023). О.А.Дженчакова – молодой африканист, недавно защитивший кандидатскую диссертацию по данной теме, занимающийся проблемами Юга Африки. Её наставник – видный ученый, А.А.Токарев, имеющий более 100 публикаций по португалоязычным странам. Одна из них – «Португалистика в СССР и России» (М.: Весь Мир, 2014. 184 с.).

Книга О.А.Дженчаковой посвящена малоизученным аспектам истории бывшего португальского владения в Африке – Португальского Конго, впоследствии переименованного в Кабинду.

Одним из главных факторов, определяющих проблему статуса Кабинды, стала его историко-географическая составляющая: в результате колониального раздела района Нижнего Конго территории, населенные гомогенными или близкими друг к другу этносами, оказались разделенными административными, а позже – государственными границами, что предопределило возникновение и сохранение будущих конфликтогенных реалий (с. 168).

Ценность рецензируемой работы состоит в том, что в основу исследования автора легли прежде не публиковавшиеся в отечественной историографии документы (например, заключенный Португалией и местной знатью Симуламбукский договор 1885 г.), их тщательный отбор. О.А.Дженчакова нашла и донесла до читателя уникальные, ранее не опубликованные материалы

из Государственного архива Российской Федерации. Например, письмо ФЛЕК¹ в адрес Советского Комитета солидарности стран Азии и Африки (СКССАА), перечень материальной помощи, которую ФЛЕК надеялся получить от СКССАА, письмо посла СССР в Республике Конго С.Немчины председателю СКССАА М.Турсун-Заде (октябрь 1963 г.) и др.

Первая глава «Проблема территориальных конфликтов в Африке южнее Сахары и ее конкретизация на примере анклава Кабинда» посвящена проблеме территориальных конфликтов в Африке южнее Сахары и её конкретизации на примере анклава Кабинда. По мнению автора, среди международных конфликтов следует особо отметить деколонизацию, последствия окончания холодной войны, глобализацию и либерализацию мировой экономики, которые породили в Африке ощущение политической и экономической незащищенности (с. 41).

Здесь же предлагается сравнительная характеристика типологий конфликтов с позиций отечественных и зарубежных авторов. Среди них такие имена, как Н.Д.Косухин, В.М.Кассеа Негусие, В.С.Кравченко, а также Ч.Томас, американский специалист в области военных наук, и Т.Фалола, исследователь гуманитарных наук из Университета Техаса (г.Остин), и др. Автор считает, что «понятия сепаратизм и сецессия чаще всего тождественны или синонимичны» (с. 34).

Во второй главе «История колонизации территории современной Кабинды и ее развитие в контексте португальской колониальной политики (XV в. – 1975 г.)» автор подробно останавливается на истории колонизации территории современной Кабинды и её развитии в контексте португальской колониальной политики (XV в. – 1975 г.).

Сфера научных интересов автора обширна: от исторического развития Нижнего Конго в доколониальный период до зарождения антиколониальных движений на территории португальских владений – Анголы и Кабинды, а также развертывания вооруженной борьбы в Кабинде.

Уникальность исследования состоит в том, что О.А.Дженчакова внесла много уточняющих фактов в историю Анголы и Кабинды, основанных на изучении сборников архивных документов, записей фольклорных текстов, описаний, сделанных путешественниками в XIX в., часть которых перевела с португальского сама автор монографии.

Широко используя представленные советскими/российскими ветеранами материалы их домашних архивов и их личные воспоминания, опыт изучения ангольской культуры, автор приводит примеры ритуальных обрядов, подчеркивая тем самым, что прошлое и настоящее этой страны связаны неразрывной нитью.

В рассматриваемое исследование вошел такой важный раздел, как создание договорно-правовой основы преобразования территории анклава в португальский протекторат Кабинда. Среди документов – упоминавшийся выше Симуламбукский договор, который стал «своеобразным итогом всех предыдущих, так как он установил португальский протекторат над всей территорией Кабинды с назначением там представителя португальской короны в качестве управляющего» (с. 80). Символично, что в честь заключения этого договора в Кабинде был установлен памятник, который стоит там по сей день. Надпись на нем гласит: «В этом месте, в Симуламбуку, 1 февраля 1885 г. заключен договор, по которому Кабинда вошла в состав португальской нации» (с. 79).

Кабиндцы считали, что этот документ станет гарантией их независимости, суверенитета, а также единства и целостности территории. Однако геополитические, экономические, в том числе конъюнктурные, интересы Португалии в последующие годы в значительной мере не оправдали их ожиданий.

Составляя летопись борьбы колониальных народов и при этом давая ей оценку как профессионала-африканист, автор позволила читателям погрузиться в эпоху глобальных геополитических перемен, завершившихся в середине 1970-х гг. провозглашением независимости Анголы.

Первым исторически зафиксированным проявлением народного недовольства колониальной политикой Португалии в Кабинде стал в 1886 г. отказ от подчинения португальской администрации Салавы Мабиаала – вождя деревни Маллоэ Лоанго. Но после недолгого разбирательства бунт был подавлен (с. 91). В 1917 г. на территории Кабинды были зафиксированы акции протеста местных жителей против высоких налогов на *кубату* (местный алкогольный напиток) и использования принудительного труда.

В период нахождения у власти в Португалии Салазара (1932–1968) в Анголе и других «заморских территориях» Португалии было запрещено создание политических объединений. Именно поэтому на-

¹ Фронт освобождения анклава Кабинда (прим. авт.).

ционалистические объединения вынуждены были искать пристанище в соседних государствах (с. 93). Так, в период с 1948 по 1961 г. активисты переместились в Леопольдвиль (совр. Киншаса, ДРК). Борьба националистов преследовала главную цель – завоевание политической независимости Кабинды от Португалии и выход анклава из состава Анголы (с. 95).

В третьей главе *«Исторический аспект условий изменения статуса Кабинды в составе Анголы»* затрагивается один из сложнейших вопросов внутривнутриполитической обстановки – борьба сепаратистских сил Кабинды после провозглашения независимости Анголы в январе 1975 г.

Для более глубокого понимания вопроса дается представление о трех антиколониальных организациях, включая Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА), Национальный фронт освобождения Анголы (ФНЛА), Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА) во главе с Ж.Савимби и ФЛЕК. Упоминается главный идеолог вооруженной борьбы в Кабинде – Энрике Тьягу (1927–2016), бессменный лидер ФЛЕК.

О.А.Дженчакова обращает внимание на близость интересов этого политического деятеля с идеями конголезского лидера Патриса Лумумбы, современника Тьягу (с. 96). В свою очередь, мировоззрение этих борцов за независимость и свободу созвучно с концепцией «Теории очага» латиноамериканского революционера Э.Че Гевары (с. 97). Суть этой теории состоит в том, что сначала может зародиться некая организация, которая затем мобилизует население страны на решение важных задач. Автор обращает внимание на тот факт, что события, развернувшиеся в Анголе, в т.ч. в Кабинде, в первые три месяца 1961 г., привлекли внимание мирового сообщества к этой стране.

Вооруженные выступления против португальских властей, белых колонистов и «ассимиладуш», организованные МПЛА в Луанде 4 февраля и Союзом народов Анголы (УПА) на севере Анголы 15 марта, в отечественных и зарубежных источниках принято считать началом антиколониальной борьбы 1961–1974 гг. в Анголе.

Несколько страниц книги посвящены общественному деятелю, писателю Николау Гомешу Спенсеру, уроженцу Кабинды, убитому при невыясненных обстоятельствах (с. 106).

Сообщается интересный факт о том, что в Анголе широкое распространение получили военно-партийные псевдонимы. Так, большинство членов МПЛА имели псевдонимы или «военные имена» (португальски «номе де герра»), которыми даже гордились. Например, министр обороны Анголы П.М.Тонья за энергичность и способность к многочасовым танцам звался «педалар», от португальского разговорного глагола «педалар» – крутить педали, быстро ездить на велосипеде (с. 108).

Переходя к современным событиям, О.А.Джанчакова делает акцент на «нефтяной подоплеке» взаимоотношений между правительством Анголы и сепаратистскими группировками Кабинды (с. 136). Автор приходит к заключению, что заинтересованность правительства Анголы в сохранении Кабинды в составе Анголы практически сводит к нулю вероятность выхода нефтеносной провинции из состава Анголы. При этом подчеркивается, что кризис затянулся и одна из задач внутривнутриполитического курса правительства Анголы заключается в постепенном смещении экономического центра тяжести с территории провинция Кабинда на соседние нефтедобывающие районы страны.

В заключение хотелось бы отметить неоспоримый вклад О.А.Джанчаковой в отечественную африканистику. Монография *«Ангола: судьба анклава Кабинда»* – это первая фундаментальная работа подобного рода по истории проблемы Анголы и Кабинды, раскрывающая «внутренние пружины» конфликтов и пока неразрешимых противоречий этносов, населяющих эти территории. Она позволяет лучше узнать Африку, особенности ментальной культуры её народов, историческое прошлое и богатство традиций. Именно поэтому книга займет заметное место среди академических изданий по Африке.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сидорова Галина Михайловна, доктор политических наук, профессор, ст.н.с., Дипломатическая академия МИД России. Москва, Россия.

Galina M. Sidorova, Dr.Sc. (Political Science), Professor, Senior Researcher, Diplomatic Academy, Russian Ministry of Foreign Relations, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.01.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 15.05.2024